

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

Ж У Р Н А Л Ъ

СЛОВЕСНОСТИ, ТЕАТРА, НОВОСТЕЙ И МУЗЫКИ,

НА 1831 ГОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Егоромъ Аладьинымъ.

Т О М Ъ Ш.

С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ,
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА
ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1831 ГОДА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи предспавлены были въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра.

С.-Петербургъ, 31 Марша 1851 года.

Ценсоръ *О. Сенковский.*

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

ОРГОНСКАЯ ДѢВУШКА.

(Истинное происшествіе.)

Вѣсть о возстановленіи Бурбоновъ, разгорячила умы жителей въ большей части полуденной Франціи; — то не было чувство радости о паденіи Наполеона — мщеніе кипѣло въ сердцахъ!

Ді здравствуетъ Король! Смерть Тирану! такіе крики раздавались въ снѣгахъ Марсельскихъ. Ихъ повсюду повторяютъ единогласно жители Прованса. Все въ воспоргѣ, узнавъ о возвращеніи древней династіи. —

Повсюду работы прекратились — въ городахъ и въ деревняхъ собирается народъ: празднуютъ восшествіе Людовика на древній отеческій тронъ. — Дѣвушки въ бѣлыхъ одеждахъ и съ вѣнками на головахъ пляшутъ и поютъ. Юноши, раздраженные конспирбуціею Императора, въ душахъ ненавидяціе войну, снова

гопобы на битву. При громѣ пушекъ, возвѣщающемъ всеобщій миръ, составляются полпы волонтировъ.—Они носятъ всюду бѣлое знамя и бюстъ Короля.—На врагахъ палатъ и на дверяхъ бѣдной хижины вѣшется также бѣлое знамя.

Такъ волновались умы жителей Оргона, когда пришла вѣсть, что чрезъ этотъ городъ долженъ проѣзжать Наполеонъ, отправляясь на Эльбу. Имя города этого сохранилось по одному непредвидѣнному обстоятельству — о кошоромъ мы говоримъ намѣрены. Оргонъ находился недалеко отъ Авиньона, на пути къ Марселю: онъ окруженъ виноградниками и плодовитыми деревьями, сполитъ на рѣкѣ Дюрансѣ, орошающей водами своими долину Авиньонскую. Умѣренный климатъ, плодоносная почва, воптъ что дѣлаетъ пріятнымъ пребываніе въ странѣ сей, что заставляеитъ любить Провансѣ, прославляемый поэтами.

Въ предмѣстьи, по дорогѣ изъ Авиньона, есть домъ окруженный развалинами. Тутъ былъ вѣроятно въ прежніе годы монастырь. Это почтовая Королевская станція, и здѣсь-то грозила ужасная бѣда Наполеону.

Въ 1814 году въ этой почтовой станціи служила дѣвушка; на задумчивое, печальное лице ея, нельзя было не обратитъ вниманія; всѣ порученія, приказанія, она исполняла почто и скоро.—Но никто не слыхалъ отъ нее

оспраго, веселаго слова. Подарки проѣзжихъ путешественниковъ получала она пошупя глаза и поспѣшно уходила: казалось, она чего-то спыдилась — но принимала ихъ пошому только, что по возложенной на нее обязанности — ей трудно было опказатьсь. Она была высокаго роста, имѣла стройный станъ. Одаренная всѣми прелестями — тѣмъ болѣе привлекала къ себѣ своею задумчивостью. Въ молодой, хорошенькой дѣвушкѣ, есть что-то такое, прогашелье самой красоты: это просная блѣдность, разлиная невѣдомою грустью и слезы блестящія на рѣсницахъ. —

Содержатель гостиницы зналъ родителей Лауры; но тайна была сокрыта глубоко. Лаура была употребляема на маловажныя домашнія работы. Ее всѣ уважали; вообще одежда ея опличалась простотою: ни блестящаго креста, ни золотыхъ цѣпей, ни ожерелій — она носила всегда шемное платье и широкою черною лентой подвязывала волосы: но по комъ носила она печальную одежду, никто не зналъ.

Лаура не принимала никакого участія въ радости своихъ согражданъ: напрорпивъ, замѣшно было, что грусть ея увеличивалась. Возвращающіеся воины, сін послѣдніе опоры величія и славы Франціи, опгоняемые опъ родныхъ очаговъ своихъ, находили пріюшь въ гостиницѣ. Задумчивая Лаура, споя у

воропъ и видя ихъ идущихъ изъ негостеприимныхъ сплѣтъ города, испрашивала имъ и помощь и почлегъ.

Внезапно проявилась въ Оргонѣ толпа людей, гонимыхъ всегда воспользовавшихся смутами гражданскими, какъ хищные птицы добычею. Они пришли раздражить еще болѣе умы народа. Кто послалъ ихъ? Чѣмъ оправданы дѣла ихъ? Да и какое дѣло можетъ быть оправдано убійствомъ и грабежемъ? Одинъ изъ сихъ людей, носившій названіе Графа, остановился въ Королевской госпитальницѣ.

Онъ былъ не молодъ, обыкновеннаго роста, но имѣлъ выразительное лице. Золото рассыпая онъ щедрою рукою и съ воспоргомъ говорилъ о домѣ Бурбоновъ и о Король. Народъ дивился ему!

Этотъ шайневенное лице не обратило вниманія Лауры, она сидѣла въ опдаленномъ углу пріемной залы, когда вошелъ этотъ Графъ, въ сопровожденіи многочисленной толпы, между тѣмъ, на улицѣ народъ шумѣлъ, какъ сердитыя волны.

— Благодарю васъ господа, за благосклонный пріемъ;—Король узнаетъ о вашей преданности.

—Да здравствуетъ Король! раздались клики.

— Я тѣмъ болѣе доволенъ этимъ, продолжалъ незнакомецъ, чѣмъ на щель жителей сего города Его Величество былъ самаго не-

выгоднаго мнѣнія. Говорили, что здѣсь Наполеонъ найдетъ хорошій пріемъ.

— Смерть хищнику! Да здравствуетъ Король!

Славно! славно! да здравствуетъ нашъ законный Король! воскликнулъ незнакомецъ, бросая въ верхъ шляпу, украшенную бѣлымъ плюмажемъ. Опъ васъ зависить подтвердитъ слова ваши: Наполеонъ завтра пройдетъ чрезъ вашъ городъ.

Глухой ропотъ понесся опъ толпы, казалось Графъ былъ очень доволенъ дѣйствіемъ словъ своихъ; опъ хотѣлъ продолжать, какъ вдругъ молодая дѣвушка бросается въ бурную толпу: это Лаура. Яркій огонь румянца игралъ на щекахъ ея, глаза пылали — а когда она схватила руку незнакомца, взоры ея выражали что-то грозное, необыкновенное, такъ, что слова замерли въ устахъ его.

— Какъ? вы не обманываете насъ? — Завтра здѣсь будетъ Наполеонъ! на этомъ самомъ мѣстѣ! . .

— Горесипная улыбка, выражающая сомнительную надежду, пробѣжала по ея блѣднымъ уснамъ; она дрожала, какъ будто оивѣвъ незнакомца рѣшалъ участь ея, потомъ успрѣмила на него взоръ возмущенный страстью.

— Какое шебъ до этого дѣло? спросилъ пораженный незнакомецъ. Не дѣвужкѣ такая новость занимательна.

— Вы привыкли презиратьъ женщинъ! а ихъ любовь и ненависть сильнѣе вашей. Прошу васъ, скажите мнѣ, точно ли онъ здѣсь будетъ? . .

— Послушай дѣвушка, отвѣчай мнѣ прежде, повержена ли ты къ Королю?

— Не знаю . . . но я ненавижу Наполеона: онъ виновникъ моего злополучія!

— Господа, сказалъ незнакомецъ, въ этой дѣвушкѣ есть что-то необыкновенное. Да, мой другъ, Наполеонъ завтра пройдетъ здѣсь, прибавилъ онъ.

— И никогда отсюда не выѣдетъ! воскликнула Лаура, съ блискающимъ отъ гнѣва взоромъ.—Никогда! Но не здѣсь будетъ его могила! здѣсь прахъ опцовъ нашихъ! Нѣтъ! воды Дюранса . . . пустите меня! пустите! . . .

Она быспро бросилась изъ комнаты: всѣ были поражены.

— Она помѣшана! за ней! раздались многіе голоса.

Лаура бѣжала на площадь—народъ шолпился, предавался буйному воспоргу. На балконахъ и окнахъ домовъ, развѣвались бѣлыя знамена и масляные вѣнки. Тысячи факеловъ пылали по улицамъ. На небѣ не было ни облачка. Торжественной покой природы, казалось укорялъ буйные страсти людей.

— Что скажете нашимъ, гордая красавица? закричалъ кто-то: Не слушайте ее? —

Она не роялиспика! Да здравствуесть Король!

— Молчите! воскликнула Лаура. Жены и дѣвы Оргонскія, выслушайте меня.

— Да, да! выслушаемте!

— Слушайте — и горе тому, кто оскорбитъ ее! сказалъ молодой высокаго роста человекъ, становясь возлѣ Лауры; потомъ грознымъ голосомъ онъ водворилъ молчаніе. Лаура однимъ взоромъ благодарила его.

— У кого изъ васъ, хищникъ не испортилъ брата, сына . . друга . . . мужа! воскликнула Лаура.—Вспомните дни тѣ, когда злодѣи, называвшіеся подвижными колоннами, опустошали села наши. Если злополучный юноша, единственная опора спараго отца, надежда подруги скрывался въ лѣса, избѣгалъ вѣрной смерти—ни ему, ни дому его, не было пощады. Видали ль вы дѣшей вашихъ привязанныхъ къ хвостамъ коней лютыхъ воиновъ! Мщеніе! Мщеніе! Тотъ, кто повелѣлъ всѣмъ сѣмъ неистовства—завтра будетъ здѣсь; и если некому повергнуть въ прахъ злодѣя—я иду на это дѣло! . . .

— Смерть ему! да здравствуесть Король! . .

— Славно, дѣвушка! сказала спаруха, опираясь на посохъ. Это чудовище! . . . Мой бѣдный Карлъ! онъ убѣждалъ отъ Бонапарша, боясь, чибобъ я не умерла съ голода—а злодѣй разстрѣлалъ его.

— Каждая слеза швоя вопіенъ о мщеніи

за пролитую кровь его. Да умретъ онъ подъ ударами оскорбленныхъ имъ. Да спрдааетъ онъ пакъ, какъ мы спрдали — да спноами своими, выкупитъ вопли наши! . . .

Да здравствуетъ Король! смерть злодѣю! . . .

Слова Лауры, какъ электрическая искра воспламенили народъ. Грозно раздавались крики его—но Лаура снова водворила молчаніе.

— Пусть знаетъ онъ, какая участь готова ему: онъ остановился на Королевской станціи. Начнемъ же казнь съ его собственнаго изображенія. Жены и дѣвы! спускайте за мною! —

Громко вшорилъ народъ радостные клики.

Незнакомецъ, о которомъ говорили выше, слѣдовалъ за толпою и рѣчами своими спрался болѣе и болѣе пыпать огонь раздора. Но Лауру понимали лучше: она напоминала объ ужасахъ конскрипціи!

Народъ опыскала бюстъ, одѣлъ его въ платье, похожее на носимое Наполеономъ—и ликъ его былъ влеко́мъ по улицамъ неиспновою толпою и выешавленъ на позоръ.

Между шѣмъ Наполеонъ совершалъ тяжельй пунъ свой по Юго-западнымъ Провинціямъ Франціи.

Въ Ліонѣ онъ былъ встрѣченъ въ дни бѣдствія, какъ въ дни шоржествъ. Да и не его ли рука воздвигла изъ развалинъ сей великолѣпный Ліонъ?—Благодарный народъ безирес-

танно обращалъ взоръ его на памятники, громко возглаголюще и благосклонность и гений Наполеона;—тронутый герой, подымая омоченные слезами взоры, казалось, высказывалъ упрекъ судьбѣ въ несполнствѣ!

(Окончаніе въ слѣдующемъ No.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Н а и м я н н ы М. Н. Д.

Сегодня ваши именины,
 Поздравить васъ — я очень радъ,
 Но въ нихъ я вижу — виноватъ —
 Ошибку важную судьбины:
 И какъ ей въ голову пришло
 Апрель первое число —
 Сей день обманомъ знаменитой,
 На праздникъ вамъ опредѣлить,
 И какъ не стыдно ей грѣшить
 Такъ безразсудно и открыто?
 О! еслибъ я распоряжалъ
 Судьбы танцевенной дѣлами!
 Я бъ лучший день для васъ избралъ
 Между прекрасѣйшими днями,
 Тотъ самый день, когда весь міръ
 Свое веселье торжествуетъ,
 Когда играющій зефиръ
 Цвѣтны роскошныя цѣлуетъ

И съ пшхимъ лепешомъ слегка,
 Живую влагу ручейка
 Спруями свѣплыми волнуешъ;
 Когда подъ сумракомъ вѣпвей
 Благоухающей дубравы,
 То сладоспный, по величавый
 Весенній свищеспъ соловей;
 Когда и небо голубое
 Блиспаешъ полною красой,
 И вѣешъ что-то не земное
 Надъ очарованной землей.
 Все эшо кспаши вамъ—и кто же
 Пѣпяль бы мудроспи судьбишъ,
 Чшо эшо время не похоже
 На время вашихъ имяншъ?

* * *

Э П И Г Р А М М Ы.

1.

Спокойспвѣсмъ домашнимъ дорожа,
 Жена моя не даспъ ни соли, ни жожа;
 Подъ часъ лишь иногда спакъ насолишпъ безъ соли,
 Чшо самъ я радъ подать ей пожъ опъ доброй воли.

2.

Контрбасовъ! сильный пвой смычокъ
 Орфея шаниспво поспигнуль:
 Я видѣль, какъ Лукъ онъ въ сердце даль полчекъ,
 И какъ Архипа имъ шы на сажень подвинуль.

Злобинцкому кричатъ: Иуда!
 Не рано ль? подождемъ покуда
 Онъ увѣнчаетъ верьхъ искушва своего
 Последнимъ подвигомъ его.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

27) *Хлыновскія сватѣбы Иената и Сидора, дѣтей Пвана Выжигина.* Сапирическій романъ, сочиненіе Александра Орлова.—Москва. Въ типографіи Лазаревыхъ Института Воспочныхъ языковъ. 1831. въ 12 д. л. 112 стран.

28) *Промотавийся купецъ,* нравственна-сапирическій романъ. Сочиненіе Александра Орлова. Москва, 1831 г. въ Университетской типографіи, 40 стран. въ 8 д. л.

29) *Дультка, Московская междуумогка, или узенькій корстецъ.* Крипическій романъ. Сочиненіе Александра Орлова. Москва, 1831 г. въ Университетской типографіи, 36 стран. въ 8 д. л.

30) *Горькая участь.* Сочиненіе Александра Орлова. Москва, 1831 г. въ типографіи С. Селивановскаго, 29 стран. въ 8 д. л.

Вопъ и еще четверня произведеній Г. Александра Орлова! Его не страшитъ грозный бичъ крипки, его не трогають справедливое негодованіе людей образованныхъ и спазматическая зѣвоша обманутыхъ,

объявленіями Московскихъ книжниковъ, чшпапашей; Александръ Орловъ пописываетъ себя да пописываетъ свои *правственно-сатирическіе, сатирическіе и критическіе* романчики, предастъ ихъ инцененно во всѣхъ типографіяхъ бѣлокаменной столицы, и пуская этихъ уродовъ по свѣту, *владеть грязные слѣды въ залъ нашей литературы.* (*)

Возкликнемъ же снова:

Когда избавишь насъ Творецъ

Опъ сочиненій Г. Александра Орлова и ему подобныхъ!

С М Ъ С Ъ.

А Н Е К Д О Т Ы.

1.

Генералъ А осматривая Артиллерійскую роту, спросилъ одного стараго Фейерверкера: давно ли онъ въ службѣ?

«Двадцать четыре года, Ваше Превосходительство!» отвѣчалъ Фейерверкеръ.

— «По этому, тебѣ хорошо извѣстна пшволя часть?»

«Извѣстна, Ваше Превосходительство!»

(*) Мы говоримъ здѣсь словами автора романчиковъ: вторая глава *Хлыновской сватьбы*, гдѣ Г. Александръ Орловъ разглагольствуетъ о себѣ самомъ, начинается такъ: «Сочинилъ «вошедши въ домъ Обувалы, грязными сапогами наклалъ по залъ слѣдовъ; а положивши на окнѣ пшлупу, съ которой «пекла дождевая вода, произвелъ лужу.»— За чѣмъ въ эпшой лужѣ не упшнули романчики Александра Орлова! . .

— «Ну, знаешь ли ты, какая разнища между пушкою и единорогомъ?»

«Знаю, Ваше Превосходительство.»

— «Какая же? скажи мнѣ . . .»

«Да—пушка сама по себѣ, Ваше Превосходительство, а единорогъ самъ по себѣ! . . .»

2.

Одинъ прїѣхавшій въ столицу провинціалъ, присѣпсился къ театру и не пропускалъ ни одного спектакля. Тогда давали довольно часто Кернерову драму: *Эдвигъ*, или *испытаніе разбойника*. «Лихо стрѣляешь!» вскричалъ однажды провинціалъ, обращаясь къ своему кресельному сосѣду, когда апаманъ шайки, въ 3-мъ актѣ, пораженный пистолетнымъ выстрѣломъ Эдвиги, падаетъ на землю: «вопль уже пятый разъ я вижу эту пїесу, — и ни разу дѣвушка не дала промаха! . . .»

3.

Одинъ изъ придворныхъ Императрицы Екатерины II не зналъ Французскаго языка. — Государыня уважала его труды и заслуги, — и однажды изъявила ему свое сожалѣніе, что онъ не можетъ обясняться съ Иностранными Послами Добрый старикъ далъ слово скоро выучиться Французскому языку. Спустя нѣскольکو мѣсяцовъ, Императрица спросила его: «каково идетъ ученье? . . .» Хорошо, Ваше Величество, отвѣчалъ тотъ: «весь словарь, до литеры *M.* наизусть знаю!»

Н О В О С Т И.

По извѣстіямъ изъ Кале, въ началѣ прошедшаго мѣсяца, погибли у Англійскихъ береговъ три корабля, шедшіе изъ Дюнкирхена съ масломъ. Изъ экипажа спасся только одинъ человекъ; находившаяся съ нимъ на кораблѣ собака не допустила его уплунуть.—Третій уже разъ обязанъ онъ своею жизнью этому вѣрному живошному.

Французскій Генералъ Приве убитъ недавно на дуэль, однимъ изъ старыхъ своихъ сослуживцевъ.—Поводомъ къ этому дуэлю было требованіе уплаты долга. —

Въ Лондонѣ съдается ежегодно: 150,000 быковъ, 786,308 овецъ, 229,000 телъ, 320,000 свиней, 1,700,000 фунтовъ масла и 23,000,000 фунтовъ сыра.

Въ Туринѣ строится новый гранитный мостъ чрезъ Дору; онъ будетъ состоять изъ одной арки, длиною въ 150, а вышиною только въ 18 футовъ.

С О Д Е Р Ж А Н І Е №. XXVII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза*: Оргонская дѣвушка. (Истинное происшествіе.) *Стихотворенія*: На именины М. Д. Н. Эпиграммы. БИБЛИОГРАФІЯ. Хлыновская свадьба. Промошавшійся купецъ. Дуничка, Московская междуумочка. Горькая участь. СМѢСЬ. Анекдоты. НОВОСТИ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

ОРГОНСКАЯ ДѢВУШКА.

(Истинное происшествіе.)

(Окончаніе.)

25 Апрѣля, на дворъ гостиницы Оргонской въѣхала почтовая карета. Два человека вошли въ комнату, требуя лошадей. Одинъ изъ пріѣзжихъ былъ средняго роста, имѣлъ смуглый цвѣтъ лица; живъ и безпокоенъ былъ взоръ его: крестъ почешнаго Легіона висѣлъ въ петлицѣ синяго фрака. Другой высокаго роста, худощавъ, станъ его былъ согбенъ годами и прудами войны. — На немъ былъ мундиръ Англійскаго Генерала. Почтительно обращался онъ съ своимъ спутникомъ.

На каретѣ путешественниковъ были видны Императорскіе гербы. Толпа, начинавшая уже шершать шершавіе, — снова увеличивалась. Казалось, все возвыщало скорое прибытіе Наполеона, вѣстовщики пріѣзжали одинъ за другимъ и доставляли Меру важныя депеши.

Скоро въ Оргонѣ разнесся слухъ, что карета съ гербами принадлежала Наполеону. Съ грозными криками успредила полна къ почтовому дому, и только что карета въѣхала на дворъ, какъ ворота зашворились и вооруженная чернь начала неисповедованъ подъ окнами, а опважнѣйшіе подставляли къ стѣнѣ лѣстницы.

По весьма странному случаю, Лаура занимала въ домѣ мѣсто хозяйки; она приняла двухъ путешественниковъ въ той же самой залѣ, гдѣ наканунѣ съ такою неожиданностію и странностію обнаружила сокровенныя чувства своего сердца.

Не ты ли хозяйка въ этомъ практирѣ, милая дѣвушка? спросилъ первый изъ путешественниковъ.

— „Нѣтъ, сударь, отвѣчала Лаура, разсматривая съ безпокойнымъ любопытствомъ физиогномію обоихъ путешественниковъ, но вы можете однако жъ обратиться ко мнѣ какъ къ хозяйкѣ;—что вамъ угодно?“

Лошадей, отвѣчала довольно грубо, тотъ самый, который говорилъ прежде съ нею.

— А для кого, если смѣю спросить?

— Для насъ.

— Этого не довольно. Откуда пріѣхали вы? — Не изъ свиты ли вы Бонапарте . . . здѣсь для него нѣтъ лошадей, онъ не будетъ имѣть въ нихъ надобности!

Онъ запрепеталъ, но это невольное движеніе было шакъ быспро и скрипно, какъ спранный взоръ, копорый онъ бросалъ на служанку; онъ повелъ рукою по лбу и далъ знакъ своему товарищу.

— Мы можемъ объявить по совѣсти, присокупили онъ, что не принадлежимъ къ свипѣ того человѣка, копорого ты назвала. Пущь же приготовапть лошадей, и подадупть что нибудь закусить.

Въ движеніяхъ и въ голосѣ незнакомца было, какое-шо величіе и важность, копорые удивили молодую Лауру. Она не могла пропизипься и спѣшила повиноватъся. Пущешешвенники съли за споль; но шопъ, копорый говорилъ съ Лаурою, выпилъ только спаканъ воды, сложилъ на грудь креспномъ руки и погрузился въ глубокую задумчивость. Вдругъ крики буйной черни возобновились. — Лаура, вооруженная шопоромъ, съ пылающими взорами и съ улыбокю радости на устахъ вбѣжала въ комнату.

— Постой, воскликнулъ шопъ самый пущешешвенникъ съ спокійствиемъ, копорое вовсе не казалось припворнымъ. Онъ чего эшошъ шумъ и куда ты сама?

— Такъ, ничего! онвъчала Лаура, можетъ быть Бонапарше подѣзжаетъ сюда. Ему гошовъ приемъ.

— Какъ! спросилъ незнакомецъ съ удив-

леніемъ, ужасное сборище эпо готовится принять Наполеона? Народъ обмануть! безъ сомнѣнія возмущители воспользовались его негодоваіемъ, можешь бышь, даже справедливымъ Пономъ, обращаюсь къ своему товарищу присоветуишь онъ: вы виднше, что здѣсь умышляютъ убійство! вошь впорый опышь адекаго заговора. Я знаю Провансаловъ, они пылки и легко увлекаются, — но они увидяшь свое заблужденіе. Ты, продолжалъ онъ съ большимъ проишь прежняго спокойствіемъ, молодая и прекрасная дѣвушка, опы чего ненавидишь такъ Наполеона? что онъ сдѣлалъ тебѣ? Осмѣлишь ли ты поднать руку на него?

Голосъ и взглядъ эпого чловѣка произвели на Лауру какое-шо неизъяснимое впечатлѣніе; въ смущеніи опустила она глаза и бросила на полъ шопоръ; можно было подумать, что она усмыдилась сама пыкосши, кошорую такъ неосторожно обнаружила, и что прнеушествіе путешественника внезапно дало со всѣмъ другое направленіе ея мыслямъ.

— Будь опкровенна со мною, чѣмъ огорчилъ тебѣ Наполеонъ? Чѣмъ можешь ты оправдать шу ненависть, кошорая заславляетъ тебѣ желанъ и искашь его гибели?

— Не знаю кшо вы, отвѣчала Лаура, но я чувствую необходимость оправдать въ глазахъ вашихъ ненависть меня пожирающую и

заставившую меня взять шопоръ сей!—Наполеонъ! О! сколько зла сдѣлалъ мнѣ этотъ человекъ! Я была сиротой, у меня оставался братъ, который былъ моею опорой, мы жили вмѣстѣ въ томъ домѣ, гдѣ закрыли глаза родителемъ нашимъ. Я была счастлива съ братомъ моимъ — съ моимъ Иосифомъ: онъ зналъ всѣ мысли мои, всѣ желанія . . .

На рѣсницахъ Лауры блеснула слеза и скапывалась по блѣдному лицу ея.

— Продолжай, дочь мой, сказала путешественникъ ласково, я принимаю искреннее въ тебѣ участіе.

— Ахъ, сударь, продолжала Лаура, братъ мой былъ гораздо старше меня; онъ служилъ солдатомъ, когда я была еще ребенкомъ—но не знаю почему получилъ опставку. Иосифъ зналъ какъ я любила . . . и для чего не признаюсь мнѣ въ томъ,—да я любила Евгенія Роберта, сына одной бѣдной вдовы, жившей въ окрестности. Мы соображали о будущемъ прекрасныя сладостныя надежды; я должна была стать его женою. Онъ любилъ только одну меня, былъ прекраснымъ мужчиной во всемъ нашемъ околоткѣ. Началась конскрипція повѣрите ли вы, сударь, Иосифъ хотѣлъ непременно идти вмѣстѣ по моего жениха не смотря на мои слезы и просьбы Евгенія — онъ настоялъ на томъ! Три мѣсяца спустя, погибъ онъ во время ужас-

ной и роковой войны съ Россіею.—О мой Юсифъ! Да благословишь шеба Господь!

— Бѣдная дѣвушка, сказалъ путешественникъ, взявши руку Лауры съ живѣйшимъ участіемъ, которое казалось раздѣлялъ и его спутникъ. Коспи 100 п. храбрыхъ Французовъ покояшся на поляхъ Россіи—и я, шакже служилъ въ рядахъ ихъ; я благодарю шеба за сожалѣніе твое! сказавъ эшо, снялъ онъ свою шляпу и казалось погрузился въ благоговѣйное мечпаніе.

— И вы плачете шакже! воскликнула Лаура, воображеніе которой постепенно воспламенялось. Да благословишь васъ за шо св. Францискъ! Послѣ опъѣзда браша моего, Евгенийъ сдержалъ свой обѣщанія: онъ называлъ меня своею супругой . . . и повѣрише ли вы, сударь! . . въ одинъ день злодѣи окружили домъ нашъ, они пришли именемъ Императора вырвать изъ моихъ объятій мужа моего . . . вы шрепеще! Да, именемъ Императора они исполнили ужасное преступленіе; моля о помилованіи бросилась я въ объятія моего мужа; онъ былъ въ опчаяніи, онъ плакалъ, простирался у ногъ ихъ — но они оковали его шяжелюю цѣпью . . . я видѣла эшо, да, я видѣла, и пусень накажешъ меня Богъ, если я говорю не правду . . . Я хотѣла разорванъ этъ цѣпи, . . и упала плавая въ крови своей. Сабля одного изъ нихъ

пронзила грудь мою . . . Евгений Робертъ погибъ въ Люценскомъ сраженіи; вопль послѣднее письмо и локоны черныхъ волосъ его . . . я ношу ихъ всегда у сердца . . . Ахъ! не удерживайте меня болѣе, я хочу видѣть его, хочу видѣть кровь этого ширана-честнолюбца, который лишилъ меня супруга. Я продала домъ отца моего и вступила служанкой въ гостиницу, я хотѣла, чтобы мать моего Роберта не терпѣла нужды . . . Бѣдная мать! . . . она всякой день плачетъ, всякой день говоритъ о миломъ своемъ сынѣ! . . . Когда наступитъ ей послѣдній часъ . . . я послѣдую за нею . . . вопль — смотрите . . . видите ли вы эту сабельную полосу . . . вопль какъ поразила меня злодѣй именовъ Императора! —

При сихъ словахъ открыла она до половины грудь свою, схватила снова топоръ и бросилась изъ комнаты.

— Оспановись! . . . воскликнулъ путешественникъ, ты жаждешь крови Наполеона, горестъ и отчаяніе ослѣпляютъ тебя, но несчастія твои велики . . . вопль какъ употребляютъ во зло власнѣ свою исполнители воли высшей . . . Послушай бѣдная женщина, ты не должна вмѣшиваться въ презрѣнную толпу буйной черни, ты не рождена для того . . . останься здѣсь . . . я Императоръ! . . .

— Что вы дѣлаете Государь, воскликнулъ Англійскій Генераль бросившись между Лаурою и Императоромъ.

— Генераль . . . мы не власны опдалить ни на одну секунду нашей смерти; и можетъ быть, она для того только щадила меня, на поляхъ битвы, чтобы поразить здѣсь рукою неизвѣстной, о несчастіяхъ которой я искренно сожалею.

Трудно было бы описать дѣйствіе, произведенное на Лауру симъ неожиданнымъ обстоятельствомъ. Она вздрогнула, судорожный трепетъ пробѣжалъ по всему ея тѣлу: Наполеонъ былъ передъ нею . . . но ненависть этой женщины была только въ пылкости чувствъ и воображеніи; въ пламенной душѣ, столь жестоко разтерзанной гибелью единственнаго предмета, въ коемъ полагала она все блаженство свое — была еще добродѣтель и великодушіе. При видѣ знаменитаго человека, котораго имя, такъ долго воспламеняло сердце Лауры желаніемъ мести, родилось въ ней какое-то необыкновенное чувство боязни и уваженія; колѣна ея невольно подогнулись и она проспершись передъ нимъ, почтила его падшее величіе.

— Ахъ! сказала она, голосомъ прерывающимся опять рыданіи, для чего видѣла я васъ Государь?—для чего говорила я съ вами не зная васъ? для чего не вѣхали вы въ

городъ нашъ окруженные солдатами, я съскакала бы васъ посреди ихъ. Да, я сдѣлала бы это, потому, что клялась въ томъ! Но вы въ бѣгствѣ ищите спасенія, вы несчастливы! . . . заклинаю васъ именемъ Бога и именемъ святаго отца, которъй короновалъ главу вашу, скажите, вы ли повелѣли все то зло, которое сдѣлано вашимъ именемъ.

— Императоръ не можете оправдываться передъ своею подданою — онъ живо чувствуетъ несчастія себя постигшія — и прощаетъ заблужденіе Нынѣ, прибавилъ онъ съ чувствительностію, нынѣ, забудемъ прошедшее, я хочу говорить съ нею какъ отецъ, а не какъ Государь. — Нынѣ прекрасная Лаура, никогда я не приказывалъ шѣхъ ужасовъ, о которыхъ вы мнѣ рассказывала. Осматривая Францію, я беру съ собою одно сожалѣніе, что не могу пособить ничѣмъ вашимъ несчастіямъ Генераль, вы можете сказать, ежели вамъ угодно соотечественникамъ вашимъ, что въ эту минуту слезы вдовы бѣднаго солдата заславили меня жалобъ о мой коронѣ

— Государь! шумъ и крики все болѣе и болѣе усиливаются, сказалъ чужестранный Генераль: надобно подумать о спасеніи Вашего Величества, шѣмъ болѣе, что городское начальство не имѣетъ кажется никакой власти надъ этою изступленною толпою. —

Обрапясь къ Лаурѣ, продолжалъ онъ: я ува- жаю вашъ необыкновенный и рѣшительный характеръ, и ежели вѣрнѣе пому почпи- тельному смущенію, которое вы чувст- вуете въ присуствіи Императора — по- мнѣ кажется, что онъ можетъ надѣяться найти въ сердцѣ вашемъ чувства совер- шенно противныя тѣмъ, которыя вы об- наружили прежде.

— Что же происходить въ моемъ сердцѣ! вскричала Лаура, смотря на Наполеона съ грустію, смѣшанною съ какимъ-то почпе- ніемъ — и сложивъ на груди крестообразно руки . . . „Кто спасетъ его теперь! . . . Я . . . только одна я!

— Ежели все гошово, то поѣдемъ сказать Императоръ отрывисто, мнѣ больно слы- шать эти крики . . . Прощайте, сударыня; прощайте! вы вдова Француза, умершаго на полѣ чести, сдѣлавшагося жертвою одного изъ случаевъ угнетеніе, которые къ несчастію Государь не всегда можетъ отклонить . . . Прощайте, я не забуду васъ.

Лаура! Лаура! закричалъ одинъ изъ почпа- діоновъ, лошади запряжены! но что дѣлать! народъ вломился во дворъ и хочетъ обрѣ- зать постройку: всѣ говорятъ, что самъ Бонапарте здѣсь.

— Спешайте за мною господа, сказала

Лаура съ рѣшишельностію, держа въ рукахъ шопоръ.

— Вошь они! вошь они! смерть тирану!
Да здравствуетъ Король!

Тогда человекъ въ бѣломъ шарфѣ, который казалось былъ одинъ изъ городскихъ начальниковъ, воскликнулъ: Именемъ Короля и Закона, удалихесь! . . .

— Нѣшь, нѣшь! гибель тирану! Да здравствуетъ Король!

Англійскій Генералъ схватился за шпагу.

— Сойдите, воскликнула Лаура грозно. Сойдите, здѣсь нѣшь, Бонапарте . . . эшо Королевскіе Коммисары, которымъ назначено наблюдать за его опѣздомъ . . . Войдите въ карешу, господа . . . Почталіонъ! поговяй . . . да защитишь васъ Богъ, прощайше!

— Коммисары Его Величества! Да здравствуютъ Бурбоны! Да здравствуютъ Королевскіе Коммисары!

И испугленная толпа сама отворила вторыя ворота и способствовала выѣзду карешы, изъ которой Наполеонъ успѣлъ сдѣлать прощальный знакъ своей избавишельницѣ. — Лаура упала на колѣни и войдя въ гостиницу лишилась чувствъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ этого происшествія,—Англійскій Генералъ оспановился на почтовомъ дворѣ въ Оргонъ. Онъ

спрашивалъ о Лаурѣ; говорили будто бы ему было поручено отъ Наполеона, передать ей какой-то залогъ щедрости. Но мать Евгенія Роберша уже не существовала и прекрасная дѣвушка Оргона послѣдовала за нею.

— 6.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

С И Р О Т А.

Р О М А Н С Ъ.

Родилась бѣдной сиротою
 Я въ опдаленной сторонѣ;
 Не помню, кто былъ тамъ со мною,
 Тогда, какъ свѣтъ спкрывся мнѣ;
 Но только, что тогда, какъ спала
 Желать, любить и понимать —
 Ни чья душа не сострадала
 Моей — учившейся страдать!

И щещино, щещино въ опдаленье
 Бѣжала изъ страны родной —
 Вездѣ холодное презрѣнье:
 Вездѣ — оно какъ спущникъ мой!
 На родинѣ меня нишла
 Надежда благъ въ краю чужомъ;
 Я шла за нею и вѣвала:
 Ахъ! гдѣ же счастье, гдѣ жъ мой домъ?

Но люди гордые смѣялись
 Моимъ надеждамъ и слезамъ;
 Моей любви они чуждались —
 Моимъ не вѣрили бѣдамъ;
 И часно, въ зной и непогоду
 Была я крова лишена:
 Безъ нищи — я кляла природу,
 За то, что жить осуждена!

Опять на родину хопѣла:
 Тамъ презирали сироту;
 Но я просила, я скорбѣла —
 И прикрывала нищету;
 Сулили кровь — хопѣ у порога;
 Опогрѣвали при огнѣ,
 »Прими, сиротка!« — ради Бога
 Давая хлѣбъ, пвердили мнѣ.

Я помню: тяжело мнѣ было
 Тѣ подающа принимашъ;
 Но сердце будущимъ манило
 И приучалось не ропшашъ:
 По крайней мѣрѣ въ пуждѣ, въ горѣ,
 Я не оставлена была
 А здѣсь — одна, какъ въ бурномъ морѣ:
 Призора нѣтъ — мечта прошла!

За что же, люди, я спрадаю?
 За что вашъ гнѣвъ надъ сиротой?
 Вины предъ вами я не знаю —
 Вы жъ все виновны предо мной!
 Коль только голосомъ проклятій
 Въ васъ можно пробудить сердца —

На судъ, на судъ зову собраній
Къ престолю общаго Ошца!

Онъ справедливъ: — въ его чертогъ
Нѣтъ сиротства и пѣль друзей.
При помышленіи о Богѣ
Свѣплъеть жизнь душъ моей!
Тамъ, памъ за скорбь вознагражденъ! . . .
Тамъ міра спрашникамъ призоръ! . . .
Но, брашья, спрансь за гоненье,
О, спрашенъ Божій приговоръ! . . .

Н. Ставеловъ.

С М Ъ С Ь.

Д Е Н Ъ И З В О Щ И К А .

Куда какъ занимателенъ день извозчика, ежели мѣсяцы, годы а можеть быть, и цѣлая жизнь многихъ изъ пѣхъ, кого онъ возитъ, не споятъ вниманія! подумаютъ нѣкоторыя изъ монхъ читателей. Наружность, Гг., часто бываетъ обманчива, не слѣдуйте примѣру нѣкоторыхъ журналистовъ, не судите о книгѣ или спашъ по заглавію, не произносите приговора, не прочитавъ того, о чемъ судить хотите! . . . Дневныя занятія извозчика во многомъ сходны съ занятіями людей высшаго круга; извозчику извѣстно многое, что иногда кажется намъ загадкою. Какъ

это? . . . спросятъ меня;—а вотъ, прочтите, такъ и увидите! . . .

Едва спанетъ брезжится, извозчикъ уже на погахъ. »Провались все, прескверный будетъ день,« говоритъ онъ, если небо безоблачно и яркій шаръ солнца выкапывается на свѣтлый горизонтъ.« То-то будетъ славный денечикъ! восклицаетъ онъ опять, если погода сыра, небо покрыто тучами и капаетъ дождикъ. — Не такъ ли разсуждаетъ молодой дипломатъ, читая газеты? Заключенъ миръ, онъ не доволенъ, пушъ ничего не получишь! думаетъ онъ. Объявлена война, онъ радостно улыбается, мечтаетъ уже о наградахъ и должностяхъ, къ которымъ могутъ вести сіи награды; наконецъ о почетномъ мѣстѣ и соединенной съ нимъ выгодной женитьбѣ; всѣмъ и каждому извѣстно, что въ мапушкѣ Москвъ, за двѣ лишніе пуговицы на фракѣ, или пару испорченныхъ орденочковъ, даютъ нѣсколько лишнихъ сошенъ душъ въ приданое за душою и тѣломъ невѣсты.

Бранясь, чиститъ извозчикъ свою лошадь, съ крикомъ закладываетъ ее въ дрожки и, пускается на биржу. Онъ однако жъ выперъ, вымылъ, вычистилъ дрожки, онъ бережетъ ихъ, потому, что онъ дорого ему стоятъ. Такъ часто и въ свѣтѣ, посылающъ въ ненастную погоду со двора челоуѣка и приказывающъ ему снять шинель, обложенную галунами; она, говорятъ, стоитъ денегъ.

Смѣшность извозника не хуже догадки опытныхъ

жрецовъ Ѳемиды; сіи послѣдніе по походкѣ, пріемамъ, разговору и одеждѣ проснпслей, узнають, какъ должно вести дѣло, кому отказать, кого обнадѣжить. Извозчикъ издали видитъ, кому изъ нѣскоходовъ онъ нуженъ . . . Нѣсколько дрожекъ во всю прыть пускаются на встрѣчу избранному; вотъ напять по часамъ извозчикъ, но онъ не лепитъ уже, какъ прежде, спрѣлою,—онъ ѣдетъ по шажкомъ, то поврхивается рысцою,—и старается увѣрить *биринга*, что тяжела дорога, что онъ измучилъ свою лошадь? — Съ такимъ точию рвеніемъ нѣыс-прочіе добиваются мѣста, и добившись его, ревностно *огнищаютъ* только шнуровую книгу казначея росписками въ полученіи жалованья; увѣряя, между тѣмъ, встрѣчнаго и поперечнаго, что они завалены дѣлами!—Точно такъ же красиво напечатанная программа новаго журнала, сулившъ намъ на цѣлый годъ занимательное чтеніе; но едва разнеслись и развезлись первые экземпляры, какъ издатель уже упомянулъ своимъ занятіемъ,—и публика вмѣсто обѣщанныхъ легкихъ и занимательныхъ статей читаетъ, или беземыслицу, или неблагопріестойности . . .

Вотъ съдокъ пріѣхалъ, куда ему было угодно приказанъ везти себя; извозчикъ разнуздываетъ свою лошадь и ложится спать на дрожки, или уходитъ въ *растирацію*.—Не то же ли бываетъ и въ нѣкихъ судилищахъ? Едва отвернется начальникъ, подчиненные, дѣла по шкапамъ, а сами по домамъ, или куда попало? . .

Карена на дорогѣ задѣваетъ дрожки, эти дрожки

въ свою очередь полкаютъ другія, похуже.—Въ свѣтъ круговая порука полчковъ:—сильный полкаеть слабаго, слабый передаетъ полчекъ еще слабѣйшему. —

Извозчикъ погоняетъ лошадь, сѣдокъ извозчика, сѣдока судьба и люди. Молодая бѣшеная лошадь, при каждомъ ударѣ кнута, лягается; извозчикъ шумитъ при каждомъ возгласѣ сѣдока; сѣдокъ, если не принадлежитъ къ числу пресмыкающихся, при каждой людской несправедливости, выходитъ изъ себя.—Что же выходитъ изъ всего? Бѣшеную лошадь усмиряетъ, извозчика уймуть, а бойкаго сѣдока укрощаютъ тѣмъ или другимъ манеромъ!—

Всѣхъ чаще извозчикъ бываетъ свидѣтелемъ сценъ: соблазнительныхъ, плачевныхъ, радостныхъ и шумныхъ.

Ему не рѣдко открыто многое, что кажется для насъ тайною. Намъ не извѣстно, отъ чего такой-то получилъ то-то, или сдѣлаиъ тѣмъ-то; извозчику это яснѣе дня, онъ часто рашенько упромъ, или поздненько вечеромъ возитъ камердинера того, который служилъ намъ загадкою, къ такому-то. Камердинерь же для того нанимаетъ извозчика, что ему тяжело нести посланное бариномъ. Камердинеры болтливы, извозчики многорѣчивы; такъ мудрено ли, что они, знаютъ то, о чемъ другому и во снѣ не грезилося . . .

Иногда подъ вечеръ, катитъ на извозчикѣ и богатый баринъ;—у этого барина свой прекрасный эки-

пажъ, своя лихая четверня вороныхъ, свой кучеръ, форейпоръ и проч. и проч. но онъ ѣдетъ на извозчикѣ не пошому, чпобы ему было жаль своего экипажа, своихъ лошадей, своего кучера и проч. и проч. нѣтъ, этошь богатый баринъ знаетъ, что извозчикъ скромнѣе собственнаго кучера, который иногда можетъ проболтапьясь швейцару, швейцаръ по дружбѣ скажетъ любимой горничной своей госпожи, а горничная изъ усердія молвитъ словца два баринъ. — И тогда прощай семейственное счастье, счастье, живущее только скромностию извозчика! . .

И такъ, любезные читатели, вы видите, что не должно судить по заглавію, что между занятіями извозчика и занятіями многихъ, многихъ . . . существуетъ большая аналогія, что извозчики, люди весьма полезные! не возможно изчислить всѣхъ случаевъ, чрезъ копорые имъ извѣстны, иногда, важнѣйшія тайны; ихъ не опасаются, имъ плапять хорошо за ихъ усердіе и еще лучше за ихъ молчаливость. А деньги изъ кого, и чего не сдѣлають въ свѣтъ?

Г. Пасынковъ.

Н О В О С Т И.

3 Января сего 1831 года, поутру, въ половинѣ 6 часа, въ Лупомарскомъ сереброплавильномъ заводѣ, (чпо еъ Воспочной Сибири), и въ окрестныхъ деревняхъ: Калгинской и Чупровой, равно въ рудникахъ Явленскомъ и Каданскомъ, чувствуемо было легкое землетрясеніе, продолжавшееся около десяти секундъ. Оно, при тихой и мрачной погодѣ, было предшеспиуемо глухимъ гуломъ, подобнымъ опдаленному грому, шедшему по направленію опъ Юговостока на Сѣверо-западъ, и въ послѣдней споронѣ эпомъ гулъ былъ несравненно сильнѣе.—За тѣмъ послѣдовало ошущиптельное попрясеніе всѣхъ здацій, которыя, впрочемъ, оспались неповрежденными.—Между тѣмъ, на всемъ означенномъ проспранствѣ, не было примѣпно ни убыли воды въ рѣчкахъ, ни глыбъ, опорванныхъ опъ утесовъ, ни трещинъ на земной поверхности, коими сопровождаются иногда подобныя явленія;—равно и во внутреннихъ выработкахъ рудниковъ никакихъ поврежденій не замѣчено.

Изслѣдованіе сего событія сдѣлало извѣспнымъ другое замѣчательное явленіе: на 27 Декабря 1830 года, въ 5 часу по полуночи, видимо было многими яркое Сѣверное сіяніе, которое первоначально показалось изъ-за горы, въ Сѣверозападной споронѣ, значительнымъ пламенемъ, среди коего возвышался огненный столпъ багроваго цвѣта. Столпъ сей, слабѣя по немногу, и опускаясь къ низу, исчезъ совершенно;—мѣ-

сто его заступилъ другой, котораго, такимъ же образомъ, замѣненъ претѣмъ.—Послѣ сего, пламя начало уменьшаться, и, наконецъ, постепенно разсѣялось.

Оба сии явленія пѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что первыя случаются въ Нерчинскомъ краю весьма рѣдко, а послѣднихъ никто изъ жителей и не запомнитъ.

Государыня Императрица, удостоивъ благосклоннаго принятія поднесенный Ея Величеству экземпляръ романа: *Петръ Ивановичъ Выжигинъ*, изволила Всемилостивѣйше пожаловать сочинителю онаго, О. В. Булгарину, драгоценный бриллиантовый перстень.

Извѣстный Русской Публикѣ книгопродавецъ нашъ, А. Ф. Смирдинъ, намѣревается печатать: *Исторію Наполеона*, соч. Сира Валтера-Скотта, переведенную, знающимъ свое дѣло, литераторомъ Г. де Шаппомъ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е № XXVIII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза*: Оргонская дѣвушка. (Испинное происшествіе.) *Стихотворенія*: Сиротка. Романсъ; соч. Н. Ставелова. СМѢСЬ. День Извощика; соч. Г. Пасынкова. **НОВОСТИ. НОТЫ.**

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 2 Апрѣля 1831 года.

Ценсоръ О. Селковскій.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А

Отрывокъ изъ книги: Записки и воспоминанія Французскаго Пера. (MEMOIRES ET SOUVENIRS D'UN PAIR DE FRANCE.

..... 3 Декабря 1809 года, городъ Парижъ давалъ блистательный праздникъ Императору. Наполеонъ обѣдалъ въ Рашуиѣ со всеми членами своего семейства и съ супругами Иностранныхъ Государей, бывшихъ тогда въ Парижѣ.— При этомъ случаѣ, почти все замѣтили жестокою скорбь, тяготившую сердце Жозефины, не принимавшей участія во всеобщей радости; никто, однако же, не зналъ еще настоящей причины ея глубокой горести, которую тщетно старалась скрыть она. Жозефина узнала, наконецъ, что ей суждено сойти съ престола, на которомъ она умѣла заставить всю Францію обожать себя. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, Императоръ, ко-

порый уже объявилъ своей супругѣ участь, ее ожидавшую, собралъ у себя въ кабинетъ братьевъ и сестеръ своихъ, Королеву Горшензію и Принца Елгенія; памъ, съ видомъ живѣйшей горести, открылъ онъ имъ тайну своего новаго брака; увѣрялъ ихъ, что для него было слишкомъ тягостно распаться съ супругою, заслужившею вполнѣ его любовь и нѣжность; но обстоятельства, говорилъ онъ, требовали этой жертвы для блага подвластныхъ ему народовъ. — Наполеонъ заключалъ своихъ братьевъ жить во всегдашнемъ согласіи, увѣряя ихъ, что новый, предназначаемый имъ бракъ ни сколько не измѣнитъ расположенія его къ своему семейству, возвышеніе коего пребудетъ всегда единственною его цѣлю . . .

Сестры Наполеона, увѣрившись въ истинѣ этой новости, копорую онъ до того, только что подозрѣвали, весьма огорчились ею; — не взирая на то, что онъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ видѣли униженіе фамиліи Богарне, съ копорою были во всегдашней враждѣ, онъ страшались прибытія, молодой, прекрасной супруги своего брата, гордость и знаменитое рожденіе коей грозили имъ униженіемъ; будущность не представляла для нихъ ничего привлекательнаго, и потому имъ было не трудно выказывать сожалѣніе о Жозефинѣ, копорое уже въ самомъ

дѣлъ начало закрадываться въ сердца ихъ. —

Въ ночь же самый день довѣренные Императора посѣтили нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей, чтобы узнать, не будетъ ли какого либо сопротивленія со стороны Сенапа. Архи-Канцлеръ, пригласившій меня къ себѣ поговорить объ этомъ дѣлѣ, замѣнилъ, что я былъ весьма грустенъ: я любилъ добрую Жозефину; она осыпала меня милостями, — и близкое паденіе ея ни мало не уменьшило моей къ ней благодарности; — Канцлеръ былъ также огорченъ: мы не скрывали другъ о другѣ чувствъ своихъ: „Бѣдная Императрица, сказала онъ:“ въ опчаяніи, но она надеется еще, что Сенапъ не согласится на разводъ. „Какъ дурно она знала насъ! Мы все сожалѣли о ней, но среди насъ не нашлось ни одного, кто бы не былъ убѣжденъ въ необходимости вскорѣ брака, долженствовавшаго упрочить какъ все предначертанія Императора, такъ и новый порядокъ вещей, къ которому все уже привыкли; воистину почему не соглашались мы съ тѣми, которые совѣщивали намъ дать рѣшеніе, неблагоприятное для Императора, въ чемъ, безъ сомнѣнія, мы раскаялись бы въ послѣдствіи. Не смотря на то, что между нами и были горячія головы, никто однако же, кромѣ Графа Грегуара и не подумалъ противиться разводу; Графъ былъ убѣжденъ и спарался убѣ-

дипль насъ, что онъ дѣйствуетъ по совѣсти, но такъ какъ всѣ были противъ него, по послѣдствю и онъ принужденъ былъ уступить ко неволѣ.

Наконецъ тайна развода сдѣлалась гласною: всѣ знали, что Сенатъ соберется 16 Декабря, чтобы утвердить этоше разводъ. День сей былъ для Архи-Канцлера однимъ изъ тѣхъ торжественныхъ дней, въ которые важность званія его и сана обнаруживались во всемъ блескѣ; ему было поручено председательствовать въ этомъ достопримѣчательномъ собраніи, гдѣ присутствовали тогда, Короли: Вестфальскій, Голландскій, Неаполитанскій и Вице-Король Италійскій; всѣ они явились какъ просные Сенаторы и были, какъ сказано, подчинены одному изъ подданныхъ своего брата. Я могу сказано утвердительно, что мало видѣлъ собраній этоше торжественныхъ и занимательныхъ, какъ это;—всѣ были чрезвычайно пронушы, и рѣчь Принца Евгенія заставила насъ проливать слезы.

Люди, которые обращаютъ на все свое вниманіе, замѣнили, что въ этоше день и въ ночь ему предшествовавшую, ужаснѣйшая буря разразилась надъ Парижемъ, и надъ многими другими мѣстами Франціи, спрашные раскаты грома, необыкновенный вихрь и дождь поразили ужасомъ умы; казалось, что само Небо хотѣло обнаружить свое сопро-

твление акту, положившему конецъ счастію добродѣтельной Жозефины. — Ей оставили все почести, шло коронованной Императрицы; дали во владѣніе земли Малмсбона и Наварры, да пенсіонъ, просивравнійся до двухъ милліоновъ франковъ.

Вскорѣ послѣ этой печальной церемоніи узнали: кто была ша Принцесса, на которую палъ выборъ Императора. Все Французы вообще, казались недовольными этимъ союзомъ. Боялись Австріи даже въ самыхъ ея Эрцъ-Герцогиняхъ. — Седьмого Февраля 1810 года уполномоченные обѣихъ сторонъ подписали брачныя условія Наполеона и Маріи Луизы, а Декретомъ отъ 17 того же мѣсяца Рямъ присоединенъ къ Имперіи. Актъ сей имѣлъ самыя пагубныя слѣдствія, и казалось, что счастіе оставило Наполеона съ самой минутой его развода съ Жозефиною.

Императоръ отправился 20 Марта въ Компіенъ на встрѣчу Эрцъ-Герцогини. — Они съѣхались въ лѣсу; Принцесса, узнавши своего супруга, вышла изъ кареты и хогѣла, по существовавшему обычаю, ступить на колѣна; Наполеонъ воспротивился этому и отвезъ ее въ замокъ.

Знамениная чена оставила Компіенъ 30 Марта и отправилась въ Сенъ-Клу, гдѣ былъ приготовленъ великолѣпный праздникъ. Съ самаго утра погода была пасмурна, но около четырехъ часовъ по полудни, лучи

разсѣялись, небо прояснилось—и почти все жилили споллицы спѣшили въ Сенсъ-Клу, видѣть великолѣпную иллюминацію. На другой день весь Парижъ былъ также оплочно иллюминированъ и превзошелъ въ великолѣпіи даже Сенсъ-Клу.

Въ поспѣ же день, 30 Марта, Императоръ объявилъ сеспрамъ своимъ и Королевѣ Голландской, что при торжествованіи брака, онѣ будутъ нести шлейфъ плащя Императрицы;—приказаніе это, котораго онѣ никакъ не ожидали, огорчило ихъ чрезвычайно; онѣ долго спорили, наконецъ принуждены были уступить необходимости и покориться воли Императора.

Апрѣля 1 около 10 часовъ утра шелъ проливной дождь, но въ ту минузу, когда пушечные выстрѣлы возвѣстили о выѣздѣ Ихъ Величествъ—тучи разсѣялись и, какъ бы по мановенію какого нибудь чародѣя, солнце возсіяло во всемъ своемъ блескѣ и казалось, яркими лучами своими хотѣло освѣтить торжественную процессію. — Счастливая чета прибыла въ Тюльерійскій дворець черезъ садъ; вышла изъ кареты подъ переспилемъ большаго крыльца и прошла со всею пышностію своего коршежа комнашы и галлереею. Въ этой галлерее, убранной великолѣпно, во всю длину ея по обѣ стороны были успроены возвышенія, на которыхъ сидѣло цесмѣни-

ное множество дамъ въ пышныхъ и богатыхъ нарядахъ; за ними на возвышеніи, устроенномъ въ родъ амфиатра, помѣщались мужчины, всѣ въ придворныхъ парадныхъ мундирахъ; середина галереи была назначена для коршежа.

Должно было полагать, что въ эпошъ день все семейство Императора раздѣляло его счастье—но было наоборотъ: сестры и падчерица его, чувствовали себя униженными пою ролью, которую онъ заставилъ ихъ играть. Смыдъ нести шлейфъ Императрицы, не могъ вознаградиться ничѣмъ; онъ не скрывалъ этого отъ самихъ себя и всѣ присутствовавшіе могли видѣть ихъ слезы. Спиранный эпошъ способъ праздновать брачное шоржество, произвелъ на насъ сильное впечатлѣніе, и въ сердцахъ многихъ изъ насъ родилось какое-то мрачное предчувствіе пойдъ будущности, какая ожидала двухъ супруговъ. Алшаръ, у котораго благословили бракъ, былъ устроенъ въ залъ выспавки и украшенъ съ дурнымъ вкусомъ драпировкою изъ голубыхъ и красныхъ шкаей; вокругъ алшаря были устроены скамьи для придворныхъ дамъ, знаныхъ Иностранцевъ и Дипломатическаго корпуса. Императоръ, подходя къ алшарю замѣтилъ, что не смотря на приглашеніе его, собралось только малое число Кардиналовъ; онъ не могъ скрыть своего негодо-

ванія и даже съ гнѣвомъ намѣкнулъ объ этомъ духовнику свосму Архіепископу и (de Malinis). На другой день, гроза разразилась надъ шѣми изъ Князей церкви, которые опказались присутствовать при обѣдѣ, совершавшейся для *отлученнаго* (одно это обстоятельство было причиною ихъ опсущствія); они были сосланы въ разныя провинціи; имъ запретили носить красную одежду; вопъ почему, съ шѣхъ поръ называли ихъ вообще черными Кардиналами. Кардиналь Альбани не былъ въ числѣ шѣхъ, которые подверглись немилости Императора; онъ сказалъ мнѣ по этому случаю слѣдующее: „какъ какъ оплученіе Императора Наполеона опъ церкви не было объявлено во Франціи чрезъ посредство Епископовъ, то и должно считаться какъ бы не дѣйствительнымъ; что же касается до меня, ко будучи здѣсь въ качествѣ Иностраннаго Князя, „я принялъ приглашеніе Императора и не хотѣлъ ни во что болѣе мѣшаться.“ Разсужденіе это показалось мнѣ умнымъ и я радовался, что не былъ лишенъ пріятнаго общества Альбани.

Въ вечеру того же дня была зажжена въ Парижѣ великолѣпнѣйшая иллюминація; каждый частный домъ казался хотѣлъ спорить въ пышности съ казенными и публичными зданіями и оплмчался своими яркими и разноцветными огнями, расположенными съ

необыкновеннымъ вкусомъ. Толпа въ числѣ 500 тысячъ человекъ, медленно двигалась по улицамъ; набережныя и площади кишѣли народомъ; даже рѣка была покрыта безчисленнымъ множествомъ лодокъ, украшенныхъ разноцвѣтными огнями и паводочныхъ музыкантами; дѣйствія полиціи были еноль хороши, что ни одно неурядное приключеніе не нарушило этого удивительнаго праздника. По улицамъ Парика развѣзжала только одна карета; въ ней сидѣли повобратные, одѣтые просто, безъ всякихъ украшеній, никакая свита не сопровождала ихъ, и повая Императрица, найдя Парижъ въ еноль привлекательномъ видѣ, должна была имѣть о Франціи самое высокое понятіе.

Того же мѣсяца 27 числа, Наполеонъ и Марія-Луиза оправились въ Бельгію, которую осмотрѣли во всей подробности; всюду принимали ихъ съ восторгомъ; все надѣялись, что этотъ новый бракъ надолго упрочитъ всеобщій миръ въ Европѣ. Мнѣ бы должно было описать еще все праздники, данные по случаю возвращенія Ихъ Величествъ изъ Бельгіи, но хронологическій порядокъ происшествій, заставляющъ меня рассказать одинъ весьма занимательный анекдотъ, о которомъ упоминаетъ онъ часпи въ своихъ запискахъ Герцогъ Ровиго и подробности коего были сообщены мнѣ Архи-Канцлеромъ; я начну

пѣмъ слѣдующую главу, а теперь назову нѣ-
 кошорыхъ Французскихъ поэтовъ, которые
 воспѣли сей второй бракъ Императора Напо-
 леона; это: Гг. Персеваль, Градмезонъ, Ша-
 тобрианъ, Бауръ-Лорміанъ, Мишо, Суме, Эс-
 менардъ и другіе. Гг. Шазе, Пасси Бразье, Де-
 зожье также не отстали отъ другихъ; ихъ
 вирши въ честь Императора переходили изъ
 рукъ въ руки по всему Парижу; одного толь-
 ко голоса не доставало въ этомъ общемъ пе-
 рывѣ воспора, — голоса Делиля. Къ нему обра-
 щались съ убѣдительнѣйшими просьбами; за
 епо стиховъ его, правительство съ радостью
 заплашило бы 100,000 Франковъ; почести,
 титла, все было ему обѣщано; Делиль отка-
 зался отъ всего! — „я хочу остаться поэтомъ
 „злополучія говорилъ онъ, — надобно же, чпобъ
 „во Франціи былъ хотя одинъ писатель вѣр-
 „ный царствениымъ несчастливцамъ!“ — Ни
 что не могло побѣдить его благороднаго со-
 прошивленія и не смотря на это тогдашній
 Властитель Франціи не лишилъ Делиля ни
 мѣста, которое онъ занималъ въ Коллегіумѣ
 Французскомъ, ни пенсіона, ему присвоенна-
 го; поному-то я всегда слушаю съ улыбкою
 презрѣнія, оправданія тѣхъ, которые хотяптъ
 увѣрить меня, что подверглись бы опасно-
 сти лишиться свободы, отказавшись слу-
 жить Наполеону или хвалять его. Одни толь-
 ко прусы и обманщики могутъ оправды-

вашся этимъ: я имѣю множество доказа-
 тельствъ, что почти всѣ мѣста Камергер-
 ровъ, Шпалмейсперовъ и Придворныхъ, бы-
 ли занимаемы людьми, униженно просившими
 этихъ мѣстъ. Весьма было бы интересно,
 еслибъ когда нибудь напечатали всѣ просьбы,
 которыя подавались Императору; тогда мог-
 ли бы убѣдиться въ настоящихъ чувствахъ
 многихъ изъ нихъ, которыхъ вѣрность и
 преданность къ нынѣшнему правительству,
 не подвержена никакому сомнѣнью.

Я долженъ рассказать здѣсь одинъ анек-
 дотъ, въ дѣйствительности коего могу по-
 ручиться: Маркизь д'Э . . . будучи въ Ту-
 лузѣ, жаловался довольно громко, что сынъ
 его противъ воли былъ опредѣленъ въ Госу-
 дарственный Совѣтъ: одинъ молодой чело-
 вѣкъ: сослуживецъ сына его, отвѣчалъ ему,
 „Ежели случай, о которомъ вы рассказываете,
 „ше, Маркизь, справедливъ, то Императоръ
 „все плаки въ этомъ не виноватъ потому,
 „что я самъ видѣлъ въ рукахъ Архи-Канцле-
 „ра предлинную просьбу за вашею подписью,
 „вѣроятно какой нибудь плутъ искусно под-
 „дѣлался подъ вашу руку, но неудовольство-
 „вавшись тѣмъ, заснавилъ подписать ее
 „и людей, которые въ большой милости
 „при Дворѣ и которые знаютъ васъ очень
 „хорошо!“—Маркизь д'Э . . . не зная, что
 отвѣчалъ на это, и долженъ былъ удаливъ-

ся со стыдомъ. Въ то время у многихъ было въ обыкновеніи хлопотать въ шайнѣ о милоспяхъ и почестяхъ, а получивши ихъ, кричанье всюду о гоненіяхъ и несправедливоспн.

Съ Франц. *Н. М.*

(Продолженіе обѣцано.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Отрывокъ изъ Шекспировой трагедіи: жизнь и смерть Ричарда II, Короля Англійскаго.

Д Ъ Й С Т В І Е І.

Я В Л Е Н І Е І.

(Дворъ. — Король Ричардъ, Джонъ-Гонтъ, другіе придворные.)

К о р о л ь Р и ч а р д ь.

Спарикъ, Лордъ Ленкестерь, почтенный Гонтъ,

Привелъ ли ты по долгу и присягѣ

Къ намъ дерзостнаго сына Генри?

Пусть опустошишь послѣдній буйный вызовъ

Противу Дюка Норфолькскаго Мобре!

Имъ вина въ погду намъ было не досужно.

Г о н т ь.

Привелъ, Властитель,

К о р о л ь Р и ч а р д ь.

Сверхъ того скажи,

Ты выведалъ ли отъ него: отъ Князя

Не по старинной ли враждѣ винить?

Или, какъ добрый подданный обязанъ,

Безъ кривизны, по дозволенной измѣнѣ?

Г О П Т Ъ.

Вывѣдываль, что могъ: сдается мнѣ,
 Въ опасносни швоей онъ убѣждень;
 Вражды жъ упорной въ немъ я не замѣпиль.

К О Р О Л Ъ Р И Ч А Р Д Ъ.

Зовите жъ ихъ, лице къ лицу, чело —
 Къ грозящему челу, и нуспъ предъ нами
 Испецъ, отвѣщикъ говорящъ свободной!
 Надмѣины оба, гнѣва полнъ ихъ духъ,
 Такъ скоръ, какъ пламя и какъ море, глухъ.

Я В Л Е Н І Е 2.

Б О Л И Н Г Б Р О К Ъ И М О Б Р Е.

Б О Л И Н Г Б Р О К Ъ.

Да встрѣшите много дней и лѣтъ счастливыхъ
 Мой ласковый, благій мой Государи!

М О Б Р Е.

День каждый улучшай минувшихъ счастье,
 Пока, завидуя земной судьбѣ,
 Безмертной славой твоего вѣнца
 Не возвеличипъ небо.

К О Р О Л Ъ Р И Ч А Р Д Ъ.

Вась обоихъ

Благодаримъ; но есть же льстецъ межъ вами;
 То явспуенъ изъ вѣшего прихода,
 А именно: въ предательствѣ другъ друга
 Вините вы. Чшо, Герфордъ, скажешь ты
 Противу Мѣбре, Норфолькскаго Дюка?

Б О Л И Н Г Б Р О К Ъ.

Во первыхъ, (небо послухомъ моимъ!)
 Исполненъ вѣрноподанной любви,

О Царскомъ благѣ, о драгомъ заботахъ,
 А низкой ненависти чуждъ, пришелъ
 Въ присутствіе Монарха я, испещъ.
 Теперь же, Мобре, обращаюсь къ тебѣ;
 Замѣнь привѣтъ мой, ибо долженъ буду,
 Что изреку, здѣсь пѣломъ защитишь,
 А тамъ душой безсмертной оправдашь:
 Злодѣй, измѣнникъ ты и слишкомъ славенъ,
 Чтобъ спастись позоръ и слишкомъ подлъ, чтобъ жить!
 Чемъ краше и свѣтлѣ сводъ лазури,
 Въ ней тѣмъ спрашивается мгла ленищей бури:
 Еще разъ; — да усилю мой привѣтъ, —
 Злодѣй, измѣнникъ ты, въ комъ чести нѣтъ!
 И — пусть Король дозволишь — что вѣщаю,
 Моимъ булапомъ честнымъ оправдаю!

М О Б Р Е.

Оповѣтъ мой хладенъ, но душа горитъ.
 Не крикъ, не визгъ, не женская война
 Двухъ ѣдкихъ, полныхъ желчи языковъ
 Нашъ сваръ рѣшишь возмогушь. Кровь пылаетъ,
 Которой за него охолодѣть.
 Но хвастать не могу нѣмымъ перигъшемъ;
 Поруганъ, не могу не дать описна:
 Когда бы не почтенье къ Королю,
 Я рѣчь бы разнуздаль, бодцы въ нее
 Вонзилъ бы и врагу упрекъ въ измѣнѣ,
 Назадъ, удвоивъ, бросилъ бы въ лице!
 Пускай пещетъ не Царская въ немъ кровь,
 Пускай не ближній моему Монарху, —
 Его я плюювеньемъ обезчестивъ,
 Сказалъ бы, что онъ подлый клеветникъ,

То поддержать употребилъ бы все,
 И съ нимъ сошелся бы, хоп! бы былъ долженъ
 Бѣжашъ пынкомъ до верхнихъ льдинъ Альпійскихъ,
 Или въ любую дебрь, куда Британецъ
 Не заносилъ еще во вѣкъ поги!
 А пынъ, правотѣ моеи въ защипу, —
 Онъ лжець безсовѣстный, я всѣмъ клянусь!

Б О Л И Н Г Б Р О К Ъ .

Трепещешь, блѣдный трусь! нѣтъ, вопъ, перчашка!
 Я съ Королемъ родство свое слагаю,
 Забуду Царственную кровь свою:
 Ихъ страхъ тебѣ напомнилъ, не почпешь!
 И если ужасомъ преспушымъ — силъ
 Не всѣхъ лишенъ, склонися, подними!
 Съ залогомъ чести всѣ права дворянства:
 Длань пропивъ длани, докажу тебѣ
 Что всѣ уверпки шцены, что я правъ. —

М О Б Р Е .

Я поднялъ и клянусь мечемъ, копорымъ
 Меня святое рыцарство препоясало:
 Опвѣнъ тебѣ дамъ всячески, всѣмъ, что
 Лишь рыцарство допуститъ въ правой бивѣ.
 И буде не за истипу сражусь,
 Когда измѣнникъ, жизни пусть лишусь!

К О Р О Л Ъ Р И Ч А Р Д Ъ .

Въ чемъ нашъ брапанецъ Мобре обвиняетъ?
 Должно жъ бытъ важно, если мысль дурную
 О немъ возможешь въ насъ вложитъ.

Б О Л И Н Г Б Р О К Ъ .

Монархъ,

Вземли: что рекъ я, жизнью докажу.

Сей Мобре десять тысяч Ноблевъ взялъ, (*)
 Какъ будто на уплату войскъ нивонхъ;
 Но ихъ безстыдный тащъ и расхинитель,
 На гнусныя пошребы издержалъ.
 Скажу еще и боемъ поддвержу;
 Здѣсь, видѣ ли, въ краю ли самомъ альномъ,
 Куда лишь взоръ проникнулъ Англѣанъ:
 Всѣмъ восемнадцати послѣднихъ тѣпъ
 Крамоламъ кованымъ въ спранѣ сей, Мобре
 Коварный первая глава и ключъ.
 И далѣе и также поддвержу
 И докажу, презрѣннаго карая:
 Онъ Князя Глостерекаго смерть успронлъ,
 Онъ легковѣрныхъ подспрекнулъ враговъ,
 И слѣдственно изъ-подъ пшика злодѣйски,
 Онъ изліялъ въ попокахъ крови душу
 Безвинную; взываетъ кровь сія,
 Какъ Авеля, изъ пѣдръ земли безмолвной
 Ко мнѣ о грозной карѣ, о судѣ;
 И дася ей: закладываю честьъ;
 Гошовъ я въ правомъ дѣлѣ смерть понесеть!

К О Р О Л Ъ Р И Ч А Р Д Ъ .

Какъ гордо замыслы его паряшь!
 Ты, Томасъ Норфолькъ, что на это скажешь?

М О Б Р Е .

Да отвратишь, Монархъ, лице твое,
 Да будешь глухъ на малый срокъ, пока
 Не выскажу ему — (твой родъ сраминтъ онъ,)
 Сколь онъ противный людямъ, Богу лжець!

(*) Нобель — Nobel, старинная монета, равнявшаяся почти червонцу.

К О Р О Л Ъ Р И Ч А Р Д Ъ .

Нашъ взоръ и слухъ нашъ безприсрастны, Мобре!
 Будь онъ нашъ братель, будь даже нашъ наследникъ,
 Какъ нынѣ польксъ ть опцова брата,
 Беру въ свидѣтели я жезль державный:
 Такая близость къ сей крови славной
 Ему бы преимущесствъ не дала,
 Не потрясла бь недвижной нашей правды!
 Онъ, Мобре, какъ и ны, служилель мой:
 Въщай свободно съ доброю душой.

М О Б Р Е .

Такъ въ горло жь срамное шебъ и въ сердце
 Подлѣйшее: лжешь, Болингброкъ! при доли
 Тѣхъ денегъ, что даны мнѣ предъ Кале
 Я войску Королевскому раздалъ;
 Оспамокъ взялъ съ согласья Государя:
 Должны мнѣ были по драгому счелу
 За мой во Францію послѣдній нупъ,
 Куда былъ посланъ я за Королевой.
 Такъ подавился жь ложью! — Глосперъ? онъ
 Убить не мной: по жаль; такъ, я жалвю,
 Что нупъ присягой пренебрегъ своего!
 Что жь до шебя, Свъплѣйшій Ленкесперъ,
 Опецъ почтенный моего врага, —
 На жизнь твою разъ послгнулъ я шайно
 И пнякко то моей большой душъ;
 Но предъ моимъ послѣднимъ приращеньемъ
 Я грѣхъ мой исповдалъ, Вашу Свъплоспъ
 Молил просипить меня и былъ прощень,
 Падтыось; вопъ въ чемъ каюсь. Оспальное жь
 Навтыть — и только — злаго печеспивца,

Предансся, срамящаго свой родъ.
 И рѣчь свою я смѣло защищу
 И въ свой чередъ залогъ свой повергаю
 Къ ногамъ сего спроппиваго льстеца:
 Чпо благородный мужъ я, докажу
 Въ груди его пекущей, лучшей кровью.
 Прими за шѣмъ души моей моленья,
 Монархъ! назначь мнѣ день для очищенья.

К О Р О Л Ъ Р И Ч А Р Д Ъ .

Мнѣ покоритесь, ярые враги!
 Хотя не врачъ я, но мое рѣшенье:
 Безкровное попребно вамъ лѣченье.
 Глубокой злобы язвы глубоки:
 Всѣхъ нашихъ медиковъ шакое мнѣшье:
 Не время кровь пускать. Миръ! миръ! забвенье!
 Положимъ, дядя, сварамъ ихъ конецъ:
 Я Князя, сына шны смири, опецъ!

Г О Н Т Ъ .

Успроишь миръ мнѣ шарцу подобаетъ.
 Опдай залогъ! опецъ повелѣваетъ.

К О Р О Л Ъ Р И Ч А Р Д Ъ .

И, Порфолькъ, шны опдай!

Г О Н Т Ъ .

Какъ, Гарри (*) намъ:
 Монарху, мнѣ шны висмѣшь, равнодушень?

К О Р О Л Ъ Р И Ч А Р Д Ъ .

Перчанку, Порфолькъ, брось: не будь ослушень!

М О Б Р Е .

Монархъ! бросаюсь самъ къ швоимъ спопамъ:
 Велишь — умру; но не вели позора!
 Въ швоей десницѣ жизнь, а имя — гѣшь!

(*) Гарри и Галъ уменьшительныя имена Генри.

Мои попомки не попуяютъ взора,
 Меня не обезчеститъ въ гробъ свѣтъ.
 Обиженъ я, поруганъ, обезславленъ,
 Въ душѣ спрѣлами хульныхъ устъ оправленъ;
 Кровь, кровь врага — цѣльбы иной мнѣ нѣтъ!

К О Р О Л Ъ Р И Ч А Р Д Ъ.

Ты бышесть: должно воздержашъ швой бредъ;
 Перчашку! левъ и барсовъ укропишель.

М О Б Р Е.

Опъ не измѣнитъ пяшенъ ихъ! Властипшель,
 Монархъ возлюбленный! Свидѣтель Богъ:
 Мой срамъ снимъ лишь и опдамъ залогъ!
 Чпо мужу чести можесть бысть дороже?
 Не грязь ли, кпо лишиться чести могъ?
 Что опъ, что крашенная глина — шо же!
 Духъ смѣлый въ доблестной груди алмазъ,
 Что десятью замками скрыпъ опъ глазъ.
 Честъ — жизнь моя: ихъ разнитъ не умѣю;
 Возми ее — и заживо исплѣю.
 Будь благъ; и да вступаюся за нее!
 Я ею жимъ,—ей въ жершву быше!

К О Р О Л Ъ Р И Ч А Р Д Ъ.

Пачни, брапаничъ; возврати залогъ.

Б О Л И Н Г Б Р О К Ъ.

Мнѣ властъ въ споль глусный грѣхъ? избави Богъ!
 Опцу ли малодушнымъ мнѣ явипсья?
 Предъ подлецомъ, блѣднѣя, мнѣ склонипсья?
 Мнѣ нищенски просипсья? Нѣтъ! мой языкъ
 Еще меня безчестипшь не привыкъ,
 Нѣтъ! низосни не вымолвипшь! — Скорѣя
 Болзненный языкъ предамъ зубамъ

И выплону въ крови въ лице злодѣя!

И безъ того памь обипаешъ срамъ.

К О Р О Л Ъ Р И Ч А Р Д Ъ.

Мы не просишь, повелѣвашъ родились:

Но васъ не удалось намъ помирить;

Гоповышесь — опивѣчаешє главами —

Зовемъ васъ въ Ковенпри въ Ламберповъ день,

Тамъ непреклонная вражда и месъ

И мечъ и копіе должны обрѣсть,

Не склонишь васъ: увидише жъ вы сами,

Какъ правота разсудить между вами.

Лордъ Маршалъ, нашихъ Герольдовъ устрой,

Да правяпъ сей домашнею войной.

(Уходятъ.)

Н О В О С Т И.

Въ Парижъ передѣляли Гешеу трагедію *Клавиго*. Подъ названіемъ Beaumarchais à Madrid, ее давали съ большимъ успѣхомъ на театрѣ de la porte St. Martin.

Парижская Академія наукъ и словесности, избрала Г. *Бетигера* въ Дрезденъ, своимъ членомъ-корреспондентомъ.

Въ Богемскомъ музеумъ, въ Прагъ, хранился круглая, слоновой кости, пабакерка, выточенная Императоромъ Петромъ Великимъ, во время пребыванія его въ Карлсбадъ, въ 1712 году.

Государственные доходы Северо - Американских Штатовъ составляли, въ прошедшемъ году 24,161,013 долларовъ.

С. Петербургскій книгопродавецъ Н. В. Сленинъ имѣлъ счастье поднести Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ экземпляры изданной имъ книги: *Царствованіе Царя Алексѣя Михайловича*, — и удостоился получить отъ Ихъ Величествъ богатые подарки.

СОДЕРЖАНІЕ №. XXIX.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза:* Отрывокъ изъ книги: Записки и воспоминанія Французскаго Пера. *Стихотворенія:* Отрывокъ изъ Шекспировой трагедіи: жизнь и смерть Ричарда II, Короля Англійскаго. **НОВОСТИ.**

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 4 Апрѣля 1831 года.

Ценсоръ О. Сенковскій.

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

М А Г И О Р А Т Ъ.

П о в ѣ с т ь.

Недалеко отъ береговъ Балтійскаго моря ходился родовой замокъ Россипенской фамиліи. Мѣстоположеніе онаго дико и обнажено: кое-гдѣ показывается правка среди бездоннаго песка, и вмѣсто сада, кошорый обыкновенно въ другихъ мѣстахъ украшаетъ господскій домъ, примыкаетъ къ голымъ стѣнамъ замка, со стороны земли, скудный сосновый лѣсъ, вѣчный мракъ коего никогда не облакался въ пеструю одежду весны, и въ кошоромъ вмѣсто пѣнія пробужденныхъ къ новому веселію птицъ, раздается лишь крикъ предвѣщающихъ бурю вороновъ. Полчаса ѣзды отътуда, перемѣняется внезапно природа. Какъ будто магіемъ волшебнаго жезла вы переноситесь въ цвѣтущія поля и роскошныя нивы. Вы видите большую деревню съ обшир-

нымъ домомъ Прикащика. При входѣ въ пріятную рощу, увидѣе въ основаніе большаго замка, который хотѣлъ выстроить одинъ изъ предковъ сей фамиліи: но его потомки, живши въ своихъ помѣстьяхъ въ Курляндіи, оставили его недоспросеннымъ. Дѣдъ итене-решняго Барона, Родерихъ-фонъ-Россишешъ, хотя и поселился снова въ родовомъ имѣніи, но не продолжалъ этой постройки; жизнь въ старомъ уединенномъ замкѣ согласовалась съ его мрачнымъ челоѣкобоязненнымъ нравомъ. Онъ велѣлъ поправить, сколько было можно, обвѣщанное зданіе и заперся въ немъ съ угрюмымъ своимъ управителемъ и малымъ числомъ слугъ. Рѣдко бывалъ онъ въ деревнѣ, за то часто гулялъ и ѣздилъ верхомъ по берегу моря, и говорилъ, что издали видали, какъ онъ говорилъ волнамъ и внималъ шуму пучины, какъ бы вслушиваясь въ отвѣтъ какого нибудь морскаго духа. На вершинѣ Маяка велѣлъ онъ соорудить обсерваторію съ телескопами и полнымъ астрономическимъ приборомъ; шамъ высматривалъ онъ днемъ корабли, которые, какъ бѣлокрылыя морскія птицы, пролетали на дальномъ горизонтѣ. Свѣшлыя звѣздныя ночи проводилъ онъ въ астрономическихъ, или, какъ слышно было, въ астрологическихъ трудахъ, въ коихъ старый управитель помогалъ ему. При его жизни носился слухъ, что онъ предался тайной

чернокнижной наукѣ, и что неудачный опытъ, которымъ знашій Княжескій домъ былъ оскорбленъ, изгналъ его изъ Курляндіи. Малѣйшее воспоминаніе о его шамошнемъ пребываніи исполняло его ужасомъ; но все управляющее его жизнь, что онъ шамъ претерпѣлъ, приписывалъ онъ винѣ своихъ предковъ, дерзнувшихъ оставити замокъ прародителей. Дабы, по крайней мѣрѣ, на предбудущія времена привязать славу фамиліи къ родовому дому, завѣщалъ онъ сіе имѣніе Маіоратамъ. Король нѣмъ охотно подтвердилъ эпосъ успавъ, что чрезъ него богачая рыцарскими доблестями фамилія, пустившая свои опрасли даже въ чужія земли, долженствовала быть болѣе привязана къ своему опечеству. Однако ни Губертъ, сынъ Родериха, ни шеперешій Маіоратный владѣлецъ, названный Родерихомъ, по дѣду, не жили въ родовомъ замкѣ; оба оставались въ Курляндіи. Должно было думать, что они оба, не имѣвъ мрачнаго характера своего предка, избѣгали споль уединеннаго жилища. Баронъ Родерихъ имѣлъ двухъ шпарыхъ не замужнихъ сесперъ своего опца, которыя жили съ нимъ въ замкѣ. Онѣ обыкновенно сидѣли въ маленькихъ шеплыхъ покояхъ флигеля, съ шпарою служанкою. Кромѣ ихъ и повара, имѣвшаго большую кварширу въ подвалѣ, бродилъ еще въ высокихъ залахъ спросніл, опжившій свой

вѣкъ, егеръ, занимавшій также и должность каштеллана. Только въ позднюю осень, когда выпадалъ первый снѣгъ и начиналась волчья и кабанья ширля, оживлялся уединенный замокъ. Тогда молодой Родерихъ прїѣзжалъ туда съ супругою, въ сопровожденіи многочисленныхъ прїятелей и большой свиты егерей. Сосѣдственное дворянство и всѣ любившіе охоту, съѣзжались изъ ближняго города. Замокъ едва могъ вмѣщать гостей; въ печахъ и каминахъ трещали дрова; вертелъ въ кухнѣ вертелся безпреспанно, по лѣспницамъ поминутно бѣгали служивели, тамъ звучали стаканы, здѣсь танцовали подъ звуки музыки, всюду шумъ и веселость! Между тѣмъ, Баронъ занимался дѣлами, касавшимися его помѣстья; съ нимъ шурдился Юстиціаріусъ В*, давнишній дѣлоправитель Россипенской фамиліи. В* прїѣзжалъ въ Россипень обыкновенно за недѣлю передъ прибытіемъ Барона. Въ 179— году наступило время, когда В* долженъ былъ снова ѣхать въ Россипень. Какъ ни свѣжъ былъ еще 70-ми-лѣтній старикъ, но онъ считалъ однако же, что ему нуженъ помощникъ, и потому, призвавъ меня однажды къ себѣ, сказалъ мнѣ: „любезный племянникъ! не худо бы тебѣ послушать, какъ свищутъ морскіе вѣтры: поѣзжай со мною въ Россипень: ты будешь мнѣ помогать въ скучныхъ письменныхъ дѣлахъ, а между тѣмъ

поучишься и волков подстрѣливать.“ Я много слышался о веселыхъ охотахъ въ Россипенѣ и съ удовольствіемъ принялъ предложеніе моего дяди. На другой день, закушавшись въ шубы, сѣли мы въ повозку и пустились въ Россипенѣ. Дорогою В* много рассказывала чудесъ о Баронѣ Родерихѣ, который основалъ Маіорашъ, и, не смотря на свою молодость, сдѣлалъ моего дядю своимъ Юстиціаріусомъ и душеприкащикомъ. Онъ говорилъ о странномъ, мрачномъ характерѣ Барона, распространившемся, по видимому, на всю фамилію, потому что и нынѣшній Маіораншій владѣлецъ, котораго онъ знавалъ психимъ, почти изнѣженнымъ молодымъ человекомъ, годъ опць года становился задумчивѣе. В* говорилъ мнѣ, какъ я долженъ вести себя, чтобы понравиться Барону; наконецъ разговоръ коснулся кварширы, которую В* занималъ всегда въ замкѣ; онъ самъ выбралъ ее, потому что она была тепла, спокойна и удалена опць шума. Эту кварширу составляли двѣ небольшія, обитыя коврами комнаты, рядомъ съ присущественною залой. Нанослѣдокъ, послѣ скорой, незапрудивельной ѣзды, мы пріѣхали въ Россипенѣ уже ночью. Было Воскресенье, и когда мы проѣзжали деревню, въ шинкѣ раздавалась музыка и пляска; домъ прикащика былъ освѣщенъ съ низу до верху; внутри также играли и пѣли. Тѣмъ

спрашивае казалась пустыня, въ кошорую мы пошомъ въѣхали. Морской въперъ завываль пронзительными, жалобными звуками, и, какъ бы пробужденныя имъ опъ глубокаго волшебнаго сна, опвѣчали ему мрачныя сосны унылыми сненаніями. Голыя, темныя снѣжныя зѣмка возвышались изъ снѣжныхъ сугробовъ. Мы оспановились у запертыхъ ворошь; можно было подумать, что все вымерли въ зѣмкѣ, ни въ одномъ окнѣ не было замѣшно свѣща; ни зовъ, ни хлопанье бича, ни спукъ не помогали; спарикъ сердился и кричалъ грознымъ своимъ голосомъ: Францъ! Францъ! гдѣ ты запронаспился? . . шевелитесь же; мы замерзнемъ у ворошь! Наконецъ залаяла собака; блуждающій огонекъ показался въ подвалѣ, ключи загремѣли—и опворились огромныя вороша. Милости просимъ, Г. Юспиціаріусъ, сказалъ старый Францъ, подымая высоко фанарь, такъ что свѣчка спраннымъ образомъ освѣшила его лице, не ловко сморщившееся пріятною улыбкою. Повозка въѣхала на дворъ, мы вышли изъ нее, и шупъ шолько могъ я разсмотрѣть хорошенько необыкновенную фигуру спараго слуги, закушаннаго въ спаромодную егерскую ливрею, узанную сурками. По обѣимъ споронамъ щирокаго лѣа шорчали двѣ сѣдыя пукли, лице имѣло свѣжій, здоровый цвѣтъ, и хотя спянушыя мускулы эшого лица казались какою-

тно странною маскою, но глуповатое просно-
душіе, обнаруживавшесся во взорахъ егеря,
невольно примиряло меня съ его чудною на-
ружностью. — Нушка, добрый мой Францъ,
сказалъ старикъ В* отряхавъ, все ли гопо-
во? выбиты ли ковры у меня въ комнатахъ,
железо ли онѣ нащиплены, внесены ли пос-
тели? — Нѣтъ, ошвѣчалъ Францъ хладнокров-
но, нѣтъ почтеннѣйшій Г. Юстиціаріусъ,
ничего не сдѣлано. — Ахъ Боже! вскричалъ дя-
дя, я, кажешся, писалъ заблаговременно; шволя
нераспорочность заставилъ меня ночевать
въ холодныхъ комнатахъ. Да вошь, изволише
видѣшь, дражайшій Г. Юстиціаріусъ, сказалъ
Францъ, медленно снимая пальцами со свѣчки,
вошь изволише видѣшь, попление-то помогло
бы немного, пошому что шуда набилась куча
снѣга черезъ разбицыя стекла. — Какъ? ска-
залъ дядя, разинувъ ротъ, какъ? стекла раз-
биты, и ты не велѣлъ вставить новыхъ? —
Да, почтеннѣйшій Г. Юстиціаріусъ, продол-
жалъ Францъ спокойно, не ловко шуда вхо-
дишь, много тамъ кирпичей навалево. — Что
за чоршъ? какіе кирпичи? закричалъ дядя,
какъ они шуда попали? — Здравія желаю, Ваше
Высокоблагородіе, сказалъ Францъ, услышавъ,
что я чихнулъ, потомъ прибавилъ: это кир-
пичи ошъ средней снѣжны, кошорые обвали-
лись ошъ потрясенія. Какъ? вскричалъ дядя,
разсердясъ, у васъ было землетрясеніе? Не со

всѣмъ, опвѣчалъ Франць, только что потолокъ провалился въ присуспешивенной залѣ.— Чортъ бы васъ всѣхъ побралъ! вырвалось у дяди; но вдругъ захохотавъ, онъ продолжалъ: „видно далѣ нечего спрашивать! не по ты скажешь, что и весь замокъ обрушился намъ на головы. Но, послушай, Франць, не уже ли у тебя не достало ума, очистишь и испопить другую компану? Достало, почтеннѣйшій Г. Юспиціаріусъ, сказалъ Франць поклонившись, и пошелъ впередъ со свѣчкой, указывая намъ дорогу. Мы проходили высокіе корридоры со сводами; Францова свѣча странно опсвѣчивала въ темнотѣ: колонны, канипели и песпрыя аркады, какъ бы, висѣли въ воздухъ, наши шѣни исполинами шагали подлѣ насъ, и чудныя изображенія на стѣнахъ, по копорымъ онѣ мелькали, казались намъ дрожащими; качающимися, голоса ихъ шептали въ грозномъ опголоскѣ нашихъ шаговъ:“ Не пробуждайте насъ, не пробуждайте нелѣваго, волшебнаго народа, спящаго въ этихъ камняхъ. Наконецъ, пройдя рядъ темныхъ, холодныхъ поковъ, Франць опворилъ залу, гдѣ разведенный въ каминѣ огонь привѣспивовалъ насъ своимъ веселымъ прескомъ. Лишь только я ступилъ въ это мѣсто, какое-то пріятное ощущение родилось во мнѣ; но дядя остановился посреди залы, оглянулъся во всѣ стороны и сказалъ важнымъ, почи

поржесшвеннымъ голосомъ: „такъ здѣсь будеть присущивенная зала?“ Франць, поднявъ свѣчку, освѣпилъ длинную снѣгу, на копорой замѣшно было видно пяпно съ дверь величиною, и ошвѣчалъ боязливо: „здѣсь, кажешя, уже совершенно было правосудіе?“ что тебѣ вздумалось? спросилъ дядя, подходя къ камину. Такъ, у меня вырвалось, сказалъ Франць, и ввелъ насъ въ ближнюю комнату, гдѣ все было пригошовлено къ нашему приему. Въ непродолжительномъ времени поставили передъ каминомъ накрышый столъ, съ весьма хорошимъ ужиномъ; послѣ десерта, къ удовольствію нашему, Франць подалъ намъ огромную чашу, на Сѣверный манеръ пригошовленнаго пунша. Успавши ошъ дороги, дядя послѣ ужина легъ спать. Новое необыкновенное мѣстопребываніе, и пуншъ, копорый я пилъ, возбудили во мнѣ жизненные силы, такъ что я совершенно не могъ уснуть; Франць прибравъ столъ, и низко поклонясь, оставилъ меня.

Я сидѣлъ одинъ въ огромной рыцарской залѣ. Буря умолкла, мяпель зашла, небо прояснилось, и полная луна, проливая свой свѣтъ чрезъ большія Ишаліанскія окошки, волшебнo освѣщала темные углы залы, куда не могъ проникнуть шомный отблескъ моей свѣчки и пылающаго камина. По обыкновенію рыцарскихъ замковъ, снѣны и потолокъ были

чуднымъ образомъ изукрашены фанпластическими изваяніями и испещрены вызолоченною лешною работою. Изъ большихъ каршинъ, изображавшихъ, большее часнію, кровавья медвѣжьи и волчьи охопы, выступали деревянные головы людей и живописныхъ, представленныхъ къ написаннымъ изображеніямъ, такъ что, особливо при дрожащемъ свѣтѣ огня и луны, онѣ казались ужасно оживленными. Между каршинами спояли бюсты рыцарей во весь ростъ, въ охотничьей одеждѣ. Вся живопись и рѣзба носили на себѣ отпечатокъ прежнихъ вѣковъ: темный, сѣроватый цвѣтъ;—тѣмъ замѣтнѣе было свѣтлое пятно на шой же стѣнѣ; я удостоившись, чью пуншъ долженствовала быть прежде дверь, которую задѣлали послѣ. Кто не знаетъ, какую пайную силу имѣеть надъ человекомъ, новое или необыкновенное для него мѣсто! . . . Самое дремлющее воображеніе пробуждается въ долину, окруженную призракообразными скалами, или въ мрачныхъ стѣнахъ древней церкви! . . . Когда скажу, что мнѣ было тогда двадцать лѣтъ отъ рода, и что, съ дороги, я согрѣвался у каминна пуншемъ, то легко повѣряешь мнѣ, что ночью, въ уединенной комнатѣ Россинскаго замка, меня подиралъ морозъ по кожѣ. Представьте себѣ по мерзвую пианину, то ревъ морскихъ волнъ и свистъ вѣ-

пра, звучащаго, какъ громкій органъ, изъ котораго какіе нибудь духи извлекаютъ грозныя тоны;—мимолетящія облака, освѣщенные луною, казались мнѣ блуждающими великанами, заглядывающими въ окна;—невольный пренешъ проникъ въ меня, и чувство страха овладѣло моею душею; но эпопъ спрахъ походилъ на топъ, который внушается намъ чтеніемъ какой нибудь повѣсти о привидѣніяхъ, и который такъ часно бываетъ для насъ пріятенъ! Въ такомъ расположеніи духа, я рѣшился взяться за книгу, которую, какъ всѣ любители романшизма того времени, носилъ съ собою въ карманѣ. Это былъ *Шиллеровъ Духовидецъ*. Я спалъ чинашъ; воображеніе мое возпламенялось болѣе и болѣе. Наконецъ, я дошелъ до эффектнаго описанія свадьбы Графа * * *; и въ самое то время, когда выступала кровавая тѣнь Иеронима, дверь, ведущая въ ближнюю залу, разшворилась съ шумомъ.—Я вскакиваю въ ужасъ, книга выпадаетъ изъ рукъ моихъ; но опять все тихо, и я спыжусь моего ребяческаго спраху. Вѣрно вѣпромъ разшворилась дверь! Я беру снова книгу и сажусь въ кресла. Вдругъ слышанся мнѣ тихіе, мѣрные шаги по залѣ, и между тѣмъ вздохи и стоны, выражавшіе глубочайшую скорбь.—Это вѣрно какой нибудь больной въ нижнемъ этажѣ, подумалъ я: извѣстель акустическій об-

манъ ночи, приближающій опдаленные звуки. Я начиналъ уже успокаиваться; но вдругъ раздались опять шеванія, какъ бы умиралъ кто въ ужаеныхъ мученіяхъ; — я услышалъ, что кто-то царапаетъ стѣну въ помѣ самомъ мѣстѣ, гдѣ была задѣланная дверь Я полагалъ, что вѣрно заперли внизу какое нибудь домашнее животное, — и хотѣлъ попрыгнуть ногою; но кровь застыла въ моихъ жилахъ, холодный потъ выступилъ на лбу, я не могъ поднять ноги, не могъ пронуться съ мѣста! . . . шаги слышатся снова, дверь захлопывается съ прескомъ; и пѣ же шаги уже въ передней, потомъ на крыльцѣ. Потомъ, кажется мнѣ, что кто-то выводитъ изъ конюшни лошадь и черезъ нѣсколько времени вводитъ опять ее въ конюшню. Въ ту же минуту, мой дядя, сонный, стонетъ и вздыхаетъ въ спальнѣ; это возвратило мнѣ чувствва; я взялъ свѣчку и вошелъ въ спальню. Казалось, что спарикъ боролся съ какимъ-то тяжелымъ сномъ. Проснишься! закричалъ я. Спарикъ вскочилъ съ невнятнымъ восклицаніемъ; потомъ посмотрѣвъ на меня, сказалъ: ты хорошо сдѣлалъ, что разбудилъ меня: я видѣлъ дурной сонъ; всему этому причиною проклятая зала; — но теперь заснемъ-ка покрѣпче! . . .

На другой день начались шельменные дѣла. Пришелъ прикащикъ съ бумагами и счелами;

попомъ люди изъ деревни съ разными дѣлами. Въ 12 часовъ дядя отправился со мною, въ другой флигель, чтобы по формѣ представить меня Баронессамъ. Нѣсколько времени мы должны были дожидаться, пока не явилась шестидесятилѣтняя сгорбившаяся служанка, въ разрисованной набойчатой кофти; она представляла лице камерфрейлины и ввела насъ во святилище. Съ смѣшнымъ церемоніаломъ приняли насъ шамъ по давно-прошедшей модѣ, фаншаспически разряженные дамы, и дядя рекомендовалъ меня, какъ молодаго юриста и своего племянника. Не смотря на то, что вся эта сцена, была довольно забавна, ужасъ прошедшей ночи не покидалъ меня. Успарьльмя Баронессы, съ ихъ стародавнюю высокою фризурою, съ ихъ штофными юбками, изпещренными узорами цвѣповъ и птицъ, вмѣсто того, чтобы казаться смѣшными, казались мнѣ привидѣніями. По ихъ морщиноватымъ, лимоннаго цвѣта лицамъ, по ихъ дурному Французскому выговору, и крючкообразнымъ носамъ, заключилъ я, что онѣ едва ли не съ родни привидѣнію прошедшей ночи. Весельчакъ, мой дядя, желая подушпипь надъ ними, завлекъ ихъ нарочно въ разговоръ, и спарушки до того разболшались, что въ другомъ расположении духа, я бы не зналъ, какъ удержаться отъ смѣха; но, я сказалъ уже, что Баронессы каза-

лись мнѣ колдуньями, и старикъ, кошорый думалъ позабавить меня на ихъ счетъ,—смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. „Что съ побоемъ сдѣлалось? сказалъ онъ мнѣ послѣ обѣда, когда мы оснались одни въ своей комнатѣ: ты не ѣшь, не пьешь и не смѣешься? ты вѣрно боленъ? Тупиъ я рассказалъ ему происшествіе прошедшей ночи. Я рассказалъ все, даже и то, что я довольно выпилъ пунша и чиналъ Шиллерова Духовидца. Я думалъ, что старый весельчакъ спанеть смѣяшся надо мною; но онъ задумался, и сказалъ мнѣ важно: „не книга и не пуншъ причиною пвоего видѣнія; все, что ты говорилъ, снилось и мнѣ: я сидѣлъ у камина, я видѣлъ, какъ ужасный призракъ вошелъ въ залу, какъ подкрался онъ къ задѣланной двери, какъ въ беззубиномъ опчаяніи царапалъ стѣну, и кровь текла изъ подъ ногшей его; какъ потомъ онъ сошелъ съ крыльца, вывелъ изъ конюшни лошадь и оляшь ввелъ ее назадъ. Племянникъ! доспанеть ли у тебя духа, еще разъ вмѣстѣ со мною взглянуть на эти ночные ужасы? . . Я отвѣчалъ, что готовъ охотно. И такъ, сказалъ дядя: въ будущую ночь спанемъ бодрспивовать; внутренній голосъ говоришь мнѣ, что эшотъ злой духъ долженъ уступитъ моему мужеству, основанному на швердой вѣрѣ, и что заклятіе демона, изгнавшого изъ сего замка попомковъ знаменитой

фамиліи, будетъ богоугоднымъ подвигомъ!

Въ разныхъ развлеченіяхъ прошелъ вечеръ. Какъ и вчера, Францъ убралъ ужинъ и принесъ пуншу; мѣсяцъ сіялъ изъ-за облакъ, море ревѣло, вѣсперъ завывалъ и потрясалъ дрожащія окна. Ударило 12 часовъ. Съ прескомъ разлетѣлась дверь, и какъ вчера неслись пихіе шаги вдоль залы; спонъ и вздохи были также слышны. Спарикъ поблѣднѣлъ, но глаза его заблнспали небеснымъ огнемъ; онъ поднялся во весь высокій ростъ свой и, пропханувъ правую руку къ срединѣ залы, казался повелѣвающимъ героемъ. Но все слышнѣе и лвспвеннѣе становились вздохи и споны, и началось царапанье по стѣнѣ. Тогда спарикъ швердыми шагами подошелъ къ задланной двери и произнесъ торжественнымъ голосомъ: Даніэль, Даніэль! что пы дѣлаешь здѣсь такъ поздно? Тупъ слышался спонъ ужаснѣе прежняго, и спукъ, какъ будто упало что-то на землю. Легкій вопль прозвучалъ въ воздухъ и замеръ въ шумѣ бушующаго вѣтра. Спарикъ подошелъ къ двери и хлопнулъ ее такъ сильно, что звонкій шумъ раздался въ залѣ. Во взорѣ спарика, въ его голосѣ, было нѣчто необыкновенное. Онъ сѣлъ въ кресла, сложилъ креспообразно руки и началъ молиться. Исполненный спрахомъ и свлпшымъ благоговѣніемъ, л бросился на колѣна; спарикъ заключилъ ме-

въ свои объятія и попомъ сказалъ мнѣ тихимъ голосомъ: шеперь, любезный племянникъ, ляжемъ спать! . .

Въ слѣдующую ночь все было спокойно.

(Продолженіе въ слѣдующемъ No.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

Э л е г і я .

Проходитъ время! дни за днями
 Потокъ незримый увлекалъ —
 И снова желтыми листьями
 Осенній въперъ заигралъ;
 Природа, тихо умирая,
 Въ послѣдній разъ цвѣла въ поляхъ;
 Такъ вянетъ дѣва молодая
 Гарема душнаго въ спѣнахъ,
 Такъ мѣсяцъ пускаетъ въ облакахъ
 Передъ разсвѣтомъ угасая!
 Когда печальныя мечты
 Волнуютъ душу смущенной думой —
 И мрачнось осени угрюмой
 Свои имѣешь красоты . .
 Судьбой заброшенъ въ эти страны,
 Одишь, далекъ родныхъ береговъ,
 Люблю я Финскіе туманы —
 Природы траурный покровъ!
 Люблю сморять, какъ облепаютъ
 Съ деревь изсохшіе листы,
 Смотрю — и въ сердцахъ воскресаютъ

Давно минувшія мечты.
 Признашься ль вамъ? и по другому,
 Друзья, мнѣ миль осенній видъ:
 Онъ ясно сердцу молодому
 О чемъ-то миломъ говоритъ,
 Я помню: къ берегу крупному
 Пришла задумавшись со мной
 Младая дѣвица; предъ нами
 Рѣка, покрывая волнами,
 Капилась сипей полосой;
 Въ дубравѣ въпрямь обнаженной
 Порой былъ слышенъ бурн свистъ,
 И вдругъ упалъ изсохшій листь
 Къ ногамъ подруги незабвенной;
 »Даю тебѣ на память я
 Сей листь, чтобъ какъ нибудь ошибкой
 Ты въ свѣтъ не забылъ меня!
 Она сказала мнѣ съ улыбкой;
 И я храню его, друзья,
 Храню, какъ памятникъ унылой
 Минувшаго прекрасныхъ дней,
 И вѣжной склонности моей,
 И дѣвы пезабвенно-милрой!

* *

С М Ъ С Б.

Великій прагикъ, (я почти хопгьль сказать величайшій историкъ,—ибо прагедія, пакъ какъ онъ создалъ ее, то же что и испорилъ), Гальма въ запискахъ своихъ открываетъ намъ одинъ, довольно любопытный, фактъ. Часто, послѣ сыгранной имъ сцены, въ которой онъ, самъ не зная того, былъ величественъ, какъ геній, видали его погруженнаго въ размышленія, прислонившагося къ кулисъ,—одногокаго посреди окружавшей его толпы, дожидющагося въ глубокоемъ размышленіи минуты новаго выхода на сцену. Всѣ уважали это размышленіе; всѣ полагали, что онъ занятъ исполненіемъ ожидающей его сцены; но не она была предметомъ его думы: вѣрря себя случаю и пѣмъ вдохновеніямъ, копорья никогда не измѣняютъ генію, Гальма размышлялъ о прошедшемъ и, пакъ сказать, анализировалъ себя. Онъ спрашивалъ самого себя, чѣмъ заслужилъ онъ рукоплесканія, испоргнувъ имъ у публики, и увлеченный тою опчепливостію, пѣмъ мученіемъ, копорое налагается испиннымъ талантомъ, онъ можетъ быть порицалъ себя за кулисами, когда еще вся публика рукоплескала ему въ замѣ. Настояще и будущее не существовали для него: въ одномъ только прошедшемъ почерпалъ онъ уроки; самъ созерцалъ себя, по праву однимъ только геніямъ данному, ибо однимъ только геніямъ дозволено быть изслѣдователями самихъ себя!

(Изъ Revue de Paris.)

Н О В О С Т И.

Въ Керчи, общество любителей театра представляло недавно Расинова *Митридата*. Известно, что Керчь лежитъ на мѣстѣ древней Панпикапей, гдѣ сей знаменитый врагъ Римлянъ, за 1895 года, замышлялъ уничтоженіе грознаго Рима. Кроме интереса мѣстности, это представленіе замѣчательно еще потому, что въ костюмы нѣкоторыхъ артистовъ включены были разныя золотыя украшенія, найденныя нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ, въ числѣ рѣдкостей, въ одной гробницѣ, современной, какъ полагаютъ Митридату.

По официальнымъ свѣдѣніямъ, на известнѣйшихъ цѣлебныхъ водахъ Богеміи, лѣтомъ прошлаго 1830 года было 17,724 посещителя; именно: въ Теплицъ 5,409 компаній (9,163 человекъ); въ Карлсбадъ 1,320 компаній (4,935 человекъ); въ Мариенбадъ 1,015 компаній (1,685 человекъ) и въ Францесбадъ 772 компаній (1,223 человекъ).

С О Д Е Р Ж А Н І Е No. XXX.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза*: Майорангъ. Повесть. *Стихотворенія*: Элегія. СМѢСЬ. НОВОСТИ.

С. П. Бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдельнаго Корпуса
Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 8 Апрѣля 1831 года.

Ценсоръ П. Гавскій.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

М А І О Р А Т Ъ.

П о в ѣ с т ь.

(Продолженіе.)

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ Баронъ съ своею свитою, и веселая жизнь оживила Россіенъ. Баронъ потчасъ пришелъ къ намъ въ комнату и, по видимому, эша переменна нашей квартиры, сдѣлала на него непріятное впечатлѣніе. Онъ бросилъ мрачный взглядъ на задѣланную дверь; мой дядя разсказалъ ему о провалившемся пополкѣ, но Баронъ сердился на Франца за то, что онъ помѣспилъ насъ въ эшой залѣ. Впрочемъ, обхожденіе Барона съ старикомъ было не только дружески-венно, но еще онъ оказывалъ ему какъ бы сыновнее почтеніе. Эшо нѣсколько примиряло меня съ угрюмымъ, суровымъ характеромъ Барона, который почти не смотрѣлъ на меня, и обходился со мною, какъ съ проспымъ писаремъ. Я намекнулъ моему дядѣ, что Ба-

ронъ мнѣ не правится. „Что же этому причиною?“ спросилъ старикъ, бросивъ на меня испытующій взоръ. Я покраснѣлъ до ушей. Я чувствовалъ, что моя нелюбовь къ Барону происходила отъ любви, или, лучше сказать, отъ уваженія къ существу неземному.—Это существо была сама Баронесса! . . . Увидѣвъ ее впервые, въ Русской собольей шубѣ, такъ живо рисовавшей ея прелести, и съ покрываломъ на лицѣ, въ душѣ я поклонялся уже ей, какъ божеству! . . . Слыша, какъ прешарѣлыя пешушки, гнуся Французскіе комплименты, тащились за нею, въ своихъ стародавнихъ кофшахъ, а она, съ неописанною кротостію, отвѣчала имъ нѣсколько словъ на чистозвучномъ Курляндскомъ нарѣчій,—я вспомнилъ о ночномъ привидѣніи, и Баронесса казалась мнѣ ангеломъ свѣта, долженствовавшимъ разсѣять таинственныя силы мрака! . . . Этой прелестной женщины было тогда лѣтъ двадцать отъ роду, правильныя черты лица соотвѣтствовали стройному ея стану; какъ свѣтъ померкавшей луны, былъ очарователенъ взоръ черныхъ, помныхъ очей ея! . . . Мнѣ казалось, что какая-то тайная скорбь, или неясное предчувствіе будущихъ бѣдствій, съ коими привидѣніе въ замкѣ имѣло неизъяснимую связь, удручали ея душу! На другой день за завтракомъ для представилъ меня Баронессѣ; я неловко про-

бормошаль непоняшное привѣтствіе; старыя шешушки, приписывая мое смущеніе глубокому уваженію къ знашной дамѣ, приняли меня подѣ свое покровительствво и рекомендовали по Французски какъ un bon garçon. Я спалѣ посмѣлѣе и опшуспилѣ какое-шо bon mot, шо же по Французски. Но изѣ взгляда Баронессы, опвернувшейсѣ опѣ меня къ другой дамѣ, замѣшилѣ я, что мое bon mot слишкомѣ походило на глупоспѣ . . . Видѣлѣ несравненную женщину, молчашѣ о спраспѣ къ ней, унивашѣся сладкимѣ ядомѣ очей и словѣ еѣ, а попомѣ разспащѣся навѣки—вопѣ путь, кошорый предсполялѣ мнѣ!—Эша романическая любовь, до шого овладѣла мною, что ночью я говорилѣ съ самимѣ собою и, нѣсколькo разѣ, призывалѣ Серафиму! . . Мои возгласы пробудили дядю,—и онѣ сказалѣ мнѣ: племянникѣ, ты бредишь! .

Почтеніе Барона къ спарику, оказывалосѣ во всемѣ. За споломѣ онѣ занималѣ мѣсто возлѣ Баронессы; мнѣ приходилосѣ сидѣть между двухѣ Офицеровѣ, кошорые мнѣ безспешанно подливали. Такимѣ образомѣ, я былѣ удаленѣ опѣ моего божеспва, пока случай меня съ нимѣ не сблизилѣ. Однажды передѣ обѣдомѣ заговорилѣся я съ компаніонкой Баронессы, и попомѣ проводилѣ еѣ къ сполу. Какова же была моя радоспѣ, когда она съла подлѣ Баронессы, и мнѣ довелосѣ заняшѣ мѣсто

рядомъ съ нею! разговоръ завязался и наконецъ склонился на музыку; я сказалъ, что не смотря на мои занятія сухою юриспруденціею, я спраспно преданъ музыкѣ и не дурно играю на фортепіано. Послѣ обѣда всѣ вышли въ гостиную, гдѣ подали намъ кофе и ликеръ; не знаю самъ, какъ я очутился возлѣ Баронессы; она вдругъ начала говорить со мною своимъ очаровательнымъ голосомъ, спрашивала меня: какъ мнѣ нравится замокъ и ш. д. Я отвѣчалъ, что суровый видъ спальни и замка, сдѣлалъ на меня непріятное впечатлѣніе, но что въ послѣдствіи, я нашелъ здѣсь много изящнаго, и теперь вовсе отказываюсь опъ медвѣжей охоты. Баронесса засмѣялась и сказала: не удивляюсь, что рѣзкій звукъ охотничей трубы вамъ не нравится; вы музыкантъ и вѣрно поэтъ? я сама люблю эти искусства. Я отвѣчалъ, что съ удовольствіемъ сыгралъ бы чтонибудь, если бъ въ замкѣ были фортепіано. Между тѣмъ гости разошлись, все утихло, дядя легъ спать, а я спалъ одѣваясь къ назначенному въ полночь вечеръ балу. Вдругъ кто-то постучался въ двери; это былъ Францъ съ извѣщеніемъ, что Баронесса проситъ меня придти въ ея кабинетъ, попробовать фортепіано. Не знаю, какъ дошелъ я туда; сладостная дрожь проникла въ мои члены, когда я приближался къ кабинету; веселая Аделаида ввела меня въ храмъ

божества моего. Баронесса, въ бальномъ уже плащѣ, задумчиво сидѣла передъ таинственнымъ лицомъ, гдѣ дремали звуки, которые долженъ былъ пробудить я. Она вспала, споль блестящая прелестями, что я оцѣпенѣлъ. Ну, Теодоръ, (сказала она, называя меня пакъ по госпепрїимному Сѣверному обычаю): посмотрите, будетъ ли это фортепїано достойно вашего искусства? Лишь только я открылъ инструменпъ, зазвучали перелопавшіяся струны, нельзя было взять правильно ни одного аккорда. — Мнѣ попался свершокъ струнъ, но не было настройнаго ключа; — какъ помочь бѣдѣ? Баронесса и Аделаида зашевелились и черезъ нѣсколько минутъ передо мною лежала цѣлая куча ключей. Я пробую однимъ, другимъ, прешьимъ, наконецъ одинъ подходитъ, струна натягивается и лопаешь. Баронесса испугавшись, отскакиваетъ назадъ, Аделаида смѣется; — наконецъ все приходитъ въ порядокъ и звучатъ чистые аккорды. Это дружное стараніе прогнало отъ насъ всякую принужденность; застѣчивость меня оставила и я началъ пѣть нѣ южныя канцонены, конторыя были тогда въ модѣ. Чѣмъ болѣе я пѣлъ: *Senza di te* и *Sentimi idol mio*, и *Almen se non posso*, чѣмъ живѣе выражалъ: *morir mi sento*, и *addio* и *oh dio*, тѣмъ болѣе пламенѣли глаза Серафимы. Она сидѣла, облокошившись о мои

кресла, дыханіе ея вѣяло надъ моею щекою, бѣлая ленца, опвязавшись опть ея бальнаго плащя и перекинувшись черезъ мое плечо, вѣяніемъ своимъ приносила ко мнѣ легкіе вздохи Серафимы, и оплепала опть меня снова вмѣспѣ съ умирающими звуками моего голоса. Вдругъ Аделаида, сидѣвшая въ углу комнаты, вскочила съ своего мѣста, бросилась на колѣни передъ Баронессою и упрашивала ее пропѣть что нибудь. „Что тебѣ вздумалось, Аделаида?“ опвѣчала Баронесса: какъ могу я пѣть въ присуствіи такого виртуоза? . . Я присоединилъ мои просьбы къ просьбамъ Аделаиды, и упомянувъ о національныхъ Русскихъ пѣсняхъ, не давалъ Серафимѣ покоя, до тѣхъ поръ, пока она не сдѣлала нѣсколькихъ прелюдій на инструментѣ . . . Попомъ, нѣжнымъ своимъ голосомъ она пропѣла пѣсню, простая мелодія коей имѣла характеръ тѣхъ простонародныхъ стихопвореній, въ которыхъ такъ ясно выказывается природная поэзія человѣка. Таинственное очарованіе дышетъ въ незнакомыхъ словахъ текста, это гіероглифы неизъяснимаго, наполняющаго нашу душу! . . . Между тѣмъ, освѣщеніе въ бальной залѣ и шумная музыка возвѣстили намъ, что балъ начинается. Теперь пора идти, сказала Баронесса: вы доставили мнѣ нѣсколько пріятнѣйшихъ часовъ въ Россіи. Съ сими словами, она подала мнѣ

руку, и когда я, въ упоеніи высочайшаго восторга, прижималъ ее къ моимъ устамъ, почувствовалъ, какъ дрожащія персты ея жали мою руку! . . . Одинъ Гасконецъ говорилъ, что онъ поному только боялся войны, что всякая рана должна быть ему смертельна, потому что онъ весь одно сердце. Я очень походилъ на этого Гасконца. Каждое прикосновение Баронессы было для меня смертельною раню: ея руки, ея дрожащія персты язли меня, какъ ядовитыя стрѣлы! . . . Скучное писмоводство не могло изторгнуть меня изъ волшебнаго круга, въ который привлеченъ я былъ Серафимою! Въ обществѣ я говорилъ съ нею мало, но почти каждый вечеръ шайное посольство онъ Аделаиды, приглашало меня въ кабинетъ Баронессы. — Разговоры, часомъ весьма интересные, мѣшались съ музыкой. Аделаида, которая была уже не такъ молода, чтобы повѣсничать, старалась однако же всегда развеселить насъ, когда замѣчала, что мы предавались предчувствію, или пускались въ сентиментальные бреды. Дядя не разъ говорилъ мнѣ: племянникъ, выкинь изъ головы эту глупость, не увивайся за Баронессою, предостань это свѣтскимъ мотылькамъ, которыхъ здѣсь довольно. Играя роль нѣжиньскаго Селадона, ты смѣшишь только собою другихъ!“

Однажды Баронесса не вышла къ столу;

сказали, что она больна. Кпо-шо спросилъ у Барона о здоровьѣ его супруги;—ничего, опъвъчалъ онъ, ничего! небольшая проспуда опъ здѣшняго морскаго вѣтра, который не шерпиптъ нѣжнинькихъ голосковъ, и не любиптъ другой музыки, кромѣ охопничьяго рожка. При эшихъ словахъ Баронъ бросилъ на меня насмѣшливый взглядъ. Я покраснѣлъ. Вечеромъ, проходя чрезъ корридоръ въ присупшвенную залу, я примѣнилъ шамъ кого-то со свѣчкою въ рукахъ, это была Аделаида. Я уже съ полчаса брожу здѣсь, какъ ночное привидѣнiе, и не могу опыскать васъ! шепнула она мнѣ, взявъ меня за руку. Слово „привидѣнiе,“ и въ такомъ мѣспѣ, сильно поразило меня. Я потчасъ вспомнилъ объ ужасахъ, видѣнныхъ мною; вѣшеръ какъ и тогда звучалъ, подобно флейшамъ органа; окна дрожали, и луна блѣднымъ своимъ свѣшомъ озаряла шаинсшвенную спѣну; мнѣ казалось, что я вижу на ней кровавья пашна! Аделаида, державшая меня за руку, не могла не замѣшптъ, что эша рука охолодѣла; „что съ вами дѣлаешся? вы оледенѣли!“—сказала она, посмошрѣвъ мнѣ въ глаза: но я оживлю васъ. Знайше, что Баронесса ожидаетъ васъ. Ахъ любезный другъ, что вы сдѣлали съ Серафимою! Я еще никогда не видала ее въ такомъ положенiи! А, какъ пульсъ вашъ начинаеш опашъ бипшься. Какъ оживились вы снова! . .

Но пойдеште къ Баронессѣ. Мы вошли въ кабинетъ Серафимы, и я не знаю самъ, какимъ образомъ, вмѣсто того, чѣмбы сѣсть за фортепіано, я сѣлъ рядомъ съ нею на диванъ. Я увидѣлъ, что разговоры, а не музыка, займутъ насъ въ эпоху вечеръ;—наконецъ Баронесса начала своимъ нѣжнымъ, почти шепотомъ голосомъ: мужъ мой долженъ казаться вамъ очень страннымъ; но повѣрьте, только во время пребыванія въ мрачныхъ стѣнахъ Россіиена, какъ бы измѣняется все существо его; или по крайней мѣрѣ, его обращеніе. Его тревожитъ мысль, что здѣсь должно случиться нѣчто ужасное!. Много необыкновеннаго рассказываютъ о дѣдѣ Барона, учредившемъ Маіоранъ; говорятъ, что какое-то привидѣніе спарается изгнать опіюда владѣтелей замка. Это таинственное существо, разстроило всѣ мои чувства. Вамъ однимъ, вашей дружбѣ обязана я нѣсколькими пріятными здѣсь часами; чѣмъ могу возблагодарить васъ!“ Я поцѣловалъ руку Серафимы и сказалъ, что въ первую ночь по пріѣздѣ нашемъ въ замокъ, это таинственное существо обезпокоило и меня. Баронесса сморщала мнѣ приспально въ глаза, когда я началъ приписывать все странному украшеніямъ присущенной залы, завыванію въпра и ш. д. „Нѣтъ, вскричала она:“ съ вами вѣрно случилось что нибудь ужасное въ этой

залъ; я никогда не вхожу въ нее безъ пренеженія; заклиная васъ, расскажите мнѣ все!

Мертвая блѣдность покрыла лице Серафимы; мнѣ казалось, что гораздо лучше рассказать ей правду, нежели предоставить разгоряченному ея воображенію выдумать что либо ужаснѣе, нежели то, что было дѣйствительно. Во время моего рассказа она закрывала лице руками. Тупиъ я замѣпилъ, что Аделаида оставила насъ однихъ. Я давно уже кончилъ, но Серафима все еще молчала, я подошелъ къ Форшеніанѣ и старался звучными, полными аккордами вызвать утѣшительныхъ геніевъ . . . Одушевленный нѣжнѣйшими чувствами, я началъ одну изъ священныхъ пѣсней Аббата Стефани. При помныхъ звукахъ пассажей *Occhi perchè piangete* Серафима какъ бы пробудилась отъ мрачнаго сна и слушала меня, проливая слезы. Не знаю какъ очутился я передъ нею на колѣнахъ, она наклонилась ко мнѣ, мои руки обхватили спройный станъ ея, и долгой пламенный поцѣлуй горѣлъ на устахъ моихъ. Напоследокъ, Баронесса вырвалась изъ моихъ объятій, подошла къ окошку, и потомъ, обернувшись опять съ важностію, сказала мнѣ: вашъ дядя почтенный человекъ; я уважаю его болѣе, нежели кого либо въ свѣтѣ;—онъ Ангель-хранитель нашей фамиліи. Я не могъ произнести ни слова: ядъ поцѣлуя разливался по еѣмъ моимъ

жиламъ. Аделаида вошла и насмѣшливо взглянула на насъ. Прощайте, любезный другъ, сказала Баронесса, подавал мнѣ руку:—прощайте! думайте иногда обо мнѣ! . Я пробормоталъ неловкое прощаніе и побѣжалъ въ свою комнату. Дядя уже спалъ. Я остался въ залѣ, спалъ на колѣни, громко произносилъ имя возлюбленной и предавался всеѣмъ глупостямъ молодаго влюбленнаго человѣка. „Племянникъ! ты съ ума сошелъ! закричалъ мнѣ дядя изъ постели: ложишь-ка спать.“ Я повиновался въ надеждѣ увидѣть во снѣ Серафиму. Было уже за полночь, я еще не спалъ; вдругъ слышу опдаленные голоса, люди бѣгають по замку, двери хлопають и ш. п.; вопъ раздаются шаги по корридору; дверь залы опворяется, и случается къ намъ въ комнату. Кто тамъ? закричалъ я; „Г. Юстиціаріусъ! Г. Юстиціаріусъ, проснись. Я узналъ по голосу Франца; старикъ вскочилъ; „Что тамъ за черповщина, пожаръ что ли? сказалъ онъ. „Баронъ васъ спрашиваетъ.“—Что ему понадобилось опъ меня ночью? Развѣ онъ не знаетъ, что Юспиція снись вмѣстѣ съ Юспиціаріусомъ?—„Баронесса занемогла!“ я вскочилъ съ ужасомъ. „Отвори же Францу,“ сказалъ дядя. Шапаясь по комнатѣ, я не могъ найши ни замка, ни двери; старикъ долженъ былъ помочь мнѣ въ этомъ. Едва успѣли мы одѣнтся, какъ въ залѣ послышался голосъ

Барона: могу ли я говорить съ вами, любезный В*? кричалъ онъ. — „За чѣмъ же ты одѣлся? сказалъ дядя; Баронъ спрашиваетъ только меня.“ Я долженъ ее видѣть и умереть, закричалъ я въ опчаяніи; конечно, сказалъ спарикъ, и, захлопнувъ дверь, заперъ меня въ комнаѣ. Я хотѣлъ разломать дверь, но на послѣдокъ нѣсколько успокоился. Я слышалъ, что Баронъ съ жаромъ разговариваетъ съ спарикомъ, слышалъ, что упоминали мое имя, но не могъ понять ничего. Наконецъ Баронъ удалился; дядя вошелъ опять въ спальню. „Она умерла, вскричалъ я бросаюсь къ нему на встрѣчу.“ — Ты сошелъ съ ума, сказалъ спарикъ хладнокровно. „Я бѣгу къ ней, гдѣ бы она ни была, воскликнулъ я.“ — Бѣги, отвѣчалъ спарикъ, запирая дверь и спрятавъ ключъ въ карманъ. Я засирѣлюсь! вскричалъ я, схвативъ ружье . . . Спрѣляйся, сказалъ дядя спокойно. Я почти безъ чувствъ упалъ въ кресла. Спарикъ положилъ шрубку, мурлыча песенку; потомъ сыскалъ бумажку, сдѣлалъ изъ нее фидибусъ и скоро густыя облака дыма поднялись въ комнаѣ. „Я совсѣмъ выбился изъ сна, сказалъ онъ, при томъ же же не далеко и до ушра.“ Вдругъ тихіе шаги послышались въ залѣ. „Она умерла!“ эта мысль пролетѣла въ моей головѣ какъ смертоносная молнія. „Ты ли это Францъ?“ спросилъ спарикъ. Точно шакъ, Г. Юстиціа-

ріусть; это я;—ну, поправь же огонь въ каминѣ, да, если можно, принеси намъ чаю. А у васъ шамъ внизу чшо дѣлаешся? ничего, Г. Юстиціаріусть, Г-жѣ Баронессѣ гораздо лучше, она приписываетъ свой обморокъ худому сну. Я хотѣлъ вспрыгнуть ошъ радости, но строгій взглядъ старика приковалъ меня къ мѣсту. И такъ, если все внизу спокойно, сказалъ дядя, то не лучше ль часика два заснуть; прощай, Францъ, не надобно чаю.

На другой день дядя сказалъ мнѣ: сдѣлай одолженіе, любезный племянникъ, сходи внизъ и справься, каково здоровье Баронессы? спроси Аделаиду, она снабдитъ тебѣ полнымъ бюллетенемъ.—Я пошелъ; но въ шу мину, когда я хотѣлъ постучаться у дверей Баронессіной комнаты, вышелъ ошпуда самъ Баронъ. „Чшо вамъ угодно? спросилъ онъ, Я пришелъ ошъ дядюшки, освѣдомись о здоровьѣ Баронессы . . . О! ничего, это пройдетъ! обыкновенный нервической припадокъ; она сегодня выйдетъ къ сполу. Онъ говорилъ это съ какимъ-то усиліемъ, которое заспаляло меня думашъ, что Баронъ желалъ скрыть ошъ меня свои опасенія. Я хотѣлъ уже идти назадъ, какъ Баронъ схватилъ меня за руку и бросивъ на меня пронищательный взглядъ, сказалъ мнѣ: „молодой человекъ, я хочу поговорить съ вами.“ Мнѣ казалось, что я вижу передъ собою оскорбленнаго суп-

руга, и меня спросило это неприятное объясненіе. Со мною не было никакого оружія, кромѣ моего охотничьяго ножа, и я слѣдовалъ за Барономъ, съ намѣреніемъ не щадить его жизни, если дѣло дойдетъ до чего нибудь рѣшиптельнаго. Мы вошли въ комнату и онъ заперъ за собою дверь. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, онъ опять сказалъ мнѣ: „я долженъ говорить съ вами!“ Вы найдете меня всегда къ вашимъ услугамъ! опвѣчалъ я, спавъ въ театральную позисуру. Онъ съ удивленіемъ посмопрълъ на меня; потомъ пройдя въ молчаніи нѣсколько разъ взадь и впередъ по комнатѣ, подошелъ къ углу, взялъ ружье и вложилъ въ него шомполь, чтобы узнать, заряжено ли оно. Рѣшипельная минута приближается, подумалъ я, схватился за ножъ и подошелъ, какъ можно ближе, къ Барону, чтобы не дать ему въ меня прицѣлиться. „Славное ружье, сказалъ онъ, и спсавилъ его опять въ уголъ. Потомъ ударивъ меня по плечу, продолжалъ: я кажуся вамъ страннымъ, но меня разспроило безпокойство прошлой ночи. Припадокъ жены моей не былъ опасенъ; но здѣсь, въ этомъ замкѣ, гдѣ заключенъ какой-то злобный геній, здѣсь я опасуюсь всего! . . Впрочемъ вы, вы всему виновю! . . „Желалъ бы я знать, какимъ это образомъ, опвѣчалъ я спокойно.“ Да, милоспивый государь, вы причиною болѣзни жены

моей: вы и ваша музыка. Нервы Серафимы раздражительны до чрезвычайности; — это могло быть для нее вредно! . . . Я думалъ, что слабая женская душа, какъ спаль закалился въ здѣшней суровой жизни: я думалъ, что свистъ морскаго вѣпра, лай собакъ, звукъ охотничьихъ роговъ, воспоржествуютъ надъ разбѣживающими и расслабляющими сердце тонами фортепiano . . . Но вы своимъ пѣніемъ еще болѣе раздражили слабые нервы Баронессы, и усилили ея задумчивость. Въ то самое время, когда она, такъ сказать, спитрансивуетъ въ пучинѣ видѣній и предчувствій, пробужденныхъ въ ней музыкою, вы влечете ее въ самую глубину, вашими разсказами о какомъ-то привидѣніи, показавшемся вамъ, какъ вы увѣряете, въ присутственной залѣ. Вашъ дядя говоритъ то же, — и я прошу васъ, расскажите мнѣ подробно, что вы видѣли, чувствовали, слышали! . . . Я разсказалъ, какъ было; Баронъ болѣе и болѣе задумывался; наконецъ, закрывъ лице рукою, осматривался долго недвижнымъ и безмолвнымъ. „Больше ничего? спросилъ я и хотѣлъ выйти. Баронъ вспалъ, какъ бы пробудившись отъ глубокаго сна, и схвативъ меня за руку, сказалъ: еще слово! вы невинная причина болѣзни жены моей, вы же и должны ее вылечить.“ — Я покраснѣлъ. — „Серафима, продолжалъ Баронъ: завлечена въ волшебный

кругъ вашей музыки; испоргнушь ее вдругъ изъ онаго, было бы жестоко и опасно. Продолжайте играть и пѣть; кабинетъ моей супруги никогда не запертъ для васъ; — но переходите поспешенно къ понамъ громкимъ, играйте ей шумныя и веселыя аріи; особливо, рассказывайте почаще о привидѣніи. Она свыкнется съ этимъ рассказомъ, и вся таинственность его будетъ, напоследокъ, дѣйствовать на нее не сильнѣе какъ и чтеніе какого нибудь Радклифскаго романа. Съ этими словами Баронъ оппустилъ меня: гордость моя была унижена; я видѣлъ, что слишкомъ много мечпалъ о себѣ, предполагая бытъ опаснымъ! Очарованіе было разрушено — и я оспался глухимъ мальчишкой, считающимъ дѣшскую бумажную корону свою за чистое золото. Въ моей комнашѣ, встрѣпилъ меня дядя съ насмѣшливою улыбкою: „вѣрно Баронъ вызвалъ тебя на дуэль?“ сказалъ онъ и громкій смѣхъ его доказалъ мнѣ, что онъ и теперь, какъ всегда, умѣлъ читать въ моемъ сердцѣ.

Баронесса вышла къ столу въ блестящемъ, бѣломъ, какъ первый выпавшій снѣгъ, платьѣ. Она казалась весьма слабою; но когда зазвучала мелодія ея сладкаго голоса, когда она подняла краснорѣчивые, черные глаза, то на лилейномъ лицѣ ея заблещало нѣкое неопредѣленное удовольствіе и минутный румя-

лицъ покрывъ ея ланины. Она была прелестнѣе, нежели когда нибудь; но чѣмъ болѣе созерцалъ я изящество эфтѣхъ прелестней, тѣмъ недовольнѣе спановился собою. Не уже ли, думалъ я, и она не что другое, какъ только опасная кокетка! . . . Я, по прежнему сидѣлъ между двумя Офицерами, которые безирезпачно заспавляли меня пипь мерзкую чашу. . . Я былъ внѣ себя, пилъ въ опчяніи — и казался веселымъ; рюмки звучали: . . вдругъ человекъ приносилъ тарелку съ конфектами *отъ Аделаиды*. Я взялъ и увидѣлъ топчасъ, что на одной конфектѣ было написано: *за здорье Серафилы*. Я взглянулъ на Аделаиду, которая посмащривала на меня значительнѣе, налилъ рюмку и выпилъ разомъ, говоря сквозь зубы: *за здорье Серафилы*. Я замѣшилъ, что и она также пила въ эту минупу, и какой-то демонъ шеннулъ мнѣ: она любитъ шебя! Опчяніе и воспоргъ боролись въ моемъ сердцѣ; вино пылало,—голова моя кружилась; — мнѣ казалось, что я долженъ настъ къ ногамъ Серафимы и умереть передъ нею! . . „Что съ вами дѣлаешся?“ сказалъ мнѣ сосѣдъ мой. Эшотъ вопросъ возвращилъ мнѣ чувства. Серафимы уже не было. Обѣдъ кончился. Я хотѣлъ идти, но Аделаида задержала меня, говорила много, смѣялась: я ничого не слышалъ. Я помню только то, что выпилъ рюмку ликера изъ рукъ Аделаиды, пошомъ

бросился изъ залы, сбѣжалъ съ лѣспницы и очутился въ лѣсу. Снѣгъ валился хлопьями; сосны спонали отъ бушеванія вѣтра; я бѣгалъ, какъ съумасшедшій: мнѣ казалось, что кто-то кричитъ въ глуши лѣса: „смотри какъ чорпъ шупитъ надъ мальчишкой, которому вздумалось вкусить запрещеннаго плода!“ Наконецъ, вьюга перестала, мѣсяцъ свѣшилъ сквозь облака; я слышу лай собакъ, и вижу приближающуюся ко мнѣ темную фигуру. „Эй, эй, почтеннѣйшій Теодоръ, вы вѣрно заблудились; Г. Юстиціаріусъ ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ!“ сказалъ Францъ. Я слѣдовалъ за нимъ въ молчаніи, и нашелъ дядю за работою въ присутственной залѣ.“ Ты хорошо сдѣлалъ, сказалъ онъ мнѣ, что немножко вышелъ провѣтришься; не пей такъ много вина, это не прилично молодому человѣку!—Не говоря ни слова, я сѣлъ за канцелярскій столъ. „Но скажи мнѣ, любезный племянникъ, за чѣмъ же призывалъ тебя Баронъ?“ я рассказалъ все, и кончилъ тѣмъ, что и соглашусь принять на себя должности лѣкаря, предложенной мнѣ Барономъ. „Да мудрено бы тебѣ было и согласишься!“ примолвилъ старикъ, хладнокровно: „завтра мы ѣдемъ опсюда.“ Такъ оно и случилось; я никогда болѣе не видалъ Серафимы!

По прїездѣ въ Кенигсбергъ, старикъ началъ жаловаться на свои подагрическіе при-

падки. Зима была холоднѣе нежели когда нибудь; и суровая весна, послѣдовавшая за нею, усилила болѣзнь моего дяди. — Онъ рѣшился выдти въ отставку, и шѣмъ лишилъ меня надежды возвратиться когда нибудь въ Россію. Заботы о старикѣ, во время его болѣзни, удаляли отъ меня нѣсколько образъ Серафимы. Но какъ скоро дядѣ моему сдѣлалось лучше, то пробудились во мнѣ и горестныя воспоминанія о счастливыхъ дняхъ въ обществѣ Баронессы. Странный случай не мало не мало способствовалъ этому;—онъ поразилъ меня хладнымъ ужасомъ, какъ явленіе другаго міра! . Однажды я вынулъ изъ кармана поршфель, который носилъ съ собою въ Россію: вдругъ изъ него выпадаетъ темный локонъ, перевязанный бѣлою лентою; я тотчасъ узналъ локонъ Серафимы; — бѣлая лента была та самая, которая играла на моихъ плечахъ въ ночь вечеръ, когда я въ первый разъ приблизился къ Баронессѣ.—Нѣ разсмотрѣвъ ленту пристальнѣе, я примѣтилъ на ней каплю крови! . . . Можешь спаться Аделаида въ часъ безпамятнаго забвенія, въ которомъ я былъ послѣдній день, и положила мнѣ въ поршфель, на память, эту ленту . . . Но отъ чего на ней капля крови? . Эта капля ужасала меня, и превращала даръ почти паспущеской любви, въ

страшное предзнаменованіе неслыханнаго бѣдствія! . . .

Наконецъ пришло лѣто, и послѣ сильныхъ морозовъ наступили споль же сильные жары. Спарикъ очевидно укрѣплялся, и, по обыкновенію своему, переѣхалъ на дачу. Въ тихій Майскій вечеръ сидѣли мы въ благоухающей яминной бесѣдкѣ. Спарикъ былъ въ необыкновенно хорошемъ расположеніи духа, безъ саркастической, однако же, какъ бывало прежде, ироніи. „Племянникъ, сказалъ онъ:“ я не знаю, что дѣлается нынче со мною? . . . я чувствую такое внушительное спокойствіе, какимъ давно уже не наслаждался; — не предвѣщаешь ли оно близкой мнѣ смерти? . . .“ Я старался опровергнуть его опять этихъ мрачныхъ мыслей, „Оставь! сказалъ онъ:“ въ 70 лѣтъ я не могу надѣяться оставаться долго между вами! я еще въ долгу у тебя,—и хочу разплашиться съ тобою: помнишь ли ты объ Россинеттѣ? „Какъ молнія, пробѣжалъ этакъ вопросъ по моему сердцу; но прежде нежели я могъ отвѣчать, спарикъ продолжалъ:“ Небу угодно было ввести тебя въ самыя глубокія тайны сего дома; пора тебѣ узнать всю исторію онаго. Часто, племянникъ, говорили мы съ тобою о вещахъ, копорыя ты скорѣе предчувствовалъ, нежели постигалъ. Природа символически изображаетъ кругъ жизни человѣческой

въ перемѣнѣ временъ года; это давно извѣстная истина; но я понимаю ее иначе, нежели другіе. Весенніе туманы упадаютъ, лѣтніе пары поднимаются, и прозрачный эфиръ осени показываетъ намъ яснѣе дальній ландшафтъ, пока ближній не погрузится въ мракъ зимы. Я полагаю, что дѣйствія непостижимой силы являющія живѣе въ ясновидѣніи старости. Взору ея дозволено проникать въ обшванную спрану, къ которой путь начинается только за гробомъ . . . Какъ живо разкрывается передъ моими глазами вся судьба дома, съ которыми соединенъ я узами тѣснѣйшими, нежели узы родства! Выслушай, сынъ мой, чудную исторію этого дома, и храни въ душѣ твоей увѣреніе, что таинственныя сношенія, о которыхъ ты, можешь бышь, не смѣешь упомянуть, могли бы погубить тебя! Тутъ разскажалъ онъ мнѣ слѣдующее:

(Продолженіе въ слѣдующемъ No.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

ВТОРОЙ ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ШЕКСПИРОВОЙ ТРАГЕДІИ:
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ РИЧАРДА II, КОРОЛЯ АНГЛІЙ-
СКАГО.

Д Ъ Й С Т В І Е I.

Я В Л Е Н І Е 4.

(Р И С Т А Л И Щ Е В Ъ К О В Е Н Т Р И.)

ВХОДЯТЪ МАРШАЛЬ И ДЮКЪ ОМЕРЛЬСКІЙ.

М А Р Ш А Л Ъ.

Вооруженъ ли Герфордъ? Ваша Свѣплость.

О М Е Р Л Ъ.

Совсѣмъ — и сердцемъ просиися въ сраженіе

М А Р Ш А Л Ъ.

Дюкъ Норфолькской, отважный и веселый,
Лишь зова ждеиъ провинничьей трубы.

О М Е Р Л Ъ.

И такъ гошovy вишазн и ждупъ
Единаго прибышя Короля.

Я В Л Е Н І Е 5.

(Трубы: Король, окруженый всемъ дворянствомъ; са-
дящяся; потомъ входитъ Мобре вооруженный.)

К О Р О Л Ъ Р И Ч А Р Д Ъ.

Узнай причину, Маршалъ, почему
Сюда сей вишазъ прибылъ оруженъ?
Спроси объ имени, и да клянется,
Что справедливую подъемлетъ брань.

М А Р Ш А Л Ъ.

Во имя Божіе и Короля: кто ты?
И здѣсь за чѣмъ въ воинственныя доспѣхалъ?

Противъ кого пришелъ? и чюи пвой вызовъ?
 Какъ подданный, какъ рыцарь, будь правдивъ —
 И Богъ шебя и мощъ пвоя шебя спасушь! —

М О Б Р Е.

Я Томасъ Мобре, Норфолькскай я Дюкъ.
 И здѣсь спюю по долгу и присягѣ, —
 (Храни Господь, чшобъ рыцарь ихъ нарушилъ!)
 Да честь мою и доблестъ защину
 Предъ Богомъ, Государемъ и попомспвомъ
 Противу Генри, Герфордскаго Дюка;
 И Божьей милосшью, и сей рукою
 Спасусъ и докажу, чшо онъ измѣнникъ.
 Противъ меня и Короля и Бога.
 Пусшь Небомъ въ правой бинтѣ сохраниюсь!

Я В Л Е Н І Е 5.

Тъ же и Болингброкъ (также вооруженный.)

К О Р О Л Ъ Р И Ч А Р Д Ъ.

Спроси сего бойца другаго, Маршалъ:
 Кшо онъ? и почему сюда пришелъ,
 Покрышь оружіемъ? пошомъ, по силѣ
 Заколовъ панихъ, пущъ шебъ объявить,
 Счишаспъ ли свой вызовъ справедливымъ?

М А Р Ш А Л Ъ.

Кшо ты? за чъмъ спюишь предъ Королемъ
 Здѣсь въ Царскомъ попрницъ? противъ кого?
 Чшо вызовъ пвой? какъ испый рыцарь дай
 Ошвъшь—и такъ да защипишься Небомъ!

Б О Л И Н Г Б Р О К Ъ.

Я Гарри Герфордъ, Ленкесперь-Дербійскій
 Здѣсь оруженъ спюю и докажу
 И Божьей милосшью и сей рукою,

Что Томасъ Мобре Норфолькскій — изменникъ —
 И злой и пагубный прошивъ меня,
 И Короля, и Бога пресвятаго.
 Пустьъ Небомъ въ правой бинвъ сохранюсь!

М а р ш а л ь.

Смерть, если дерзко, нагло кто посмѣетъ
 Вступитъ на поприще! а развѣ Маршалъ
 И слуги Короля, копорымъ правитъ
 Сей славной бинвою поручено! —

Б о л и н г б р о к ь.

Дозволь мнѣ, Маршалъ, преклонить колѣна
 И руку Короля поцѣловать:
 И я, и Мобре двумъ мужамъ подобны
 Объявившимся въ тяжелей пуш;,
 И по сему торжественно проспиться
 Съ друзьями нашими намъ надлежитъ.

К о р о л ь Р и ч а р д ь.

Сойдемъ съ престола и его обнимемъ.
 По мѣрь, Гарри, правоты своей
 Въ семъ царственномъ сраженіи успѣй!
 Проси же, кровь моя! себя жалѣемъ,
 Но мспитъ, когда прольешься, не посмѣемъ.

Б о л и н г б р о к ь.

О! да ничьею не почувь слезой,
 Когда сражусь противничей рукой!
 Смѣль, какъ соколъ на препетную шицу,
 Такъ я паду на Мобре, на убійцу!
 Вамъ клаяюсь, Властитель мой благой;
 Вамъ, Лордъ Омерль, брашаничъ храбрый мой.
 Не слабъ, хопя и гибель предо мною, —
 Скорь, мощень, радостень готовлюсь къ бою.

Все лучшее на пиршествахъ къ концу,
 Такъ послѣ всѣхъ да обращаюсь къ опцу:
 Земной создапель моего бышья,
 Ты, чей опважный духъ, во мнѣ воскресшій,
 Сугубой силою спремить меня
 Сорвапъ себѣ побѣду на главу!
 Молпвой — крѣпоспъ моему булапу,
 Благословенъемъ, — пвердоспъ дай копыю,
 Чпобъ въ панцырь Мобре, словно въ воскъ вонзилось
 И вновь бы имя Гоппа возблпспало
 Въ сыновпихъ смѣлыхъ, радоспныхъ дѣлахъ!

Г о п т ь.

Богъ въ подвпгъ благомъ псебя храни!
 Съ перунымъ блескомъ въ быспропъ сравпсь;
 Подобно грому спрашному въ шпшакъ
 Опаснаго и яраго врага
 Дождп, ударъ ударомъ удволя.
 Дерзай и да спасенъся, опрокъ мой!

Б о л п н г б р о к ь.

Свяшпй Георгпй, правда, Богъ со мной!

М о б р е.

Чпо бъ пп послало Небо или счастье, —
 И живъ и мерпвъ, усердный Королю,
 Я честпый дворяпнпъ, прямой и вѣрный.
 Бодрѣ сердцемъ узпнкъ пикогда
 Не сбрасывалъ оковъ, не обпималъ
 Свободы неоспорпмой, злалпой.
 Какъ прядая, душа моя лпкуешъ
 И празпнкъ, бой съ злодѣемъ ппоржеспвуешъ!
 Тебѣ, Власпиппелъ, вамъ всѣмъ, брапшя Перы,
 Да даспгъ Господь блаженпыхъ дпей безъ мѣры!

Предъ битвой веселья, какъ предъ игрой:
Кто правъ въ душѣ, въ груди шого покой.

К О Р О Л Ъ Р И Ч А Р Д Ъ.

Гряди вонпель; швой Король свидѣтель:
Въ очахъ пивонхъ и мощь и добродѣтель.
Распорядися, Маршалъ; пусть начнушь!

М А Р Ш А Л Ъ.

Дюкъ Гарри Герфордъ, Ленкестеръ — Дербійскій
Прими копь: будь Небо швой покровъ!

Б О Л Н И Г Б Р О К Ъ.

Амишь! спою, какъ сполю прошивъ враговъ.

М А Р Ш А Л Ъ (чиновнику.)

Ты Дюку Норфольскому дай копь.

1 Г Е Р О Л Ъ Д Ъ.

Здѣсь Гарри Герфордъ, Ленкестеръ — Дербійскій
Предъ Божимъ, Царскимъ и своимъ судомъ
И дабы не прослыть лжецомъ и низкимъ
Гласишь: „Дюкъ Томасъ Норфольскій измѣнникъ.
Противъ меня и Короля и Бога,“
И обвиненнаго зовешь на бой. —

2 Г Е Р О Л Ъ Д Ъ.

Дюкъ Томасъ Мобре Норфольскій явился
И дабы не прослыть лжецомъ и низкимъ,
Онъ защитишь себя и всѣмъ докажешь,
Что Гарри Герфордъ, Ленкестеръ — Дербійскій
Кривишь предъ нимъ и Королемъ и Богомъ.
Онъ мужеспивень и полонъ упованья,
Споишь и ждешь лишь знака начинанья.

М А Р Ш А Л Ъ.

Трубите, трубы! выплзи, впередъ! . . .
Спой! — бросилъ жезлъ Король на мѣсто брани.

Король Ричардъ.

Пусть оба сложатъ копіе и шлемъ

И отойдутъ къ сѣдалищамъ своимъ.

Возснайте съ нами! — Трубный гласъ раздайся:

Мы волю нашу возвѣсимъ Князьямъ.

(Гремятъ трубы; потомъ Король говоритъ работорцамъ.)

Приближьтесь!

(Они подходятъ)

Вопъ, что въ своемъ совѣтѣ мы рѣшили:

Да не омочитъ Англійской земли

Драгая кровь, которою крѣпимся!

Мы ненавидимъ мерзоспный позоръ

Гражданскихъ лзвъ, роднымъ мечемъ изрыпыхъ,

И вѣдаемъ: орлекрылашый духъ

Небогромашельныхъ, надмѣнныхъ думъ

И ненависть и зависть васъ воздвигли

Вспревожитъ миръ, почившій въ нашемъ Царствѣ,

Какъ въ люлькѣ сладкодышущій младенецъ.

Но, чпобъ, испуганъ громомъ барабановъ

И рѣскимъ, яримъ ревомъ гнѣвныхъ трубъ

И грознымъ грохопомъ броней мѣдныхъ,

Страны не бросилъ онъ досель тихой—

И намъ не плавать бы въ родной крови: —

Вы оба изгнаны изъ сей земли —

Подъ смертной казньо! Герфордъ ты, доколъ

Поля не возшумяшъ десяпой жатвой,

Владѣній нашихъ красныхъ не привѣспшуй;

Но по стезямъ изгнанія блуждай.

Б о л н г б р о к ъ.

Бышь такъ. Моя опрада: свѣтъ дневной,

Живящій васъ, не смеркнешъ падо мной;

Въ чужбинѣ солнца вашего сіянье
Упѣшишь, озлапишь мое изгнанье!

К О Р О Л Ъ Р И Ч А Р Д Ъ.

Твой приговоръ тяжель, Порфолькъ; мнѣ
Противно произнесъ его: часы
Быстро пекущіе не опредѣляшь
Конца твоей безсрочной, горькой ссылки;
Тебѣ вѣщаю слово безъ надежды:
Подъ смертной казнью вѣкъ не возвратишь!

М О В Р Е.

Такъ, жребій мой не леговъ, Государь!
Изъ успѣ же Вашего Величества,
Опѣ вашихъ рукъ я ждалъ иной награды;
Что бь быль извержену въ всеобщій воздухъ —
Такой глубокой язвы я не ждалъ.
И пакъ, забышь мнѣ Англійскій языкъ,
Родной, — имъ сорокъ лѣтъ я говорилъ!
Опшишь мнѣ орудье слова будешь
Гудкомъ иль арфою безъ спиринъ; цѣвеницей
Чудесною, по запертой на ключъ,
Или же данной пѣмъ, копорыхъ руки
Не знаютъ, какъ изъ ней испоргнуть звуки.
Ты рѣчь мою въ успахъ мнѣ замочилъ
Зубовъ и губъ запворами задвинувъ;
Безплодное, безжизненно - глухое
Въ пюремщики невѣжество мнѣ далъ.
Быль школьникомъ нельзя въ мон лѣпа;
Я слишкомъ спаръ быль мамкою лелѣянъ. —
Что я, языкъ и край мой покидая?
Мой жребій что, когда не смершь пѣмая?

К О Р О Л Ъ Р И Ч А Р Д Ъ.

Тебѣ не въ пользу наше умиленье.
По приговоръ поздно сожалѣнье.

М О Б Р Е.

Такъ обмѣняль мнѣ мой родимый свѣтъ —
На шьму глухую: ей разсвѣта нѣтъ!

К О Р О Л Ъ Р и ч а р д ъ.

Поспѣйте и съ собою обѣтъ возьмите,
Взложивъ на мечъ нашъ изгнанную длань,
Всѣмъ, чѣмъ должны, вы Небу, пѣтъ кляннитесь:
(Чѣмъ намъ должны, по изгоняемъ съ вами)
Храниль обѣтъ, кошорый вамъ предложимъ.
»Пусть правда и пусть Небо васъ покинутъ,
»Когда возлюбите другъ друга въ ссылкѣ,
»Раскаясь, спишетесь, смирише бурю
»Неваспной злобы вашей, здѣсь рожденной —
»И, согласясь, гдѣ встрѣшитесь для кова
»Крамоль и замысловъ и козней, вредныхъ
»Намъ, нашимъ подданнымъ и сей землѣ,,

Б О Л И Н Г Б Р О К Ъ.

Клянусь.

М О Б Р Е.

И я клянусь, и соблюду.

Б О Л И Н Г Б Р О К Ъ.

Тебѣ едино слово, врагъ мой, Норфолькъ:
Когда бь Король дозволилъ, ужь понынѣ
Одна изъ нашихъ думъ изшла бы въ воздухъ,
Изгнанная изъ плѣна нашей плоти,
Какъ наша плоть исперъ отсель изгнанна;
Да исповѣдуешь свою измѣну,
Пока опчизны не покинуль: пы ль возмешь
Въ пунь долгій тяжкѣй грузъ души виновной?

М О Б Р Е.

Нѣтъ, Болингброкъ: когда измѣнникъ я,
Пусть исчеркнушь изъ книги живопа!

Изъ неба изженусь, какъ днесь опселя!
 Кпо жъ пы, — мы знаемъ: Небо, пы и л;
 И Государь, спрашусь, узнаеть скоро.
 Монархъ, проспи: въ опчизну заперпъ пупъ;
 Моимъ пупсмъ весь мръ опшыць будъ.
[Уходитъ.]

Я В Л Е Н І Е 6.

Тъ же бсзъ Мобре.

К о р о л ь Р и ч а р д ь.

Мпъ, дял, видпъ въ зеркаль очей пвоихъ
 Твой сънующій духъ: пвой зракъ прискорбный
 Четыре года съ лъпъ его изгнанья
 Сорвалъ: опъ вновь чрезъ шестъ морозныхъ зимъ,
 Привъсппвовавъ, придетъ къ друзьямъ своимъ.

Б о л и н г е р о к ь.

Сколь долгій срокъ въ одномъ словцъ Монаршемъ!
 Сказалъ — и чешырехъ и зимъ и лъпъ
 Съ ихъ роскошью и съ пхъ уныньемъ - нъпъ!

Г о н т ь.

Благодарю я Короля: жалъя
 Меня, онъ ссылку сына сокращилъ.
 Но мало мпъ прибудеть опъ пого:
 Пройдупъ луны шестп тяжелыхъ лъпъ,
 Но ужъ погда бсзъ жизненнаго масла
 Мракъ безконечный погленилъ мой свъпъ,
 Моя лампада скудная погасла:
 Почпи ужъ догорълъ свъпильникъ мой,
 Я съ сыномъ смерпью разлучусь слъпой.

К о р о л ь Р и ч а р д ь.

Что жъ? пы еще и долго можешь жипъ.

Г о н т ь.

Не можешь мпъ ни мига приложипъ:
 Такъ, сокращипъ мои дни горемъ можешь;

Но ихъ единымъ упромъ не умножишь.
 Легко мою удвоишь сѣдину,
 Но снимешь ли морщину хопъ одну?
 Убишь довольно одного вѣщанья;
 Но царство дай—не возвратишь дыханья.

К О Р О Л Ъ Р И Ч А Р Д Ъ .

Твой сынъ по доброму совѣту изгнанъ,
 Въ копоромъ самъ ты голосъ подавалъ:
 За что жъ на справедливый судъ нападки?

Г О Н Т Ъ .

Подъ сердцемъ киснепъ плодъ въ горшани сладкій.
 Судью ты вопрошалъ: но для чего
 Во мнѣ не спросилъ отца его?
 Будь онъ чужой, не мною бы родился,
 Къ нему бы милосердымъ я явился.
 Увы! надѣялся я отъ друзей
 Борьбы съ упорной спрегоспью моей:
 Но кшожь возспалъ пропину рѣчи гнѣвной?
 Я взяшь былъ долженъ жребій мой плачевной
 И, возымѣвъ приспраспие, въ позоръ
 Самъ произнесъ мой смершнй приговоръ.

К О Р О Л Ъ Р И Ч А Р Д Ъ .

Прощай, братаничъ? — Ты жъ скажи ему:
 Онъ изгнанъ на шесть лѣтъ; быпъ по сему!

(Уходитъ съ Дворомъ.)

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

31) *Уидина*, волшебная повѣсть соч. де-ла-Мопшъ-Фукс; перевелъ съ Нѣмецкаго Ал. Влигде. С. П. Б. 1851 года. Въ Типографіи Департамента Народнаго Просвѣщенія. — Баронъ и Баронеса де-ла-Мопшъ-Фукс давно извѣстны въ Нѣмецкой Литературѣ: сочиненія ихъ облечены большою чистотою, въ идеальныя, часто мистическія формы. — *Уидина* считается одною изъ лучшихъ повѣстей этой авторской чепы, [„мужъ и жена—одна сапана!“ говоритъ Русская пословица], и переводъ сей повѣсти вполне достоинъ оригинала: слогу вездѣ чистъ и ясенъ. Рекомендуемъ эту книжку нашимъ читателямъ: она часть, или два, пріятно займешь ихъ.

С М Ъ С Ъ.

Нѣсколько замѣчаній о сходствѣ Грузинскихъ и Русскихъ словъ.

Сколь ни далекъ по видимому опъ Русскаго языка языкъ Грузинскій, принадлежащій къ древнѣйшимъ воспомытымъ языкамъ Азіатскихъ народовъ; но при внимательномъ разсмотрѣніи многихъ словъ онаго, разность сія исчезаетъ, и представляется близкое отношеніе Грузинскаго языка къ языку нашихъ предковъ, убѣждающее въ непреложной истинѣ, что *есть древ-*

нѣ языки иногда сливались въ одинъ первобытный—
копораго испочинкомъ было наблюдение природы.

Приведемъ въ примѣръ нѣсколько названій на Грузинскомъ языкѣ и на Русскомъ. (*)

По Грузински.

По Русски.

Галга.

Галка.

Гугули.

Кукушка.

Гуриты.

Горлица.

Каккаги.

Сорока.

Какади.

Куропатка.

Чивчиви.

Воробей.

Бульбули.

Соловей.

Мерцхали.

Ласточка.

Церо.

Журавль.

Бу.

Сова.

Бакали.

Лягушка.

Катъ.

Кошка.

Моріели.

Скорпионъ.

Кокколи.

Орѣхи.

Цвар.

Овца.

Оузроги.

Корова.

Изъ соображенія сихъ словъ очевидно, что нѣкопорыя слова почти одни и тѣ же на Русскомъ и на Грузинскомъ, на примѣръ: *галга* и *галка*, *катъ* и *котъ*, другія же слова хотя различны по звуку, по при разсмотрѣніи оныхъ, значеніе ихъ становится вразуми-

(*) Снисокъ Грузинскихъ словъ полученъ мною отъ Его Превосходнн. Петра Григорьевича Бупкова, прасвященнаго любнтеля и изыскателя древностей.

пельнымъ.—Грузинецъ называетъ сороку *Каткаги*. Известно что сія пшичка, не только ходитъ, сколько *скачетъ*, а *каткаги* весьма близко къ слову *перескочить* и выражаетъ смыслъ: *скакунья*. Также какъ *Мерицали* даетъ смыслъ о *мерцании* или *мелькании* быстро летящей ласточки. На Русскомъ же можетъ быть сіе слово произошло отъ соединенія попаяннй *Ласы* или *Полосы*, и *стремленія* или *тетка*; *быспротегный* значить по же самое: что *стреляющійся быстро*. Следовательно *ласточка* даетъ мысль о *стрельеніи полосою* и въ сокращеніи могло произвестъ слово *ласточка*. Мы говоримъ *сова*, Грузинецъ ее называетъ *бу*—но говоря о крикѣ совы—мы говоримъ: *укастъ, укнула*—Нѣмецъ называетъ филина *у-гу*, и въ семъ словѣ отзывается Грузинское *бу*. Мы говоримъ воробей *чиликастъ*, Грузинецъ превратилъ *чиликастѣ* въ *чивкастѣ* и называетъ воробья: *чивгави*. Мы говоримъ о лягушкѣ *квакаетъ*, Грузинецъ называетъ лягушку *бакали*; Грузинское слово *моріели* близко къ Русскому слову *морить* и выражаетъ опасность отъ ядовитаго скорпіона. Мы говоримъ *щолкать орѣхи* и *кокнуть лицо*. Звукъ *щолкъ* и *кокъ* означаютъ дѣйствіе *раскалыванья*, разбиенія. Грузинецъ называетъ орѣхи *коколи*. Мы называемъ *горлицей* ту пшичку, которую Грузинецъ называетъ *гуриты*, *гор* и *гур* показываетъ сродство слова; Русской замѣнилъ въ крикѣ кукушки *куку*, Грузинецъ *гугу* и называетъ ее *гугули*. Имя *ца* есть переставленный звукъ *в а и*

Грузинское *цвар* означать *овцу*. Мы говоримъ о коровѣ *рогатая*, а Грузинецъ называетъ корову *оузроги*. Хотя сии слова не такъ сходны, какъ *галла* и *галга*, *катъ* и *котъ*, но для показанія среденна Русскихъ и Грузинскихъ словъ, положимъ, что кто нибудь написалъ бы въ спихахъ:

И съ возвратившейся весною
Чивгавятъ пшички на лугахъ.

Вонъ пшичка въспинца ненастья
Кружась *мерцаеть* надъ водой.

Подъ зеленою молодыхъ въшвей
Гугулитъ ранняя кукушка.

Выраженіе *гугулитъ* и *чивгавятъ* необыкновенно — но будетъ понятно, и въ *мерцаеть* можно узнать Грузинскую *мерцхали*. Впрочемъ, Русской языкъ, столь обилень, что не имѣеть нужды обогащаться иностранными словами. Мы можемъ найсти источникъ ихъ въ собственномъ нашемъ языкѣ, и пользоваться съ разборчивостію своимъ богатствомъ, почерпая отъ сокровища опечесивеннаго и не усвоиваа чужеземной примѣси.

Ф.

Н О В О С Т И.

Знаменитая Нѣмецкая Актрисса Г-жа *Бауеръ*, прибыла уже въ С. Петербургъ.—Съ открытіемъ спектаклей послѣ поста, она явилась на здѣшней сценѣ.

Неизпощимый Скрибъ опять спустилъ новый водевилъ: »Le budget d'un jeune ménage,« — но въ этотъ разъ онъ съѣлъ на мель.

Во время блестящаго бала, который давали недавно, въ пользу сиротъ, въ Парижѣ, и который удостоинъ своимъ присутствіемъ Дофинъ, полъ танцевальной залы опустился въ нижій этажъ; никому однакоже изъ гостей не причинило это ни малѣйшаго вреда.

Въ первыхъ числахъ прошедшаго Марта чувствуемо было сильное землетрясеніе: въ Дувръ, Марганъ, Рамсганъ и Деалъ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е №. XXXI.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза:* Маіоратъ. Повесть. *Стихотворенія:* Отрывокъ изъ Шекспировой трагедіи: жизнь и смерть Ричарда II, Короля Англійскаго. БИБ-ЛЮГРАФІЯ. Ундина волшебная повесть. СМѢСЬ. Нѣсколь-замѣчаній о сходствѣ Грузинскихъ и Русскихъ словъ. НОВОСТИ.

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдельнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 10 Апрѣля 1831 года.

Ценсоръ П. Гасвскій.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

М А І О Р А Т Ъ.

П о в ѣ с т ь .

(Продолженіе.)

Въ осеннюю ночь 176— года ужасный перескъ, какъ бы разваливается весь замокъ, пробудилъ сонныхъ служителей Россипена. Они вскочили, и поспѣшно зажгли свѣчи; вошь прибѣжалъ управишель, съ поблѣднѣвшимъ отъ страха лицомъ,—и всѣ, въ глубокомъ молчаніи, среди коего спрашно раздавались шаги ихъ, ошправились въ парадныя комнаты замка.—Удивленіе служителей возраспало болѣе и болѣе, когда нигдѣ не замѣчали они ни малѣйшаго поврежденія; мрачное предчувствіе тяготило управишеля. Онъ вошелъ въ большую рыцарскую залу, подлѣ которой была спальня Барона Родериха; другая дверь изъ залы вела въ астрономическую башню. Лишь только Даніэль (шакъ звали управишеля) отворилъ эту дверь, то бушевав-

шая буря, погасила свѣчу, которую держалъ онъ въ рукѣ, и встрѣшила его щебнями и мусоромъ.—„Боже мой!“ вскричалъ Даніэль, отскочивъ назадъ съ ужасомъ, и роняя свѣчу; „башня провалилась!“ Барона Родериха нашли въ его спальнѣ; въ пышной одеждѣ, съ спокойнымъ величіемъ на лицѣ, сидѣлъ онъ въ богато-украшенныхъ креслахъ, какъ бы отдыхая послѣ обыкновенныхъ трудовъ;—но онъ былъ мерзавъ! . . . Когда разсвѣло, то увидѣли, что башня дѣйствительно провалилась: нельзя было сдѣлать ни шага за дверь залы, чтобы не упасъ въ глубокую бездну...

Старый Баронъ, вѣроятно, предвидѣлъ свою смерть и извѣстилъ о ней сыновей своихъ. Баронъ Вольфгангъ старшій сынъ и попому Майорантнй владѣлецъ пріѣхалъ на другой день. Управитель велѣлъ обить залу чернымъ сукномъ, и шѣло покойнаго Барона, въ той самой одеждѣ, въ которой нашли его, было выспавлено на богатомъ кашафалкѣ. Вольфгангъ подошелъ къ нему: „бѣдный, обману-тый старецъ!“ сказалъ онъ, не уже ли созвѣдїя, за печеніемъ коихъ наблюдалъ ты,—наущали тебя успроевать гибель своему сыну? . . . но, нѣтъ! ни одной искры моего земнаго блаженства, которое желалъ ты разрушить, ты не похитишь у меня! . . . Съ этими словами, Вольфгангъ вынулъ изъ кармана какую-то сложенную бумагу и поднесъ ее къ

свѣтъ;—бумага запылала яркимъ пламенемъ, и когда блуждающій свѣтъ онаго озарилъ лице покойника, по казалось, будто шевелились уста его, онъ, какъ бы, являлся въ грозномъ оживленіи; всѣ служители были поражены тайнымъ ужасомъ!

На другой день управитель, извѣстивъ Барона о разрушеніи башни и описавъ опасность, которая чрезъ то угрожала цѣлоспи замка, кончилъ тѣмъ, что ее надобно выстроить снова. Выстроить башню! вскричалъ Баронъ съ гнѣвомъ, нѣтъ, никогда! башня не могла провалиться сама собою! вѣроятно, мой опецъ хопѣлъ, чтобы съ его смертію разрушилось и гнѣздо его нелѣпыхъ астрологическихъ занятій! . Но какое мнѣ до того дѣло! . Это жилище совѣ никогда не будетъ моимъ жилищемъ! . . Я хвалю умнаго предка нашей фамиліи, заложившаго новый замокъ въ той прекрасной долинь,—и послѣдую его примѣру! „По этому, сказалъ Даніэль въ полголоса: старые, вѣрные слуги вашего родителя должны будущъ взяться за суму и посохъ? . Разумѣется, что для моей услуги не нужны полумертвые старики; отвѣчалъ Баронъ;—но я не сгоню ихъ со двора. Пусть живутъ въ замкѣ и ѣдятъ хлѣбъ моей милостины. Стало бытъ и меня въ отсѣвку? спросилъ управитель . . . Баронъ съ пламенною опъ гнѣва взоромъ и сжатымъ ку-

лакомъ, бросился къ Даніэлю и закричалъ грознымъ голосомъ: тебя, изверга, который всегда подспрекалъ отца моего прошивъ меня, тебя я долженъ бы выгнать, какъ собаку! увраившесь упалъ передъ нимъ на колѣна, но Баронъ оттолкнулъ его ногою, и онъ, скрежеща отъ ярости зубами, удалился изъ залы. Послѣ похоронъ Баронъ пригласилъ къ себѣ душеприкащика отца своего Юстиціаріуса В*, и занялся съ нимъ счетомъ. В* полагае, что старый Баронъ не могъ издерживать всѣхъ доходовъ, и что такъ какъ до сѣхъ поръ найденъ въ желѣзномъ ящикѣ только незначительный капиталъ, проспиравшійся до 1000 палеровъ, то должно думать, что большія суммы были гдѣ нибудь спрятаны. Кому знать о томъ, кромѣ Даніэля! Баронъ опасался, что оскорбленный имъ управитель не откроетъ ему этой тайны. Онъ разсказалъ Юстиціаріусу все происшествіе, присовокупивъ къ тому, что ему извѣстно изъ вѣрныхъ источниковъ, какъ старый Даніэль старался всегда вооружать отца прошивъ дѣшей! . . . Но Юстиціаріусъ увѣрилъ Вольганга въ неосновательности этихъ слуховъ: своенравіе покойнаго Барона было столь велико, что ни одинъ человекъ въ мірѣ не могъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на его волю;—впрочемъ В* обѣщавъ вывѣдать у Даніэля тайну о спрятанныхъ деньгахъ. Но

такое обѣщаніе было вовсе излишне: лишь только Юстиціаріусъ сказалъ управителю: „послушай, любезный Даніэль, опть чего послѣ спараго Барона оспалось пакъ мало денегъ? какъ управитель прервавъ его, вскричалъ: вы, Г. Юстиціаріусъ, говорите, вѣрояшно, о бездѣлицѣ, найденной въ желѣзномъ ящикѣ? но Баронскія деньги хранятся въ подземельѣ возлѣ спальни; самое же лучшее, продолжалъ онъ съ опвратительнымъ смѣхомъ, самое лучшее сокровище, на нѣсколько тысячъ червонцевъ, погребено въ развалинахъ башни! . . . Юстиціаріусъ позвалъ Барона; они пошли въ спальню; Даніэль отворилъ пощаенную дверь, чрезъ которую вошли они въ небольшое подземелье, гдѣ споялъ огромный сундукъ . . . Въ то самое время, какъ Вольфгангъ пожиралъ его глазами, Даніэль съ шайною яростью сказалъ ему: „Г. Баронъ! если я собака, то храню въ сердцѣ моемъ и вѣрность собаки!“ шупъ онъ открылъ сундукъ, въ которомъ лежали мѣшки съ деньгами, при слѣдующей запискѣ: „100,000 шалеровъ на „поспройку зámка; сверхъ того, Маіорашный „владѣлецъ долженъ выспроинить маякъ на мѣ- „спѣ старой башни, которую онъ найдетъ „развалившеюся. *Росситень, 176 — Родерихъ „Б. Ф. Р.*“

Баронъ взявъ мѣшки, восхищался звономъ драгоценнаго мешалла; попомъ оборотясь къ

управителю, благодариль его за оказанную вѣрность и увѣрялъ, что лишь пустыя сплетни заславили его обойтись съ нимъ дурно; — шеперь же, не только въ замкѣ, но даже управителемъ и съ двойнымъ при помѣ жалованьемъ долженъ былъ Даніэль оспашься.“
 Хочешь золопа, пакъ возьми одинъ изъ эшихъ мѣшковъ: говорилъ Баронъ. Лице Даніэля побагровѣло, и съ взоромъ, въ которомъ ясно выражалась пайная злоба, пробормоталъ онъ что-то сквозь зубы. Юстиціаріусъ зашрепещалъ: ему послышалось, будто управитель произнесъ слова: „крови, а не золопа!“ Баронъ, занятый новыми сокровищами, не слыхалъ ничего; коварный Даніэль, робко подошедъ къ нему, спалъ на колѣна и сказалъ: „любезный господинъ мой! на что спарикую золопо? съ меня довольно вашего жалованья, я радъ, что могу продолжатъ мою службу!“

„Хорошо, хорошо, сказалъ Баронъ, запирая сундукъ и выходя изъ подземелья; но пы говорилъ еще о нѣсколькихъ тысячахъ червонцевъ, которые должны лежатъ въ развалинахъ башни? Спарикъ подошелъ къ двери, съ трудомъ опперъ ее; но, лишь только оптеорилъ, какъ вихрь нанесъ снѣгу, черный воронъ съ крикомъ влетѣлъ въ комнату, билъ крыльями по окнамъ, и попомъ найдя дверь, снова низвергся въ пропасть. Баронъ подошелъ къ двери, но едва успѣлъ бросить

взглядъ въ глубину, но съ препеномъ оп-
 скочилъ назадъ: „ужасно! вскричалъ онъ: у
 меня кружится голова! и упалъ почти безъ
 чувствъ въ объятія Юстиціаріуса. Но онъ
 скоро собрался съ силами, и спросилъ упра-
 вишеля: что же тамъ, внизу? . . Старикъ
 между тѣмъ заперъ дверь; „да, сказалъ онъ;“
 внизу лежатъ всѣ прекрасныя вещи и ин-
 струменты покойнаго Барона: телескопы,
 квадрансы, глобусы, ночныя зеркала—все, все
 завалено бревнами и камнями.—„А деньги!
 деньги! вскричалъ Баронъ: ты говорилъ, что
 нупъ погребено нѣсколько тысячъ червон-
 цевъ!“—Да, отвѣчалъ старикъ, вещи, кото-
 рыя спостили нѣсколькихъ тысячъ червон-
 цевъ! больше опъ него нельзя было ничего
 вывѣдать.

Баронъ былъ въ восторгѣ опъ того, что
 имѣлъ средства привести въ дѣйствіе свой
 любимый планъ и выстроитъ новый велико-
 лѣпный замокъ. Юстиціаріусъ замѣтилъ, что
 въ завѣщаніи вѣроятно было говорено толь-
 ко о починкѣ и достройкѣ стараго, и что,
 новое зданіе не будетъ уже имѣть величія и
 изящества архитектуры среднихъ вѣковъ;
 но Баронъ оспался при своемъ намѣреніи,
 прибавляя, что онъ считаетъ себя обяза-
 нымъ сдѣлать все, дабы приличнымъ обра-
 зомъ принять свою супругу, которую ожи-
 далъ къ себѣ въ скоромъ времени.

Эти слова тѣмъ болѣе удивили Юстиціаріуса, что онъ никогда не слыхалъ о женишьбѣ Барона: В* полагалъ, что одна только любовь къ своей супругѣ возбудила въ Вольфгангѣ сребролюбіе, до такой степени, что ушопая въ богатствѣ, онъ сказалъ однажды, съ недовольнымъ видомъ, Юстиціаріусу: „мнѣ кажется, что эпопѣ старый чертъ ушопилъ опѣ насъ много сокровищъ; но будущеею весною я велю при себѣ разобрать обломки башни!“

Между тѣмъ спокойствіе въ Россипенѣ было встревожено прибытіемъ человѣка, пріѣздъ коего долженствоваль бы, казалось, произвести прошивное дѣйствіе. Эпопѣ человекъ былъ Губертъ, меньшей бранѣ Вольфганга; бранѣ послѣ перваго свиданія въ кабинетѣ, гдѣ они оставались наединѣ довольно долго, вышли въ залу, съ разгорѣвшимися лицами. Вольфгангъ взялъ Юстиціаріуса за руку и, опведя его въ свою комнату, сказалъ: бранѣ мой завидуетъ мнѣ въ богатствѣ, котораго ему, вѣрно бы не надолго спало. Онъ ужасный мотъ, и пребууетъ теперь, чтобъ я заплашилъ за него долги, слишкомъ превышающіе все его имущество! . — „И вы отказываете?“ спросилъ Юстиціаріусъ. Да, я отказываю. Но послушайте: я отказываюсь и опѣ моего права на половину нашего имѣнія въ Курляндіи; оно значитель-

но; но я отказываюсь въ пользу жены и дѣшей Губерта, которые вѣчно шерстьи бы нужду, еслибъ дашь волю распочинемо! . . Онъ не доволенъ и эшимъ! . . Ему пужны деньги, деньги на моповспиво!

Губертъ, между шѣмъ, къ величайшей досадѣ своего брата, расположился въ замкѣ какъ будто на долгое житье. Онъ часто разговаривалъ наединѣ съ управителемъ; даже часто видали его съ нимъ вмѣстѣ на охонѣ. Вдругъ въ одинъ день вошелъ онъ въ компану Юспициаріуса, объявилъ ему, что соглашаешся на предложеніе своего брата, и проситъ шолько выдашь ему въ шопѣ же вечеръ 1000 талеровъ на дорогу, пошому что онъ намѣренъ въ ночь уѣхать верхомъ и одинъ. Баронъ съ радостію исполнилъ эту просьбу, велѣлъ выдашь деньги, и былъ за ужиномъ веселѣе, нежели когда нибудь, видя, что ненавистный братъ не пришелъ къ столу подъ предлогомъ приготоовленій къ скорому отъѣзду.

В* жилъ въ уединенной комнаткѣ, окна коей были обращены на дворъ. Ночью проснулся онъ внезапно: ему показалось, что опдаленный, жалостный крикъ пробудилъ его... Но сколько онъ ни прислушивался, все было тихо и спокойно . . . Онъ почелъ это за обманъ чувствъ. Не смотря на шо, какой-то невольный ужасъ до шого овладѣлъ Юспициа-

ріусомъ, что онъ не могъ болѣе заснуть. Онъ вспалъ съ постели и подошелъ къ окну. Черезъ нѣсколько минушъ, вдругъ оповоряющія ворота замка, и кно-то съ фанаремъ въ рукѣ, несешся черезъ дворъ. В* узнаешъ Даніэля: онъ выводилъ изъ конюшни осѣдланную лошадь; сквозь густой туманъ, Юстиціаріусъ видилъ другаго человѣка, въ шубѣ и подвязной шапкѣ. Это былъ Губертъ, кошорый нѣсколько минушъ горячо разговаривалъ съ управителемъ, и попомъ удалился въ комнаты. Даніэль опшелъ лошадь опянь въ конюшню, заперъ ее, и, пройдя дворъ, скрылся въ ворота. Было ясно, что Губертъ хотѣлъ ѣхать, но перемѣнилъ свое намѣреніе; ясно было также и то, что онъ имѣлъ какія-то сношенія съ управителемъ! . . . В* нетерпѣливо ожидалъ упра, чтобы извѣстили Барона о всемъ имъ видѣнномъ.

На другой день, въ шопъ часъ, когда Баронъ обыкновенно вспавалъ, В* услышалъ бѣготню по лѣспницамъ, хлопанье дверей и п. п. Онъ вышелъ изъ своей комнаты, желая узнать причину сего смяшенія, и узналъ, что Барона ищущъ и не находящъ по всему замку. Егеръ уложилъ его съ вечера спать; вѣроятно, онъ вспалъ ночью, вышелъ куда нибудь въ шлафрокъ, туфляхъ и со свѣчею въ рукѣ; заключали такъ попому, что именно энихъ вещей не доставало въ спальнѣ.

В*, мучимый мрачнымъ предчувствіемъ, побѣжалъ въ роковую залу, близъ коей находилась спальня Вольфганга Дверь къ развалинамъ башни была опворена, и Юспиціаріусъ невольно вскрикнулъ: вѣрно Баронъ лежитъ въ пропасти! Такъ было дѣйствительно: изъ груды камней, покрытыхъ выпавшимъ въ ночь снѣгомъ, высовывалась окостенѣлая рука Вольфганга, въ смертныхъ судорогахъ списнувшая серебряный подсвѣчникъ. Съ трудомъ достали тѣло несчастливца, разбившагося о востроконечные камни.

Разстроенный, блѣдный—вбѣжалъ Губертъ въ залу, гдѣ тѣло покойнаго было выставлено на томъ самомъ мѣстѣ, на копоромъ за нѣсколько недѣль предъ тѣмъ лежали останки спараго Родериха. Пораженный эпимъ зрѣлищемъ вскричалъ онъ: брагъ! бѣдный брагъ! нѣтъ! не я изпросилъ сіе у дьяволовъ, бывшихъ со мною! . . . Такія чудныя слова привели въ трепетъ Юспиціаріуса: ужь не убійцу ли Вольфганга видѣлъ онъ въ Губертѣ? . . . „Признаюсь,“ сказалъ сей послѣдній, въ чрезвычайномъ душевномъ волненіи, упавши въ кресла: „я желалъ смерти брата, — ужасное желаніе мое исполнилось. Теперь я Маіорантій владѣлецъ! но сердце мое разперзано на вѣки: я никогда не буду счастливъ! Я не могу здѣсь долѣе оставаться, и дѣлаю васъ моимъ уполномоченнымъ! Губертъ въ шестъ же день уѣхалъ въ Кенигсбергъ.

Полагали, что несчастный Вольфгангъ вставши ночью, хотѣлъ пройти въ библіотеку, вѣроятно, заспавшись, ошибся дверью и упалъ. Но такое предположеніе было нѣсколько не правдоподобно: если Баронъ не могъ уснуть и шель въ библіотеку, чѣобы занялся чтеніемъ, такъ спало бышь онъ не застался; въ противномъ случаѣ мудроно было ему ошибиться дверью; тѣмъ болѣе, что дверь къ башнѣ была всегда заперта и отворялась съ трудомъ. „Ахъ, почтеннѣйшій Юстиціаріусъ!“ сказалъ Францъ: не такъ случилось эпа бѣда! Какъ же? спросилъ В*, честный Францъ, который гшовъ былъ слѣдовашъ за своимъ господиномъ и въ гробъ, не хотѣлъ однако же объясниться передъ служителями, и объявилъ В*, когда они остались наединѣ, что Баронъ нѣсколько разъ говаривалъ ему о сокровищахъ, погребенныхъ подъ развалинами, что онъ часно, какъ бы побуждаемый злымъ духомъ, отворялъ ночью дверь къ башнѣ и уснаремлялъ въ глубину жадные взоры къ мнимымъ сокровищамъ. Весьма вѣроятно, что и въ ту роковую ночь онъ подошелъ къ дверямъ, что у него закружилась голова, или поскользнулась нога, и онъ упалъ и разшибся Даніэль, огорченный, по видимому, болѣе прочихъ, смертною господинна, совѣшовалъ задѣлать эту несчастную дверь, что и было исполнено.

(Окончаніе въ слѣдующемъ No.)

КАЗАНОВА У ГАЛЛЕРА. (*)

Я пришелъ къ Галлеру съ рекомендапельнымъ письмомъ. Онъ былъ челѣвкъ высокаго роста—вершковъ шеспи, съ прекраснымъ, выразипельнымъ лицемъ. Чѣмъ полько можеть угостить госпепрїемсво, все было мнѣ предложено симъ великимъ ученымъ. Когда я обращался къ нему съ вопросами, онъ открывалъ мнѣ сокровищницу своихъ знавїй и говорилъ съ изумляющею опредѣлипельносною; но пакимъ скромнымъ образомъ, что челѣвкъ моихъ попяшїй, легко могло показаться эпо даже излишнимъ. Въ чемъ былъ мнѣ урокъ, по имѣло видъ, какъ будпо его самага поучало. Когда же онъ меня спрашивалъ о предметахъ ученыхъ, по въ самомъ вопросе уже были намѣтки, долженсвовавшїе облегчить мнѣ отвѣтъ.

Галлеръ былъ великїй физїологъ, врачъ и анапомикъ. Подобно Морганни (Morgagni), котораго называлъ онъ своимъ учипелемъ, открылъ и онъ много новаго въ дѣйствиующихъ силахъ природы. Онъ показывалъ мнѣ много

(*) Казанова челѣвкъ достопримѣчательный по весьма многимъ отношенїямъ. Какъ сочинитель извѣстнѣе онъ въ Италїи, Францїи и Германїи нѣкоторыми важными произведенїями, и между прочимъ переводомъ на Итальянскїй языкъ Гомеровой Илїады, рїемованными октавами. Онъ путешествовалъ около двадцати лѣтъ. Манускриптъ записокъ его подъ заглавїемъ: *Memoires de I. I. Casanova de Seingalt, contenant ses voyages et ses aventures galantes et politiques en Italie, France, Espagne, Angleterre, Russie, Pologne et Allemagne*, въ Нѣмецкомъ переводѣ напечатанъ 1823 года, хотя и не полный.

писемъ отъ Морганьи и нѣсколько отъ Понтеведры (Pontevetra). Послѣдній былъ Профессоромъ въ томъ же самомъ Университетѣ; часть его Бошаника. Галлеръ занимался и' эпною наукою. Въ разговорѣ о сихъ опличныхъ мужахъ, копорыхъ ученіемъ я пользовался, жаловался онъ слегка на Понтеведру. Письма его причиняли ему много труда, опчаспи неразборчивымъ почеркомъ, опчаспи же очень темною лапыною, какою онъ всегда писалъ.

Въ это время пришло къ Галлеру отъ одного изъ членовъ Берлинской Академіи извѣстіе, что Король Прусскій, по полученіи письма его, оставилъ свое намѣреніе вывеспи изъ употребленія Латинскій языкъ. Государь, копорому бы удалось, такъ изъяснялся Галлеръ въ своемъ письмѣ, изгнать изъ республики ученыхъ языкъ Цицерона и Горація, соорудилъ бы собственному невѣжеству безсмертнй памятникъ. Если ученые должны имѣть общій языкъ, чтобъ сообщать другъ другу свои открытія, то изъ всѣхъ мертвыхъ языковъ, Латинскій безъ сомнѣнія наиболѣе къ тому удобенъ, потому что владычество Греческаго и Арабскаго уже миновалось.

Галлеръ былъ и великій Лирической стихопворецъ, и вмѣстѣ опличный Государспвенный человекъ; въ семъ послѣднемъ качествѣ доставилъ онъ много пользы своему опече-

спву. Онъ опличался рѣдкою чѣстоюю нравовъ. Лучшее средство давать другимъ уроки — сказалъ онъ мнѣ — своимъ примѣромъ. Спюль доброму гражданину надлежало бышь и хорошимъ опцемъ семейства: такимъ я нашель его. Потерявъ первую жену свою, онъ женился въ другой разъ. Лице нынѣшней его супруги выказываспъ умъ ея. Дочь ихъ, осмѣнацапилѣшняя дѣвушка, привлекапельной наружности. За споломъ, она не принимала участвія въ разговорѣ, а опносилась иногда тихимъ голосомъ и нѣсколькими словами къ сидѣвшему подлѣ нея молодому человѣку. Послѣ спюла, наединѣ съ моимъ хозяиномъ, спросиль я его, кпо таковъ эпюшь молодой человѣкъ и узналь, что это ея учитель. Такой учитель и такая ученица, сказалъ я, едва ли могушь избѣжашъ взаимной склонности. Пусть ихъ, если по небу угодно — получилъ я въ опвѣсть. Это сказано было довольно по Сократовски, такъ что мнѣ спючасъ пришла на умъ безразсудная поспѣшность моего заключенія. Чтобы начашъ о другомъ, открываю одну часть сочиненій Галлера и читаю: *utrum memoria post mortem, dubito* (*). И такъ вы не считаеше воспоминанія существенною частью души? сказалъ я, и принудиль чрезъ по мудреца къ условному объясненію, попому, что онъ имѣль причины не подашь свѣспу

(*) Есть ли воспоминаніе по смерти, сомпваюсь.

ни малѣйшаго сомнѣнія въ своемъ правовѣрїи. Еще за столомъ спрашивалъ я, часто ли посѣщаетъ его Вольпертъ; съ улыбкою отвѣчалъ онъ стихами поэта: *Vetabo qui Cereris sacrum vulgavit arcanum, sub üsdem sit trabibus* (*). Съ тѣхъ поръ во весь прїидня, которые пробылъ у него, не заводилъ я рѣчи о религїи. Однако когда признался ему, что радуюсь скорому свиданїю и знакомству съ Вольперомъ, онъ отвѣчалъ безъ малѣйшей досады, что ^и Вольпертъ такой человекъ, котораго знакомства искашь имѣю я полную причину; только прибавилъ онъ—многіе находятъ, что вопреки законамъ физики, издали кажется онъ гораздо больше, нежели каковъ вблизи.

Столъ Галлера былъ очень изобилентъ; но самъ онъ наблюдалъ строго умѣренность. Единственный напитокъ его вода, только послѣ обѣда выпивалъ онъ маленькую рюмку ликера, разведеннаго въ стаканѣ воды. Много рассказывалъ онъ мнѣ о Бюргаве, котораго былъ любимымъ ученикомъ. Онъ почиталъ его первѣйшимъ врачомъ по Гиппократу, а какъ хирурга, спавилъ выше и его, и всѣхъ, которые жили послѣ. Это побудило меня спросить, отъ чего Бюргаве имѣлъ самъ столъ крапкїй вѣкъ. *Quia contra vim mortis*

(*) Кто огласилъ Цереры священный таинства, съ тѣмъ не хочу я жить подъ одною кровлею.

nullum est medicamen in hortis (*), было мнѣ въ опившѣ: Галлеръ, самъ, если бѣ не имѣлъ врожденнаго таланта врачеванія, сдѣлался бы жертвою своей ядовитой раны, кошорой ни одинъ врачъ не могъ вылечить.

Г-жа, сказалъ я, утверждаетъ, что вы обладаете камнемъ премудрости.

„Свѣтъ говоритъ это—опивчалъ онъ — но я самъ сомнѣваюсь.“

Развѣ починаете невозможнымъ пріобрѣсти его? продолжалъ я.

„Гридцать лѣтъ, возразилъ онъ, шржусь я надъ тѣмъ, чшобъ усмотрѣти невозможность того; но до сего опкрѣпѣя и подавно не могъ добраться. Не лзя быти химикомъ, не вѣря физической возможности шворенія.“

Разставаясь, пошребовалъ онъ, чшобъ я написалъ къ нему, какихъ буду мыслей о великомъ Вольперѣ. Черезъ то завязалась у насъ переписка на Французскомъ языкѣ. Я получилъ опъ сего рѣдкаго чшловѣка двадцать три письма. Последнее было писано имъ за полгода до кончины, споль рано его постигшей.

Въ Бернѣ чшпалъ я Руссову Элоизу и желалъ слышати о ней мнѣніе Галлера. „Не многое, чшю я прочиталъ въ ней изъ угожденія одному своему пріятелю, сказалъ онъ, достапочно для сужденія о цѣломъ. Это негоднѣйшій изъ всѣхъ

(*) Потому, что противъ могущества смерти ни въ одномъ саду нѣтъ цѣлебнаго средшва.

романовъ, потому, что болѣе всякаго другаго краснорѣчивъ. Вы увидише Воодскую землю. Прекрасная справа—шолько не ожидайте оригинала къ Руссовымъ блистательнымъ картинамъ. Руссо думаетъ, что въ романѣ смѣло лгать можно. Вашъ Петрарка не лгалъ. У меня есть его Латинскія поворенія. Никто ихъ уже не читаетъ, потому, что осуждаютъ ихъ Лапшъ; но въ этомъ неправъ. Петрарка не приговоривовалъ, его любовь къ благодравной Лаурѣ не лживая мечта. Онъ любилъ ее, какъ и другой человекъ любилъ бы женщину, которая плѣнила его сердце. Если бъ Петрарка былъ услышанъ Лаурою, онъ не спалъ бы воспѣвая ее.

Такъ говорилъ Галлеръ о Петраркѣ по случаю разговора о Руссо, котораго самое краснорѣчье было ему ненавистно, потому что только антипезы и парадоксы, по его мнѣнiю, составляютъ блескъ онаго.

Галлеръ былъ одинъ изъ величайшихъ ученыхъ, но онъ не высказывалъ своего сокровища ни передъ домашними, ни передъ пѣми, для занятія копорыхъ ученаго разговора не нужно. Ко всякому былъ онъ расположенъ, всегда любезенъ и всѣмъ правился. Чѣмъ именно прiобрѣталъ онъ такую всеобщую къ себѣ привязанность? Не знаю. Легче сказать, чего не доставало ему, нежели чѣмъ обладалъ онъ. Не доставало же ему слабос-

пей такъ называемыхъ ученыхъ и великихъ умовъ.

Его добродѣтель носила на себѣ оппечатоку важности, но никому не представлялась она суровою. Всего болѣе презиралъ онъ тѣхъ невѣждъ, копорые, вмѣсто того, чтооь оспаваться въ границахъ своей посредственности, хопяшь обо всемъ судишь и рядишь, какъ ни попало, и даже сисяпся осмѣивать людей знающихъ, но и этого пренебреженія никогда не оказывалъ онъ явно. Онъ зналъ ненависть презрительнаго невѣжества, и не хопѣлъ, чтооь его ненавидѣли. Высокій умъ его можно было постигать, ибо онъ не скрывалъ его, но слава ничего не прибавляла къ его достоинству. Онъ говорилъ хорошо, и сказывая превосходныя вещи, не унижалъ мнѣній кого либо другаго въ обществѣ. О собственныхъ своихъ сочиненіяхъ онъ всегда молчалъ и если разговоръ къ нимъ склонялся, то давалъ ему другое направленіе; если же иногда долженъ былъ прошиворѣчь, то дѣлалъ это не охотно.

Вошь все примѣчательнѣйшее изъ моего свиданія съ Галлеромъ. За знакомствомъ съ нимъ, по переѣздѣ чрезъ Французскую Швейцарію, послѣдовало знакомство мое съ Вольтеромъ.

Съ Нѣмец. К.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

ТРЕТІЙ ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ШЕКСПИРОВОЙ ТРАГЕДІИ:
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ РИЧАРДА II, КОРОЛЯ АНГЛІЙ-
СКАГО.

Д Ъ Й С Т В І Е Ш.

Я В Л Е Н І Е 8.

(САДЪ ПРИ ДВОРЦѢ КОРОЛЕВЫ.)

КОРОЛЕВА И ДВѢ БАРЫШНИ.

КОРОЛЕВА.

Какую бы придумашь намъ забаву,
Чтобъ пляжкую заботу опогнашь?

БАРЫШНЯ.

Въ шары играшь угодноль Королева?

КОРОЛЕВА.

По вспомню, что весь міръ помѣхъ исполнень,
Что долу кашиншея моя судьба?

БАРЫШНЯ.

Прикажише: плясать мы спанемъ. — —

КОРОЛЕВА.

— — Мьру ль

Ногамъ въ весельи соблюспн, когда
Нынѣ мѣры скорбямъ спраждущей души?

Другое что!

БАРЫШНЯ.

Не сказывашь ли сказки?

КОРОЛЕВА.

Про что же? про печаль или про радость?

БАРЫШНЯ.

Про шо и про другое.

К О Р О Л Е В А.

Свѣтъ мой, пѣшь!

Про радость? радости я лишена;
 Про горесть? я ль не горести полна?
 Къ чему жъ безрадостно къ ней прибавляшь?
 Къ чему мнѣ, чпо со мною повпоряшь?
 И пользы пѣшь оплакивашь упрямъ.

Б А Р Ы Ш Н Я.

Пѣшь буду.

К О Р О Л Е В А.

Рада я, чпо можешь пѣшь;
 Но плачемъ мнѣ ты боль угодишь.

Б А Р Ы Ш Н Я.

Гопова плакашь, лишь бы въ пользу вамъ!

К О Р О Л Е В А.

Вудь въ пользу, плакашь и сама бь могла я,
 Не заняла бь слезинки у тебя!
 Но спой. Садовники идущь; опспушимъ
 Подъ тѣнь деревь; подъ купой сосенъ скрою
 Тоску мою. . . . Толкуюшь о правленьи:
 При превращеньяхъ тожъ во всѣхъ успахъ;
 Предъ горемъ горе, а предъ спрахомъ спрахъ.

Я В Л Е Н І Е 9.

Королева и Барышни (спряпавшись). Садовникъ и два
 работника.

С А Д О В Н И К Ъ.

Вопъ абрикосы свисли: подвяджи ихъ.
 Такъ дѣпи буйные опца склоняюшь
 Ему тяжелой роскошью къ земль! .
 Тѣмъ гибкимъ опрасляемъ подпору дай!
 Не въ мѣру пышны эпъ вѣшви: ихъ

Какъ исполнишь казни, обезглавъ;
 Взнелись падъ нашимъ царствомъ слишкомъ гордо;
 А въ немъ все ровно, гладко быть должно.
 Вошь дѣло вамъ: пойду я, вырву зелье,
 Сосущее безъ пользы сокъ земли
 И вредное цѣлительнымъ цвѣтамъ.

РАБОТНИКЪ.

На что хранить намъ въ бѣдной сей оградѣ
 Согласіе и мѣру и законъ?
 Нашъ моремъ защищенный верпоградъ
 Спаль дикъ: отбиты лучшіе цвѣты;
 Безъ яблокъ яблони; заборъ разобранъ;
 Всѣ связи рушились, благія шравы
 Заглушены волчцемъ. —

САДОВНИКЪ.

Что, братъ? молчи!

Кто допустилъ сей пустоцвѣтъ безчинный,
 Тотъ нынѣ самъ обрѣлъ свой листопадъ.
 Широкой сѣнью имъ хранимый плющъ,
 (Сдавалось, подпиралъ, по ѣль его)
 Испоргнушь Болингброкомъ съ корнемъ вонъ.
 О Вильчиръ — скажашъ пакъ — съ Гриномъ, съ Бюши.

РАБОТНИКЪ.

Они убиты развѣ?

САДОВНИКЪ.

Казнены;

А мотъ Король въ плѣну у Болингброка:
 Бѣда, что Царства онъ не чиспиль, холиямъ,
 Какъ чиспимъ мы и холимъ садикъ нашъ!
 Язвимъ кору и кожу нашихъ яблонь,
 Что бъ опъ излишка кровныхъ соковъ имъ

Не одичаешь; съ людьми большими, что
 Росли не въ мѣру, вопъ что было сдѣлаешь:
 И живы бы остались, плодъ бы дали
 И онъ плода вкусилъ бы самъ; что бѣ жилъ
 Полезный сукъ, пустые мы срѣзаемъ.
 Вопъ пакъ-по сохранилъ бы свой вѣнецъ,
 А лѣпью, шѣгой погубилъ въ конецъ.

Р А Б О Т Н И К Ъ.

Какъ? отрѣшашъ — сказалъ ты, Государя?

С А Д О В Н И К Ъ.

Онъ Болингброкомъ взялъ и говоряшъ,
 Что будетъ отрѣшенъ. Минувшей почью
 Другъ близкій Горка письма получилъ
 И черныя въ нихъ вѣсти возвѣщаютъ.

К О Р О Л Е В А *(въ ходъ.)*

До смерти я подавлена молчаюемъ....

(Садовнику.)

Пославнешъ дѣлашь землю, какъ Адамъ.
 Какъ смѣлъ языкъ швей молвишь вѣсти злыя?
 Какая Евва, змѣй какой въ себя
 Вложилъ: вновь пасъ и вновь снѣжашъ прокляшь?
 Тебѣ ль повѣдашь: Ричардъ отрѣшенъ?
 Не многимъ лучше ты земли, тебѣ ли
 Предзрѣшь его падень? какъ, когда,
 Гдѣ слышалъ ты? несчастный, дай отвѣтъ!

С А Д О В Н И К Ъ.

Просни, Державная! не въ радость мнѣ,
 Бышь вѣспникомъ, но вѣспни справедливы:
 Въ могущемъ Болингброковомъ плѣчу
 Король и ихъ судьбины на вѣсахъ;
 Въ единой чашѣ швой супругъ — и шолько

Да блескъ пуспой ничтожной мишуры;
 Въ другой великій Болингброкъ и съ нимъ
 Всѣ Англіійскіе Перы; съ ними оны
 Превъсипъ Короля тяжелымъ вѣсомъ,
 Сама увидишь въ Лондонѣ, что шакъ:
 О чемъ я говорилъ, то знаешъ всякъ.

К О Р О Л Е В А.

Ты быстрая бѣда, швой ходъ лежокъ:
 Ко мнѣ ль прислашь пословъ ты не могла?
 Мнѣ ль свиданъ послѣ всѣхъ? но ты пришла
 Ко мнѣ последней, шпобы я швѣмъ долъ
 Пиннала въ сердце скорбь! Что медлишь боль?
 Въ пушь, въ Лондонъ! шамъ ликуешъ Болингброкъ;
 Тамъ (я къ тому ль родилась, скорбный рокъ?)
 Тамъ спонешъ Лондона Король въ неволы
 Садовникъ, злую ты сказалъ мнѣ вѣспъ:
 Твоимъ деревьямъ за нее не цвѣспъ.

(Уходишь съ барышнями.)

Я В Л Е Н І Е 10.

Садовникъ и работники.

Садовникъ.

Пуспъ только облегчишь швое спрадане,
 Да будешъ не безспильно заклинаше!
 Здѣсь канула слеза: здѣсь посажу
 Унымый, шемный куспъ святаго древа,
 И покажу госпямъ, и шакъ скажу:
 »Вошь мѣспо, гдѣ рыдала Королева!«

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

52) *Наваринская битва, или Ренегатъ*, историческій романъ, соч. Г. Мока. Перевелъ съ Французскаго Орестъ Сомовъ. С. II. б. 1831 года, въ типографіи Х. Гице. X и 242 страницъ въ 12 д. л. — «Событіе, послужившее основою сему роману, будещъ навсегда незабвенно въ военныхъ лѣтописяхъ нашего Отечества. Человѣколюбивая и благотворная политика Императора НИКОЛАЯ I, подвигла двѣ изъ сильнѣйшихъ Державъ, союзныхъ съ Россією, къ дѣятельному и рѣшительному соучаствію въ испанно-Христіанскомъ дѣлѣ освобожденія Греціи. Флоты: Англійскій и Французскій, совѣкупно съ Россійскимъ, уничтожили морскую силу Паши Египетскаго, имѣвшую явное преимущество, какъ првосходнымъ числомъ своихъ кораблей, такъ и выгодами мѣстными: ибо ей помоществовали, ее защищали и твердыни Наваринскія, и укрѣпленный островъ Сфактерія. Но послѣдствія сего знаменитаго морскаго побоища, явили новое торжество креста надъ поблѣдѣвшею луною. Новый рядъ побѣдъ, свѣжіе лавры тогда уже засѣяны были для армій и флотовъ Царя Россійскаго: славный Адрианопольскій миръ былъ рѣшеніемъ задачи, которой данныя всякому Русскому не трудно было разгадать при самомъ началѣ.»—Вопрь начало предисловія переводчика къ этому роману.—Имперещъ сюжеша вполне соблюденъ Французскимъ авторомъ: характеры дѣйствующихъ лицъ, въ особенности, Ренегата-Гассаана,

изображены вѣрно и разительпо.—Нужно ли говорить что либо въ похвалу перевода? По нашему мнѣнію, довольно сказавъ, что романъ сей переведенъ извѣстнымъ литераторомъ, владѣющимъ въ совершенствѣ языками: Русскимъ и Французскимъ.—Нельзя не поблагодарить и издашеля эпой книги, здѣшняго книгопродавца И. И. Заикина; напечатавшаго оную на хорошей бумагѣ, хорошими и четкими литерами.—Приложенная къ роману картинка прекрасна по изобрѣщенію, (она рисована извѣстнымъ нашимъ молодымъ художникомъ А. В. Нотбекомъ), и довольно хороша по исполненію.—Романъ: *Наваринская битва*, продается въ книжныхъ лавкахъ издашеля подъ NN. 18 и 28, цѣна въ С. Петербургѣ 5 руб. съ пересылкою въ другіе города 6 рублей ассигнаціями. —

С М Ъ С Ь.

П а г а н и н и.

Паганини, предшественный своею славою, явился въ Парижъ, и первое движеніе смычка его превзошло все то, что слышали Парижане о немовѣрномъ его талантѣ.

Онъ участвовалъ уже во многихъ концертахъ, и всѣдъ былъ композиръ-гений и скрипачъ-чудо! Онъ заслуживаетъ сіи названія: первое отличнымъ выборомъ пѣсь своего сочиненія; а послѣднее преодолѣніемъ невѣроятныхъ трудностей музыкальныхъ. Не возможно описать энтузіазма, произведеннаго смычкомъ его.—Эпо очарованіе, дѣйствующее на всѣхъ, подобно гармоническому сновидѣнію, которое не считаешь за сонъ потому только, что видишь наяву, передъ собою, человѣка, играющаго на скрипкѣ.—Средствомъ, коимъ Паганини достигъ такого совершенства въ своемъ искусствѣ, никому неизвѣстно.—Паганини, разговаривая, въ Вѣнѣ, съ Месседеромъ, признавался ему, что онъ обладаетъ какимъ-то музыкальнымъ секретомъ: «когда секретъ эпошъ—сказалъ онъ:» будетъ не секретомъ, тогда музыканты спануть пщательнѣе изучать природу скрипки, эпого инструмента, достоинства коего и сопой доли еще не понимаютъ!—Открытіемъ сего я обязанъ не простому случаю, но строгимъ изысканіямъ. — Грубо ошибаются тѣ, кои думаютъ, что секретъ сей заключается въ строѣ мсей скрипки, или въ движеніяхъ смычка моего; — чшобъ хотя нѣсколько постигнуть эпошъ секретъ, надобенъ умъ!

Паганини росъ средняго, долголицъ, худощавъ чрезвычайно и блѣденъ;—взглядъ его орлиный.—Черные волосы выются кудрями по ворошнику. — Когда онъ

играетъ на скрипкѣ, локти его, какъ будто, входящъ и теряющъ въ его шѣлъ. — Движенія кисти его руки такъ легки и быстры, что кисть сія кажется отдѣленною отъ руки.

(Изъ Journal des Dames et des Modes.)

СО Д Е Р Ж А Н І Е №. XXXII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза:* Маіоратъ. Повесть. Казанова у Галлера. *Стихотворенія:* Отрывокъ изъ Шекспировой трагедіи: жизнь и смерть Ричарда II, Короля Англійскаго. **БИБЛИОГРАФІЯ.** Паваринская битва или Ренегатъ, **СМѢСЬ.** Паганини. **НОТЫ.**

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса
Внутренней Стражи.

Печатать позволено: 16 Апрѣля 1831 года.

Цензоръ П. Гаевскій.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

М А І О Р А Т Ъ.

П о в ѣ с т ь.

(Окончаніе.)

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ умеръ Губернъ, въ своихъ Курляндскихъ помѣстьяхъ, оставя В* исполнителемъ своей духовной. Сынъ умершаго, носившій также имя Губерта, пріѣхалъ въ Россію, съ матерью и сестрою; чѣмбы принявъ въ свое владѣніе богатый Маіоратъ. Въ этомъ молодомъ человѣкѣ, казалось, были соединены всѣ пороки всѣхъ его предковъ. Онъ согналъ со двора повара, хопѣлъ поколошить кучера, что однажды не удалось, пошому что плечисшій, мужичина имѣлъ дерзость не поддаться. В* преспокойно подошелъ къ Барону и сказалъ ему важнымъ голосомъ: какъ душеприкащикъ вашего бапюшки, я не могу сдать вамъ Маіората до открытія его духовной. Баронъ было зашумѣлъ; но это не помогло.

Наступилъ день, назначенный къ откры-

тію духовной. Крімъ судебныхъ лицъ, В* и Барона, находился при томъ еще одинъ молодой человекъ благородной наружности, бывшій въ замокъ вмѣстѣ съ В* и считавшійся его писаремъ. Баронъ, какъ и прочіе, не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія и требовалъ повелительно скорѣйшаго окончанія церемоніи. Духовная была распечатана. Въ ней изъяснялъ покойный Губерштъ, что онъ никогда не былъ Маіоранымъ владѣльцемъ, а владѣлъ Маіораномъ только на имя сына Графа Вольфганга, названнаго Родерихомъ по дѣду; эпоштъ сынъ прижиштъ Вольфгангомъ опъ брака, совершеннаго имъ въ Швейцаріи съ Г-жею Сенваль, и оспававшагося тайнымъ попому, что спарый Баронъ Родерихъ не соглашался на оный. Причины удержанія Маіорана въ своемъ владѣніи были также изъяснены, хопя весь недоспапочно. Молодой Баронъ былъ пораженъ какъ громовымъ ударомъ; но В*, взявъ за руку мнимаго своего писаря, представилъ его свидѣтелямъ, какъ Родериха Ф. Р. наспоящаго Маіораннаго владѣльца.

Губерштъ, хопя былъ пораженъ такимъ неожиданнымъ оборотомъ, требовалъ однако же яснѣйшихъ доказательствъ о законности брака его дяди и о томъ, что Родерихъ былъ дѣйствительно сынъ его. Такимъ образомъ произошла довольно запушанная тяжба. В*

остался адвокатомъ со стороны Родериха. Однажды размышляя о ходѣ сего дѣла, сидѣлъ онъ въ Россигенѣ, въ кабинетѣ спараго Барона и раземаширивалъ разныя бумаги. Наспала полночь, мѣсяць свѣпиль ясно въ ближнюю залу, дверь коей была не запѣшпа. . Вдругъ ему показалось, что кто-то идепть тяжельми шагами по лѣспницѣ. Онъ спалъ прислушивашься; дверь опворилась: человѣческая фигура, съ бѣломраморнымъ, неподвижнымъ лицомъ, въ ночномъ плапъѣ, и со свѣчею въ рукѣ входипть попихоньку. В* узналъ управиптеля и хоптъ было спросипть его: что онъ дѣлаепть здѣсь, такъ поздно? . . но мерпшвоблѣдное, мраморное лице спарика и опкрыптые глаза его поразили Юспиціаріуса спрахомъ . . . Онъ видѣлъ въ управиптелѣ лунапика, который мѣрными шагами подвигался по залѣ, къ задѣланной двери, — ошановился передъ нею,—простоналъ громко,—и, поспавя подсвѣчникъ на полѣ, началъ обѣими руками царапипть спѣну такъ, что кровь шекла изъ-подъ ногшей его пальцевъ. Потомъ онъ приложилъ ухо къ спѣнѣ, какъ бы прислушиваясь къ чему нибудь . . . взялъ опять подсвѣчникъ и пошелъ обратпо черезъ залу. В* оспорожно слѣдовалъ за нимъ, внизъ по крыльцу: Даніэль опворилъ ворота, вошелъ въ конюшню, и, къ удивленію Юспиціаріуса, съ величайшимъ пщаніемъ оспдалъ

лошадь: вывелъ ее на дворъ и, пробывъ тамъ нѣсколько минушъ какъ бы разговаривая съ кѣмъ нибудь, отвелъ опять лошадь въ конюшню, разсѣдлалъ ее и удалился въ замокъ. В*, былъ сильно встревоженъ эшимъ зрѣлищемъ, — предчувствіе ужаснаго злодѣйства, мрачнымъ адскимъ призракомъ легло на его душу. .

Между тѣмъ война возгорѣлась между Россією и Персією. Губернъ, состоя въ Русской службѣ, отправился въ Армію, оставивъ въ Россишенѣ свою мать и сестру, копорую звали Серафимою; это была дѣвушка одаренная всѣми блестящими качествами. Родерихъ имѣлъ случай видѣть ее часто, и вскорѣ между ними установилась коропкость, превратившаяся напоследокъ въ любовь. Между тѣмъ, процессъ оканчивался въ пользу Родериха; въ то же время получено было извѣстіе о смерти Губерта, убишаго въ сраженіи: и вскорѣ бракъ Родериха съ Серафимою прекратилъ совершенно шажбу. Новобрачные отправились въ Россишенъ, гдѣ провели первый счастливый мѣсяцъ первыхъ упоеній любви.

Съ тѣхъ поръ, какъ Даніэль явился В* въ видѣ лунапика, Юспиціаріусъ выбралъ спальню спараго Родериха для своего пребыванія въ замкѣ и большая рыцарская зала была мѣстомъ, гдѣ онъ занимался съ Барономъ дѣлами.

Однажды сидѣли они оба передъ каминомъ, за большимъ канцелярскимъ столомъ. В*, съ перомъ въ рукѣ, повѣрялъ приходы и расходы Маіорапа; ни пошъ, ни другой не слышали рева моря и крика ночныхъ птицъ, копорыя, предвѣщая близкую бурю, стучали крыльями въ окна . . . Наступила полночь, вѣтеръ засвисталъ сильнѣе въ расщелинахъ зѣмка;—въ длинныхъ, узкихъ корридорахъ—и въ высокихъ каминахъ пробудились странные голоса, вторившіе воемъ своимъ завыванію бури.—„Скверная погода!“ вскричалъ на послѣдокъ Юстиціаріусъ, когда сильный шквалъ потрясъ почти все зданіе; „въ самомъ дѣлѣ, очень вѣтрено!“ сказалъ Баронъ, углубяся въ расчеты—и хладнокровно перевертывая лиспъ приходной книги. — Но въ ту же минуту, съ ужасомъ вскочилъ со стула: дверь разтворилась—и блѣдная, сухая фигура, съ неподвижнымъ, мраморнымъ лицомъ, вошла въ залу;—это былъ Даніэль; тяжкая болѣзнь давно уже приковала его къ постелѣ;—всѣ полагали, что онъ не въ силахъ пошевеливаться, и теперь, онъ пришелъ въ залу! . Баронъ, сморщивъ на него съ удивленіемъ, не могъ произнести ни слова; но когда старикъ, спеня и вздыхая, началъ царпапъ спѣну, ужасъ овладѣлъ Барономъ, волосы на головѣ его спали дыбомъ, и онъ закричалъ громко: „Даніэль! Даніэль! что ты

дѣлалась здѣсь такъ поздно?“ Вопль подобный визгу раненаго животнаго, вырвался изъ груди управителя, и онъ бѣзъ чувствъ упалъ на землю. В* позвалъ людей, подняли спарика, но онъ былъ уже мертвъ. „Боже! вскричалъ Баронъ: я убилъ его . . . мнѣ сказывали, что лунашники умирають, если ктонибудь назоветъ ихъ по имени; я убилъ этого спарика! Когда служители унесли тѣло, В* взялъ за руку Барона подвелъ его къ задѣланной двери и сказалъ: „попѣ, кто мертвый упалъ къ ногамъ вашимъ, былъ гнуснымъ убійцею вашего родителя.“ Какъ бы увидѣвъ какого нибудь адскаго духа, смотрѣлъ Баронъ на Юспиціаріуса; но онъ продолжалъ: „пора открыши вамъ страшную тайну, которая лежала на главѣ сего чудовища, и его, опягченнаго проклятіемъ небесъ, заставляла скипаться въ часы покоя. Всевышнему было угодно, чтобы сынъ опомнилъ за смерть отца;— слова возгремѣвшія лунашнику изъ устъ вашихъ, были послѣднія слова, произнесенныя вашимъ отцемъ.“ Съ пренепомъ, и въ молчаніи, Баронъ сѣлъ возлѣ В*. Сей послѣдній сообщилъ Родериху неизвѣстныя ему дошолѣ тайны его семейства, найденныя В* въ бумагахъ покойнаго Губерна. Старый Родерихъ, узнавъ, что Вольфгангъ, прошивъ воли его, вступилъ въ бракъ съ дѣвушкою небогатою фамиліи, не

смотря на всѣ старанія сына скрыть отъ него этотъ бракъ. Въ письмѣ, которымъ Родерихъ приказывалъ сыну прибыть въ означенный день въ Россичень, для принятія Маіората, старикъ угрожалъ Вольфганга своимъ проклятіемъ, если онъ не распоргнетъ этого союза. Сие-то письмо сжегъ Баронъ у гроба своего родителя.

Старикъ писалъ и къ Губерту, что Вольфгангъ женатъ; но что онъ разведется съ женою. Губертъ почиталъ это сначала за мечтательную догадку обманчивой науки своего отца; какъ же изумился онъ, когда Вольфгангъ самъ подтвердилъ извѣстіе о своемъ бракѣ и о рожденіи сына. Вольфгангъ собирался ѣхать въ Женеву за своимъ семействомъ, когда ужасная смерть его постигла. Губертъ, желая присвоить себѣ богатый Маіоратъ, умолчалъ о женѣ и о сынѣ своего брата. Но по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, совѣсть сильно заговорила въ груди его. Судьба страшнымъ образомъ напоминала Губерту о его преступленіи, независимо, возродившееся между двумя его сыновьями. „Ты бѣднякъ! говорилъ старшій, 12-ти-лѣтній мальчикъ, меньшему; по смерти бапюшки, я стану Маіоранымъ господиномъ—и ты будешь цѣловать у меня руки, когда тебѣ понадобятся деньги на новый кафшанъ!“ Меньшій до того озлобился

за это, что бросилъ ножомъ въ брата и едва не убилъ его. Губертъ, опасаясь большаго несчастія, отправилъ младшаго сына въ Пестербургъ, гдѣ онъ вступилъ въ военную службу, былъ съ Суворовымъ въ походъ противъ Французовъ, и палъ въ сраженіи. Извѣстно, какъ Губертъ послѣ, чрезъ свою духовную, передалъ Маіоратъ законному владѣльцу. О смерти брата Губертъ говорилъ всегда спраннымъ, таинственнымъ языкомъ. На послѣдокъ В* обыскалъ между бумагами Губерта одинъ листокъ, содержащій въ себѣ признаніе, отъ коего сердце добраго спарика облилось кровію. Губертъ былъ въ связи съ Даніэлемъ, въ груди кошораго кипѣла жажда мщенія противъ Барона, за то что онъ хотѣлъ его согнать со двора, какъ собаку. Даніэль болѣе и болѣе раздувалъ искру ненависти, плѣвшую уже въ сердце Губерта. Однажды въ бору, на волчьей справѣ, во время бури и мятели, сговорились они погубить Вольфганга. „Его надобно отправить на помъ свѣтъ!“ сказалъ Губертъ, заряжая ружье. — „Да, надобно! опвѣчалъ Даніэль, только не такъ, не такъ: я берусь спровадить его шуда такимъ образомъ, что и кошка о помъ не пронюхаептъ! Губертъ, получивъ 1000 шалеровъ, раскаялся въ своемъ ужасномъ намѣреніи; и хотѣлъ скорѣе уѣхать, чтобы снова не впасъ въ искушеніе. Да-

ніэль самъ осѣдмалъ лошадь и вывелъ ее изъ конюшни; но когда Губершъ садился уже на нее, то управитель сказалъ ему въ полголоса: „я думаю, Г. Баронъ, лучше бы вамъ остаться въ Россипенѣ, кошорый принадлежишь теперъ вамъ! . . Гордый Маіоратный владѣлецъ покоишся въ пропасти подъ башней!“ Даніэль замѣшилъ, что Вольфгангъ, перевозимый сребролюбіемъ, часто ночью, подходилъ къ дверямъ башни и усуремлялъ жадные взоры въ глубину, гдѣ, по рассказамъ Даніэля, лежали значительныя сокровища. Въ роковую ночь Даніэль спрятался близъ залы; и когда увидѣлъ, что Баронъ отворилъ дверь, ведущую къ башнѣ и что онъ стоишь у сааго края пропасти, то бросился онъ къ нему; Баронъ оглянулся, и при видѣ злодѣя, у коего въ глазахъ горѣло уже убійство, вскричалъ съ ужасомъ: Даніэль! Даніэль! что ты дѣлаешь здѣсь, такъ поздно? но Даніэль сильнымъ ударомъ низвергъ Вольфганга въ пропасть. Пораженный симъ злодѣйствомъ, Баронъ не могъ бытъ спокойнымъ въ замкѣ, и живя въ своихъ Курляндскихъ помѣстьяхъ, пріѣзжалъ только щика о въ Россипенѣ. Старый Францъ увѣрялъ, что, давно уже умершій и погребенный, Даніэль часто во время полнолунія показывался въ залѣ. Францъ описывалъ привидѣніе точно такъ, какъ мы его послаъ видѣли!

Дядя, кончивъ свой разсказъ, взялъ меня за руку, слезы выступили у него на глазахъ и онъ сказалъ мнѣ шопнымъ голосомъ: „Племянникъ, племянникъ! и она, эта превосходная женщина испытала дѣйствіе непоспѣжимой силы, овладѣвшей родовымъ замкомъ! Спусти два дня послѣ того, какъ мы уѣхали изъ Россигена, Баронъ передъ отъѣздомъ своимъ въ Курляндію, давалъ большое кашанье. Онъ сидѣлъ въ саняхъ съ своею супругою—и самъ правилъ лошадьми. — Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ дорога шла подъ гору, лошади вдругъ взбѣсались и понеслись по оврагамъ. „Старикъ бѣжишь за нами! вскричала Баронесса пронзительнымъ голосомъ.“ Въ ту минуту опрокидывающія сани и она мертва! . . Баронъ неутѣшенъ, его покой—есть покой умирающаго. Племянникъ! намъ никогда болѣе не видать Россигена!

Дядя замолчалъ: я оставилъ его съ расперзаннымъ сердцемъ, одно, все истребляющее, время могло утопить печаль, копорая, думалъ я, доведетъ меня до гроба.

Промчались годы: В* давно уже покоился въ могилѣ; я оставилъ мое опечесство. Въ 1813 году всеопушшающая буря впо ужаснувшая Германію, забросила меня на дальній сѣверъ, въ Пешербургъ. Возвращалась на родину, и быть уже недалеко отъ Кенигсберга, ѣхалъ я въ шемную осен-

ною ночь по берегу Балтійскаго моря; вдругъ вижу передъ собою на небѣ большую свѣтящуюся звѣзду. Подъѣзжаю ближе, и по красноватому, зыблющемуся, пламени догадываюсь, что звѣздою счель я какой-то сильный огонь, не поспигая между тѣмъ, какъ онъ могъ горѣть такъ высоко въ воздухъ. „Пріятели! спросилъ я почтальона, что это за огонь? — Это Россипенской малкъ, отвѣчалъ онъ. Россипень! при этомъ словѣ оживилась въ моемъ воображеніи картина роковыхъ, осеннихъ дней, проведенныхъ намъ мною. Я видѣлъ Барона, Серафиму, и дивныхъ спарыхъ пестушекъ; видѣлъ себя, напудреннымъ и въ модномъ фракѣ молокососомъ! воображалъ себя, поющимъ тоненькимъ голоскомъ чувствительныя аріи, и, подобно нѣжному пасшушку, вздыхающимъ у ногъ своей пасшупки! Въ этомъ горестномъ воспоминаніи, какъ разноцвѣтные огоньки, мелькали и колкія шупочки добраго В*. Съ какимъ-то печальнымъ и вмѣстѣ сладостнымъ ощущеніемъ, вышелъ я въ Россипень, рано упромъ, изъ моей повозки, оснановившейся у почтоваго двора. Я узналъ домъ прикащика и спросилъ объ немъ. „Съ позволенія, сударь!“ сказалъ почтовый смолпрітель, преспокойно вынимая изо рта шрубку, и поправляя на головѣ ночной колпакъ: „съ позволенія, сударь, сказать здѣсь нѣтъ прикащика;

здѣсь казенное мѣсто и Г. Совѣтникъ еще почиваетъ. Я узналъ, что уже 16 лѣтъ, какъ Баронъ Родерихъ фонъ Р., послѣдній Маіоратный владѣлецъ, умеръ безъ наследниковъ, и Маіоратъ, по уставамъ своего учрежденія, поступилъ въ казну. Я пошелъ къ замку и увидѣлъ тамъ почти однѣ развалины. Большая часть камней была употреблена для постройкы маяка, такъ увѣрялъ старый крестьянинъ, встрѣшившійся со мною съ сосновомъ лѣсу, и съ копорымъ я повелъ разговоръ. Онъ еще много рассказывалъ мнѣ о привидѣннн, которое нѣкогда являлось въ замкѣ, и увѣрялъ, что иногда и теперь, особливо во время полнолунія, среди развалинъ слышались жалобные стоны.

Съ Нѣмецк. А.

КАЗАНОВА УВОЛЬТЕРА.

Вольтера заспалъ я въ ту минушу, какъ начался его обѣдъ. Много мужчинъ и дамъ окружало его; мое вшеспвіе получило чрезъ то какой-то торжеспвенный видъ.

„Наконецъ—говорю я—наступила счастливейшая минуша моей жизни! Наконецъ вижу я моего великаго учителя! Уже двадцать лѣтъ, Государь мой, хожу я къ вамъ въ школу.“—

— „Еще двадцать лѣтъ прошу васъ оказывать мнѣ эту честь, и тогда не оставьте принести мнѣ за все время школьныя деньги.“

„Объщаю непременно исполнишь. Только общайте и вы дожидаетесь, пока наступитъ срокъ.“—

— „Объщаю и скорѣе умру, чѣмъ нарушу это обѣщаніе.“

Общій смѣхъ раздался въ хвалу сей первой остроумности Вольшера. И это въ порядкѣ. Смѣющіеся должны всякой разъ, когда двое пускаются въ перекоры, поддерживать одного на счетъ другаго. Тотъ, чьей стороны они держатся, можетъ быть увѣренъ въ побѣдѣ. Это маленькія козни, на копорыя въ хорошемъ обществѣ должно быть всегда готовымъ. Я былъ готовъ, но надѣялся въ свою очередь поймать въ западню и Вольшера.

Два недавно пріѣхавшіе Англичанина (изъ которыхъ одинъ сдѣлавшійся послѣ столь знаменитымъ-Фоксъ) были ему представлены. Онъ вспахнетъ и говоритъ: вы Англичане, господа? О, еслибъ и я былъ тоже! Негодное привѣтствіе. Англичане должны бы были сказать ему: О, еслибъ мы были Французы! но или не имѣли охоты лгать, или постыдились сказать правду. Человѣкъ съ чувствомъ чести, такъ я думаю, можетъ свою націю возвысить надъ чужою, но не можетъ унижить передъ нею.

Лишь только мы съели, какъ мой хозяинъ опять ко мнѣ обращается. Вѣжливо, но все улыбаясь, говоритъ онъ: „Какъ Венеціанецъ вы должны знать Графа Алгарошши.“— Знаю его, отвѣчалъ я, но не какъ Венеціанецъ; по-тому, что изъ восьми согражданъ моихъ, се-меро вѣрно не знаютъ во все, что есть на свѣтѣ Графъ Алгарошши, (по есть, ученый Альгарошши-должно было бы мнѣ сказать). Я провелъ съ нимъ два мѣсяца вмѣстѣ въ Падуѣ, гдѣ жилъ онъ семь лѣтъ, и удивляюсь ему, потому, что онъ вамъ удивляется.

„Мы друзья. Онъ можетъ и никому не удивляться, а все будешь уважаемъ если кто его знаетъ.“

Еслибъ онъ не началъ удивленіемъ, то не приобрѣлъ бы себѣ имени. Удивляясь Невтону, онъ заставилъ и дамъ говорить о *свѣтъ*.

„Не ужели въ самомъ дѣлѣ заставилъ?“ О конечно онъ достигъ своей цѣли, хопя и не такъ успѣшно, какъ Г. Фонпенель своимъ множествомъ міровъ.

„Ваша правда. Скажите ему, если застане-те его въ Болоньѣ, что я ожидаю писемъ его объ Россіи. Онъ можетъ мнѣ ихъ переслать черезъ банкира Бьянки въ Миланѣ. Говорятъ, что Италіянцы недовольны языкомъ его.“

Этому я повѣрю. Въ его Италіянскихъ со-чиненіяхъ никакъ не узнаешь собственнаго

языка его; они наполнены галлицизмами. Онъ намъ жалокъ.

„Развѣ Французскіе обороты не украшаютъ языка вашего?“

Они дѣлаютъ его нестерпимымъ. Французскій языкъ, начиненный Испанскими фразами, былъ бы столько же нестерпимъ и тогда, еслибъ вы, Г. Больтеръ, имъ писали.

„Ваша правда, надобно писать число. Ливія осуждали и упрекали за Пашавинизмъ его Латыни.“

Мнѣ говорилъ Аббата Лаззарини, когда я еще начиналъ писать, что онъ ставитъ Ливія выше Саллустія.

„Аббата Лаззарини — вѣрно сочинитель Трагедіи *Ulisse il giovane*? Тогда вы конечно были очень еще молоды. Жалю, что я не зналъ его. Но Аббата Коли, пріятеля Невнона и сочинителя чепырехъ шрагедій, содержащихъ въ себѣ всю Римскую Исторію, эпого я зналъ.“

Я поже зналъ и уважалъ его. Когда я былъ въ обществѣ этихъ великихъ мужей, то почиталъ себя счастливымъ, что такъ еще молодъ. Теперь, передъ вами, это предсшавляется мнѣ, какъ бы вчера было; но нисколько не унижаетъ меня. Я бы желалъ быть юнѣйшимъ всего человѣческаго рода.

„Вы были бы конечно счастливѣе, чѣмъ

спарѣйшій. Какой отрасли Литературы вы себя посвятили? —

Никакой. Но можете быть еще выберу. Теперь я читаю, сколько могу, и познаю людей, путешествуя.

„Пусть хорошъ, но книга очень толста. Легче достигнуть цѣли, читая Исторію.“

Исторія лжетъ, происшествія сомнительны и занятіе скучно. Изучать свѣтъ, странствуя въ немъ, доставляетъ мнѣ удовольствіе. Гораций, котораго знаю наизусть, мой путеводитель; я нахожу его вездѣ.

„И Алгаротти не расщепится съ нимъ. Вы вѣрно любите поэзію?“

Это моя страсть.

„Много ли вы написали сонетовъ?“

Отъ десяти до пятнадцати такихъ, которые мнѣ милы, и отъ двухъ до трехъ тысячъ такихъ, на которые не взглянулъ, написавши.

„Въ Испаніи любовь къ сонетамъ просируется до безумія.“

О, да, — если можно назвать безуміемъ стараніе какойнибудь мысли придашь ту гармоническую звучность, отъ которой представляется она въ прелестнѣйшемъ свѣтѣ. Сонетъ, Г. Вольперъ, очень не легокъ. Въ четырнадцать стихахъ мысль должна быть неразпянута и неукорочена. Для Сонета ма-

ло, если онъ хорошъ, надобно чтобъ онъ былъ превосходенъ. (il faut qu'il soit sublime.)

„Эпо Прокрустова кровать; потому-то у васъ такъ мало хорошихъ сонетовъ. У насъ нѣтъ ни одного и этому причина въ нашемъ языкѣ.“

Вѣроятно вмѣстѣ и въ образѣ мнѣннй Французовъ. У васъ думаютъ, что перьяется и сила, и блескъ мысли, когда она перейдетъ за предѣлы стиха Александрійскаго.

„А вы того не думаете?“

Нимало. Надобно только согласишься въ томъ, что мы называемъ мыслию. Какаянибудь оспрога на пр. никакъ нейдетъ сонету.—

„Котораго изъ Италіянскихъ поэтовъ любите вы всѣхъ больше?“

Аріоста! Однако не могу сказать, чтобъ любилъ его всѣхъ больше: онъ для меня единственнй, хотя знаю всѣхъ ихъ. Когда, лѣтъ пятнадцать назадъ, прочиталъ я ваши нападки на Аріоста, то сказалъ поочасъ: вы бы перемѣнили свои мысли, еслибъ прочитали шворенія поэта.

„Очень благодаренъ за то, что вы думаете, будто я не читалъ Аріоста. Я читалъ его, но я былъ молодъ и несовершенно еще зналъ вашъ языкъ, а вмѣстѣ былъ ослѣпленъ нѣкоторыми Италіянскими учеными — починателями Тасса. Такимъ образомъ, по несчастію, произнесъ публично Аріосту приговоръ, ко-

порый считалъ своимъ собственнымъ. Онъ былъ не мой; я уважаю вашего Аріоспа.“

Теперь я дышу опять свободно. Прокляните же книгу, въ которой вы смѣялись надъ Аріоспомъ.

„Мои книги ужъ давно все прокляты. Но вы должны имѣть доказательство, какимъ образомъ я уничтожилъ свой приговоръ.“

Тутъ привелъ меня Вольнеръ въ изумленіе. Нанзуснъ прочиталъ онъ мнѣ два длинныхъ мѣста изъ 34 и 35 пѣсни объ Орландо, прочиталъ, не пропустивъ ни одного стиха, не произнесъ ни одного слова противъ правилъ просодіи.“

Въ то же время возвышалъ онъ красноты стихотворца примѣчаніями, которыя приличесвовали истинно великому человѣку. Ни отъ одного Иналіянскаго толкователя нельзя было бы ожидать ничего превосходнѣйшаго. Я слушалъ его, удерживая дыханіе, и шестню старался замѣнить хотя одну ошибку. Обратясь къ обществу, я признался, что мое удивленіе неограничено и что оно должно сдѣлаться извѣстнымъ вездѣ въ Иналіи. „Вся Европа, ошвѣчалъ онъ мнѣ, должна узнать отъ самаго меня о томъ искреннемъ благовѣніи, какое приличесвуется величайшему изъ произведенныхъ ею Гспіевъ.“

Начавъ распочать похвалы свои, едва могъ онъ кончить, а на другой день сообщилъ мнѣ

переводъ свой слѣдующей строфы:

Quindi avvien che tra principi e signori
 Patti e convenzioni sono si frali
 Tan lega oggi re, papi e imperatori.
 Doman saran nimici capitali:
 Perchè qual l'apparenze esteriori
 Non anno i cor, non an gli animi talli:
 Che non mirando al torta, più ch'al dritto
 Attendon solamente al lor profitto.

Вопль переводъ Волшера:

Les papes, les césars appaisant leur querelle,
 Jure sur l'évangile une paix éternelle;
 Vous les voyez demain l'un de l'autre ennemis,
 C'était pour se tromper qu'ils s'étaient réunis,
 Nul serment est gardé, nul accord n'est sincere,
 Quand la bouche a parlé, le coeur dit le contraire.
 Du ciel qu'ils attestaient ils bravaient le courroux,
 L'intérêt est le Dieu qui les gouverne tous.

Хотя никто изъ присутствовавшихъ не зналъ по Итальянски, при бывшемъ наканунѣ чтеніи Вольшера, однако оно заслужило всеобщее одобреніе. Когда все утихло, спросила меня его племянница, Г-жа Денисъ, считаю ли я мѣсно, чинянное ея дядею, дѣйстви- тельно однимъ изъ прекрасѣйшихъ у великаго снхошворца.— Безъ сомнѣнія отвѣчала я, однимъ изъ прекрасѣйшихъ, но не прекра- снѣйшимъ. — „Такъ уже рѣшено, чію именно въ немъ прекраснѣйшее?“ спросила она дагѣе. — Конечно, должно бытъ рѣшено, возразилъ я,

иначе апопеоза великаго стихопворца не могла бы имѣть мѣсна. — Такъ его причли къ Святымъ? продолжала Денисъ, я незнала этого.

Раздался громкой хохотъ и всѣ смѣющіеся, Вольперъ первый, приспали къ споронѣ Г жи Денисъ. Я одинъ оспался при своемъ важномъ видѣ, неизмѣнившемся даже улыбкою. Вольперу это было досадно. Онъ сказала: „Я знаю, почему вы не смѣетесь. Вы думаете, что конечно должно бытъ сверхчеловѣческое по мѣсно, за которое назвали Аріоста божественнымъ.“

Точно такъ.

„Какое же это мѣсно?“

Трицать шесть послѣднихъ спансовъ въ 23 пѣснѣ. Они содержатъ столько вѣрное описаніе сумасшествія, въ которое впадаетъ Роландъ, что ихъ можно назвать технически справедливыми. Съ тѣхъ поръ, какъ существуешь свѣтъ, никто не зналъ, какимъ образомъ овладѣваетъ нами сумасшествіе. Аріостъ одинъ былъ въ состояніи описать это. Безъ сомнѣнія и вы были обьяты ужасомъ, когда читали эти спансы. Они воздымають всю внутренность.

„Я помню ихъ. Въ нихъ выражено все неизновснво любви. Мнѣ пришла охота хотѣ бы сей часъ прочиташъ ихъ снова.“

— „Можетъ бытъ, вы сдѣлаете намъ одолженіе — прочитаете?“ сказала Гжа Денисъ и

взглянула умильно на своего дядю, какъ будто прося его позволенія.

Почему жь не такъ, если вамъ угодно будетъ меня слушать —

„Какъ? вы взяли на себя трудъ выучить ихъ наизусть? —“

Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ, я читаю Аріоста каждый годъ два или три раза. По этому немудрено, что онъ безъ всякаго напряженія, могу почти сказать, безъ моего содѣйствія, зашвердился въ моей памяти. Надобно исключить только генеалогіи его и Историческіе эпизоды. Они упоминають умъ и чужды сердцу. Безъ всякихъ выписокъ удержалъ я въ памяти только одного Горация. Однако и въ его эпистолахъ нѣкоторыя стихи очень опъзываются прозою.

„Горацийъ ужь такъ и быть, но если вы зашвердили почти всего Аріоста — это не бездѣлка. Вамъ надобно было имѣть дѣло съ сорока шестью длинными пѣснями.“

Скажите лучше съ пятьюдесятью одной.

Вольперъ умолкъ, но Гжа Денисъ тотчасъ подхватила: „Скорѣе, скорѣе, дайше намъ услышать спрашныя придцанъ шесиль шансовъ, которые досшавили поэшу имя божешвеннаго.“

Тутъ я прочиталъ ихъ, при чемъ избѣгалъ употребляемаго въ Италіи образа декламациі.

Аргосту не нужно, чтобы декламаторъ своимъ выраженіемъ, все таки монопопнымъ, возвышалъ силу стиховъ его. И я, вмѣстѣ съ Французами, нахожу это пропаянное чтеніе весноснымъ. Я читалъ снаны Поэта, какъ бы читалъ прозу, и только пономъ, взглядомъ, измѣненіемъ голоса, гдѣ требовала того выразительность чувствъ, влагалъ душу въ свое чтеніе. Всѣ видѣли и чувствовали, какъ я принуждалъ себя удерживать слезы, невольно навертывавшіяся на глазахъ моихъ. Но когда я дошелъ до снана.

Poiché allargare il freno al dolor puote
 Che resta solo senza altrui rispetto
 Giù dagli occhi rigando per le gotte
 Sparge un fiume di lagrime sul petto.

То слезы показались такъ сильно изъ глазъ моихъ, что всѣ разширогались и плакали со мною вмѣстѣ. Г-жа Денисъ приведена была въ ужасъ, а Вольтеръ подбѣжалъ, чтобы обвинить меня. Однако я не далъ прервать себя: Роланду подлежало, чтобы войны въ послѣднюю снень неисповедва, узнать, что онъ лежитъ на томъ самомъ ложѣ, на копоромъ нѣкогда слишкомъ счастливый Медоръ заключалъ въ своихъ обьяніяхъ обнаженныя прелести Ангелики. Это воспѣвается въ слѣдующемъ снаны. И такъ если голосъ мой былъ доселѣ жалобенъ и мраченъ — теперь излился онъ съ выразительностію ужаса, возбуж-

даемаго Роландовымъ бѣшенствомъ, которое силами его, сверхчеловѣческими, производило опущенія, какъ бы землетрясеніемъ или ударами молніи. Такъ кончилъ я свое чтеніе и облако унынія омрачало еще нѣ взоры, которые изъявили мнѣ одобреніе общества. Громко вскричалъ Вольперт: Я всегда говорилъ: хотите ли выпудить слезы, плачьте сами! Но чтобы плакать, надобно чувствовашь, чтобы чувствовашь, надобно имѣть душу. Онъ обнялъ меня и поблагодаривъ, обѣщаль нѣже спастись чинашь мнѣ на слѣдующей день и позже плакашь. Онъ сдержалъ слово.

Въ продолженіе разговора объ Аріостѣ, Денисъ изъявила свое удивленіе, что въ Римѣ сочиненія его не были включены въ число запрещенныхъ. Вольпертъ сказалъ на это, что случилось совсемъ напрошивъ; что Леонъ X собешвенною буллою грозилъ прокляніемъ тому, кто бы осмѣлился осудить Аріоста; что оба великіе дома: Эсте и Медицесъ лагерерывъ старались поддерживать поэма.

Здѣсь долженъ я былъ просить у Вольпера позволенія присовокупить, какъ жесноко кричали о шѣхъ снихахъ, въ которыхъ Аріостъ говоритъ о пустынникѣ, который хотѣлъ воспріянешествовать Родомонту, взялъ въ свою власнь Изабеллу, вдову Зербинову, и изображаешъ, какъ сей Африканецъ, соскучасъ

грозными проповѣдями пустынника, схватываешь его и бросаешь такъ далеко, что онъ раздробленный объ ушетъ, оспасется на мѣсѣхъ въ такомъ глубокомъ снѣ,

Che al novissimo di forse sia desto (*).

И эшошь спихъ возбудилъ общій крикъ, надъ кошорымъ Аріосшь вѣроятно довольно бы посмѣялся.

„Жаль, сказала Денись, что онъ не могъ удерживаться онъ преувеличеній.“

„Не говорите, милая племянница, сказалъ Вольперъ, у него и преувеличенія обдуманы и содержатъ величайшія красоты.“

Тутъ зашла рѣчь о другихъ предметахъ; всеъ они относились къ липературѣ. Наконецъ заговорили о Шопландкѣ, комедіи Вольпера, игранный въ Золотурнѣ. Уже эшо всемъ было извѣстно и Вольперъ сказалъ, что если мнѣ будетъ пріямно играть на его театръ, то онъ попроситъ, чшобъ Г. Шавиньи уговорилъ супругу свою взять роль Линданы; (**) а себѣ возьметъ тогда Монроза. Однако я, съ усерднѣйшею благодарностию за эту милость, опиклонилъ онъ себя предложеніе, прибавя, что Г-жа Шавиньи въ Базель, а я на другой же день долженъ ѣхать. Тутъ поднялъ онъ большой шумъ и привелъ

(*) Чшо развѣ послѣдній день, можетъ быть, его разбудитъ.

(**) Намекъ на одно приключеніе Казановы въ Золотурнѣ, сдѣлавшееся извѣстнымъ Вольперу.

въ движеніе все общество. Посѣщеніе мое было бы ему оскорбленіемъ—утверждалъ онъ, если бъ я не оспался у него по крайней мѣрѣ недѣлю.

На это я отвѣчалъ, что въ Женеву пріѣзжалъ собственно для него, что теперь кончилъ свое дѣло и не для чего больше жить.

Вы пріѣхали, для того ли, чтобы говорить со мною или чтобы я съ вами говорилъ?

Больше всего пріѣхалъ я, чтобы побесѣдовать съ вами.

Ну, такъ останьшесь еще по крайней мѣрѣ три дни, приходише ко мнѣ обѣдать и будемъ бесѣдовать вмѣстѣ.

Я принялъ предложеніе и, опкланявшись, поспѣшилъ въ свой трактиръ, потому, что многое надобно было записатьъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ No.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

В з о р ы С в я т а г о .

Прелестно солнце золотое,
 Когда оно на небесахъ
 Блещитъ въ божественныхъ лучахъ
 И жизнью все даритъ земное! —
 Прекрасна полная луна,
 Когда межъ звездъ горитъ она
 На сводѣ неба голубаго,
 И льетъ сіянье съ вышины;
 Но взоры крошесты святаго
 Прелестнѣй солнца золотого,
 Прекраснѣй полныя луны!

Э П И Г Р А М М А.

Ты Криводушникъ правъ: хвали, брани всѣхъ смѣло —
 И кпо жь подумаешь сердиться на себя?
 Ты дѣло дѣлаешь, — шѣмъ кормишь шы себя,
 А пренебречь побой — чипателей ужь дѣло.

КЪ 77 Но. СѢВЕРНОЙ ПЧЕЛЫ.

Въ семь номеръ Пчелы, я вспрѣшилъ опечатку; —
 Искусшвомъ можно ли назвашь Парнаскій соръ? —
Богелскимъ варварамъ вопшь дѣльный приговоръ:
 Шагъ къ Театральному упадку. —

25

С М Ъ С Ь.

НЕВОЛЫНЫЙ ОТВѢТЪ.

Во 2-мъ Но *Гирлянды*, Журнала Словесности, Театровъ, Модъ и Музыки, издаваемого кѣмъ-шо, кпо-шо подь фирмою А. Г—въ, разглагольствуя то и се о *стихотвореніяхъ Михайлы Дмитріева*, заключаешъ свою хвалебную спашейку слѣдующимъ курьезнымъ образомъ: „нашему поэпу, прозанку и критику, издашелю Невскаго Альманаха и С. Пешербургскаго Вѣспника, Е. В. Аладьину, вообще не правятся стихотворенія М. Дмитріева; — ученому и книги въ руки!“, Чпо эшо за возгласъ? и по какому праву, Г. А. Г — въ, дѣлаешъ неприличныя выходки на мой счетъ? . . . Подь спашейкою о стихотвореніяхъ М. А. Дмитріева, помѣщенною въ С. Пешербургскомъ Вѣспникѣ, не подписано имени рецензента; съ чего же Г. Г — въ вздумалъ привязываться ко мнѣ . . . Я не знаю — и не желаю знать этого вишнязя, подвизающагося во славу Московскаго поэпа; но смнпную долгомъ напомнить Г. Издашелю, или Гг. Издашелямъ *Гирлянды*, чпобъ онъ, или они, воздержались на будущее время онъ

подобныхъ педилитературныхъ придирокъ! Говорите Мм. Гг. о моемъ журналѣ, о моихъ Альманахахъ, о моихъ спаньяхъ вообще, что вамъ угодно! Единжды навсегда я поставилъ себя правиломъ: пользоваться замѣчаніями дѣльными, и, въ молчаніи отвѣчать на недѣльные выходки извѣстнымъ стихомъ изъ извѣстной Трагедіи Озерова; (*) — прошу васъ не прогайте только моей личности; — на личныя оскорбленія и отвѣчаюшь вѣдь лично!

Георгъ Аладыинъ.

Н О В О С Т И.

Ө. В. Булгаринъ, Авторъ новаго романа: *Петръ Ивановичъ Выжигинъ*, имѣлъ счастіе поднести книгу сію Государю Императору, и удостоился получить отъ Его Величества богатый бриллиантовый персепень.

Спѣшимъ довести до свѣденія нашихъ читателей новый примѣръ изобрѣтательности и вмѣстѣ безкорыстія Русскихъ: Московскій Купеческій сынъ Иванъ Ѳедоровичъ Гучковъ успроилъ машину, для выработыванія шалей, сходныхъ съ дорогими шаями Кашемирскими. Одинъ работникъ можетъ на одиомъ спанѣ въ шесть челноковъ шканъ шаль съ разными цвѣтами; спанъ сей приводится въ дѣйсвіе посредствомъ подножки. Гучковъ намѣренъ просить пачальство . . . о десятильтьней привилегіи! . . . вскрикнушь многіе . . . нѣтъ, Мм. Гг. — ошиблись! онъ намѣренъ просить объ опведеніи мѣста, гдѣ бы онъ могъ публично показывать работу на означенномъ спанѣ. — Гучковъ желаетъ быть полезнымъ не одному себѣ, но всемъ своимъ соопчественникамъ! . . .

Недавно, Россіи вызвался соопчествовать одному, извѣстному, Испанскому придворному банкиру — въ Мадридѣ, и прибылъ туда за два дни до закрытія

(*) Прозрѣнье мой опѣнъ на дерзкія слова!

памошной оперы. Теперь узнали истинную причину этой поѣздки Россини: его жена, бывшая въ свое время не незнаменитою Прима-Донною, подъ именемъ *Кольбранъ*, спабдила, въ Италіи, одного значительнаго Испанца весьма значительною суммою денегъ, для полученія коихъ было необходимо личное присутствіе въ Испаніи творца *Отеллы*.

Въ Верлицѣ скончался 12 Марта, одинъ изъ величайшихъ лирическихъ поэтовъ Германіи, Фридрихъ фонъ Машписсонъ, на 71-мъ году отъ рожденія.

Знаменимый Ботаникъ и Директоръ Лионскаго ботаническаго сада *Бальби* умеръ въ Парижѣ, на 70-мъ году отъ рожденія.

СОДЕРЖАНІЕ №. XXXIII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза*: Маіоранъ. Повѣсть. Казанова у Вольпера. *Стихотворенія*: Взоры свѣлаго. Эпиграмма. Къ 77-му №. Сѣверной Пчелы. СМЪСЬ. Певольный отвѣтъ. **НОВОСТИ. НОТЫ.**

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдельнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 24 Апрѣля 1831 года.

Ценсоръ П. Гаевскій.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

КАЗАНОВА У ВОЛЬТЕРА.

(Окончаніе.)

На слѣдующій день, являсь къ сполу, я засталъ шущь Герцога Виллара. Онъ только что пріѣхалъ для совѣщаній съ знаменитымъ врачомъ Тронхиномъ, который за десять лѣтъ передъ тѣмъ спасъ ему жизнь. Въ продолженіе обѣда говорилъ я мало. Послѣ завель Вольперъ со мною разговоръ о Венеціанскомъ Государственномъ устройствѣ. Онъ уже зналъ, что я былъ недоволенъ правительствомъ; но я поступилъ вопреки его ожиданію. Я старался доказать, что въ цѣломъ свѣтѣ нигдѣ не наслаждающіяся такою свободою, какъ въ Венеціи. Но какъ онъ замѣнилъ, что эпопей разговоръ не со всѣмъ мнѣ пріятенъ, по взялъ меня за руку и повель въ садъ, котораго называлъ себя творцемъ. Мы прошли до конца одной большой аллеи, примыкавшей къ источнику. „Это Рона, сказалъ

онъ, которую я посылаю во Францію.“ Тутъ заспавиль онъ меня обратишь вниманіе на прекрасный видъ къ Женевъ и Монблану, высочайшей изъ горъ Алпійскихъ.

Разговоръ самъ собою склонился опять на Ипшальянскую литературу. Вольперъ разсуждалъ о ней очень умно и учено; но всякой разъ выводилъ несправедливыя заключенія. Я не мѣшалъ ему говорить. И объ Гомеръ, Дантъ и Пепраркѣ судилъ онъ не по моему. Извѣстно, какъ онъ думалъ о сихъ великихъ мужахъ. Онъ не могъ писашь иначе, какъ сообразно своимъ предспавленіямъ о предметѣ, и это много повредило ему въ общемъ мнѣніи. Я довольспвовался такимъ опвѣстомъ, что если бы эти великіе люди не заслуживали уваженія всѣхъ мѣхъ, кто посвятилъ себя ихъ изученію, то врядъ ли достигли бы ной высокой спепені, на которой споятъ теперь.

Между мѣхъ Герцогъ Вилларъ и славный Тронхинъ опять къ намъ явились.

Тронхинъ былъ великъ, спашень и спроентъ, привѣспливъ, краснорѣчивъ безъ болспливоспи, основательный физикъ; припомъ чловѣкъ остроумный и какъ врачъ, любимый ученикъ Боергаве. Болспливоспъ и шарлатанство обыкновенныхъ господъ сего факультета были ему чужды. Исцѣленія больныхъ искалъ онъ главнѣйше въ поведеніи, а чтообъ

его угадать, надлежало ему конечно быть основательнымъ наблюдателемъ и философомъ.

Наружность Герцога Виллара, тогдашняго Прованскаго Губернатора, привлекла на себя все мое вниманіе. Смотри на его лице, на весь составъ и положеніе его нѣла, я представлялъ себѣ шестидесятилѣтнюю женщину, въ мужскомъ плащѣ, сухую, щую, невозженную, но бывшую можетъ быть красавицею въ юности. Румяна лежали на его щекахъ, карминъ на губахъ, брови были насурмлены, а зубы и волосы фальшивые. Благонною помадой прильплена была къ головѣ Фризура, а въ самой верхней пеплѣ кафтана воткнутъ букетъ цвѣповъ, достававшій до подбородка. Онъ хотѣлъ быть любезнымъ при каждомъ движеніи и говорилъ шакъ сладко и шепеляво, что трудно было понимать. Впрочемъ былъ онъ вѣжливъ и ласковъ, только всѣ приемы его опзывались вкусомъ времени регенсва.

Я проводилъ Вольтера въ его спальню. Тутъ онъ перемѣнилъ парикъ и шапочку, которую носилъ подъ нимъ онъ ревмапизма. На его работномъ столѣ лежало нѣсколько Ишальянскихъ поэмовъ и между прочимъ Тассоніева *Va Sechia rapita*. „Вотъ, сказалъ онъ, единственное прагико-комическое сочиненіе въ Ишаліи. Тассони былъ монахъ и при боль-

шой учености, имѣль вкусъ къ изящнымъ наукамъ. Какъ поэтъ, онъ не безъ дара.“

Пусть его будетъ поэтъ, отвѣчалъ я, но ученость его вздорная. Онъ вздумалъ смѣяться надъ системою Коперника и утверждалъ, что не лзя по ней опредѣлить ни кругообращенія луны, ни земной.

„Гдѣ онъ сказалъ эту глупость?“

Въ своихъ *discorsi academici*.

„У меня ихъ нѣтъ, но я доспану себѣ.“

Тутъ записалъ онъ заглавіе и продолжалъ: „однако Тассони судилъ вашего Петрарка строго и справедливо.“

Это сдѣлало вкусу его и ученой проницательности споль же мало чести, какъ и Мурапори.

„Вошь онъ споншъ!—Однако вы опдадите справедливостъ его обширнѣйшей учености.

Est, ubi peccat (*), отвѣчалъ я.

Тутъ ошворилъ Вольшеръ дверь и я увидѣль архивъ, въ которомъ было навѣрное до спа связокъ. „Эпо, сказалъ онъ, моя корреспонденція. Здѣсь видите вы почти пятьдесятъ тысячъ писемъ, и на всѣ я отвѣчалъ.“

Оспавляете ли вы у себя списки своихъ отвѣтовъ?

„По большей части. Это дѣло писца, котораго я нарочно держу для того.“

(*) И въ немъ есть погрѣшности.

Я знаю книгопродавцевъ, которые бы дорого заплатили за это сокровище.

„Когда вы вздумаете печатать какое нибудь сочиненіе, то имѣйте оспорожность говорить книгопродавцамъ, что уже не въ первый разъ дѣлаешесь издателемъ.“

Когда я буду постарше, то начну вопль съ чего—сказалъ я, и прочиталъ одну мако-роническую строфу (*) изъ Мерлина Коччи (Merlin Cossi).

„Что это такое?“ спросилъ онъ.

Строфа изъ одной знаменитой поэмы, въ 24 пѣсняхъ.

„Знаменитой?“

По крайней мѣрѣ достойной быть такою, а это гораздо важнѣе. Но нужно твердо знать Мантуанское нарѣчіе, чтобы чувствовашь все ея достоинство.

„Я ужь пойму. Доспавыте мнѣ ее.“

Завтра же буду имѣшъ честь вручить вамъ и попрошу васъ удержатъ ее у себя.

„Вы меня обяжете.“

Насъ позвали, и два часа прошли въ общесшвенныхъ разговорахъ. Великій поэтъ блисталъ и занималъ всѣхъ своимъ умомъ. И всегда могъ бытъ увѣренъ въ одобреніи, какъ бы ни говорилъ: сапирически или даже ѣдко.

(*) Родъ смѣшныхъ спихотвореній у Итальянцевъ, перемѣшавшихъ съ просионародными словами, которыми даны Лашыцкія, или какія нибудь другія сирашья оковчанія.

Онъ всегда смѣлся прежде самъ, а другіе въ слѣдъ за нимъ. Въ домъ его было все прекрасно убрано и устроено. Столъ однако же только что хорошъ. Онъ былъ тогда шестидесяти шести лѣтъ и получалъ сно двадцать пять тысячъ ежегоднаго дохода. Тѣ, которые утверждаютъ, что онъ сдѣлался богатымъ на счетъ книгопродавцевъ, весьма ошибаются. Напротивъ и другіе книгопродавцы, кромѣ Крамеровъ (*), которыхъ счастье онъ составилъ, богатыли на счетъ его. Онъ дарилъ имъ свои шворенія и это способствовало ихъ обогащенію. При мнѣ подарилъ онъ имъ Принцессу Вавилонскую, прекраснѣйшую повѣсть, которую написалъ въ три дня.

На слѣдующій день послалъ я къ Вольшеру письмо бѣлыми стихами, которые мнѣ спонили больше, нежели когда бы я написалъ ихъ съ римами. Тутъ же приложилъ я и стихопвореніе Теофила Фолиньо, но напрасно это сдѣлалъ. Надлежало бы догадаться, что оно ему не понравится. Въ полдень Вольшеръ не явился, но Денисъ меня за то вознаградила. При здоровомъ сужденіи, имѣла она вкусъ и начитанность безъ всякаго тщеславія. Фридрихъ II пользовался полнымъ ея уваженіемъ. Вольшеръ явился не равѣ пяти часовъ съ письмомъ въ рукъ. Знаете ли вы

(*) Вольшеровъ издапель въ Амстердамъ.

Сенашора Маркиза Албергаши Капоцелла въ Болоньѣ, и Графа Парадизи? спросилъ онъ меня.

Знаю Парадизи, а Албергаши только по слухамъ и по паружности. Однако онъ не Сенашоръ, а одинъ изъ Сороковичей, копорыхъ въ Болоньѣ пятьдесятъ.

„Воптъ шебъ на! вы говорише мнѣ загадку.“

Вы его знаете?

„Нѣтъ! но онъ прислалъ мнѣ театръ Гольдони, Болонскихъ колбасъ и переводъ моего Танкреда. Онъ хочетъ ко мнѣ прѣхать.“

Не прѣдетъ. Онъ для этого слишкомъ уменъ.

„Слишкомъ уменъ? какъ такъ? Но въ самомъ дѣлѣ, это большая глупость — посѣщать меня.“

Для Албергаши конечно. Ему очень хорошо извѣстно, что на это бы его не доспало. Теперь еще онъ обольщаетъ себя и утѣшается шѣмъ мнѣшиемъ, какое вы имѣте о немъ можете. Если же прѣдетъ, то долженъ бытъ увѣренъ, что вы увидите или его все или его ничего, и тогда прощай обольщеніе. Впрочемъ, онъ все останетъ славнымъ баричемъ, копорый продаетъ исправно свои шестъ тысячъ червонцевъ, и присирашенъ до бѣшенства къ театру. Онъ хороший актеръ и написалъ нѣсколько комедій въ прозѣ, надъ копорыми не смѣюся.

„Рекомендація хороша. — Но Сороковичъ и

вмѣстѣ Пятидесятникъ! Какъ это между собою вяжется?”

Точно также, какъ въ Базель въ одиннадцать часовъ бываетъ полдень.

„Понимаю. Точно также, какъ вашъ составъ десятерыхъ состоитъ изъ семнадцати членовъ.—Но чтобы возвратиться къ прежнему: Албергаши безъ сомнѣнiя человекъ ученый?” —

Онъ знаетъ свой опечесщенный языкъ и пишеть на немъ хорошо. Но онъ надѣдаеть чинашелю, потому, что охотникъ слушаеть самага себя. Крапкосни не досадаеть ему вовсе, а остроуміе его тупо.

„Онъ Акшеръ, говорите вы?”

Превосходный въ своихъ пьесахъ и роляхъ любовниковъ.

„Такъ онъ хорошъ собою?”

На театрѣ, но не вблизи. Лице его не говоритъ ничего.

„А пьесы его нравятся?”

Ни мало. Ихъ бы спали освиспывать, если бъ понимали.

„Что думаете вы о Гольдони?”

Онъ нашъ Мольеръ.

„За чѣмъ называетъ онъ себя спихошворцемъ Герцога Пармскаго?”

Ему захошлось пишудла. Герцогъ вовсе о томъ не знаетъ. Точно также называетъ онъ себя адвокатомъ, только потому, что

онъ могъ бы имъ бытъ когда нибудь. Онъ хорошій писатель комедій и тупъ все. Вся Венеція знаетъ, что я другъ его. Въ обществѣ онъ не замѣненъ, скученъ и вялъ.

„Такъ точно мнѣ его описывали. Говорятъ, что онъ бѣденъ и хочеть ославить Венецію. Это повредитъ Директорамъ театра, на которомъ даютъ его пьесы.“

Говорили было, чтобъ ему назначатъ пансіонъ, но не рѣшились на это. Думаютъ, что когда онъ будетъ получать годовой окладъ, то перестанетъ писать.

„Гомеру также отказали въ пансіонъ изъ опасенія, что все слѣпыя захотятъ пансіоновъ.“

День прошелъ очень весело. Вольперъ благодарилъ меня за мой Макарониконъ и обѣщаль прочесть его. Тупъ показаль онъ мнѣ Иезуита, принятаго имъ въ службу. „Хоть онъ и называется Адамомъ, сказалъ онъ мнѣ; но со всемъ не первый человекъ въ свѣтѣ.“ Мнѣ сказывали, что онъ играетъ съ нимъ въ трикиракъ, и когда Вольперъ проигрываетъ, то спаканы и коспи лепятъ на голову Иезуита.

Пришелъ и послѣдній день передъ моимъ отъѣздомъ. Мнѣ должно было еще насладиться бесѣдою великаго человека, но ему какъ будто нарочно угодно было показати мнѣ

себя надмѣннымъ, колкимъ, даже язвительнымъ.

Онъ началъ за споломъ пѣмъ, что хоня и благодаренъ мнѣ за подарокъ Мерлина-Коччи, котораго я конечно далъ ему не съ худымъ намѣреніемъ, но что вовсе не благодаренъ за похвалы, которыми осыпалъ я эпическую поэму, потому, что онъ потерялъ четыре часа на то, чтобы читать глупости. Волосы мои стали дыбомъ, но я скрѣпился и отвѣчалъ спокойно: если бъ онъ прочиталъ его еще разъ, то, можетъ быть, почилъ бы еще лучшимъ панигирикомъ, нежели каковъ былъ мой. Я рассказалъ ему много примѣровъ о недостаточности перваго чтенія.

„Это конечно правда, но съ вашимъ Мерлиномъ прощусь я навсегда. Я поставилъ его подлѣ Шапеленя.“

И въ немъ есть дурные стихи, сказалъ я, но онъ нравился всѣмъ знающимъ.

„Шапелень поэтъ. Его талантъ отъ меня не скрылся.“

Мое замѣчаніе должно было оскорбить его, и я конечно могъ того ожидать послѣ его словъ, что Мерлина поставилъ онъ подлѣ Шапеленя. Я зналъ объ одномъ сочиненіи, которое ходило по рукамъ и котораго онъ слылъ сочинителемъ. Но онъ опрелея и это заставило меня думать, что онъ скроетъ досаду на счетъ моего замѣчанія. Однако

нѣшъ. Онъ прошиворѣчилъ мнѣ съ колкос-
пю и желчью. Я самъ сдѣлался ѣдокъ. Въ
Шапеленѣ, сказалъ я, по достоинству, что
онъ успѣлъ сдѣлать предметъ свой пріят-
нымъ, не выманивая благосклонности чипа-
пелей Эшого мнѣнія и учитель
мой, Г. Кребильонъ.

„Вы ссылаепись на великаго судью. Но въ
чемъ былъ, если смѣю спросить, мой Кол-
лега-Кребильонъ вашимъ учителемъ?“

Онъ выучилъ меня менѣе нежели въ два
года говорить по Французски. Изъ благодар-
ности перевелъ я его Радамиста на Иша-
льянскій языкъ Александрійскими стихами. Я
первый изъ моихъ соотечественниковъ сдѣ-
лалъ опытъ эшого стихосложенія на нашемъ
языкѣ. —

„Первый—извините—былъ пріятель мой
Пепиръ-Яковъ Маршелли?“

Скорѣе извините вы мнѣ. —

„Да у меня есть его сочиненія, напеча-
танныя въ Болонѣ.“

У него стихи изъ чепырнадцати слоговъ,
но безъ перемѣны мужскихъ и женскихъ риемъ.
Не смотря на то эпопъ добрый малый пола-
галъ навѣрное, что онъ пишетъ Александринами.
Я не могъ не смѣяться, читая его предисло-
віе. Вы, можете быть, его не читали?

„Государь мой, я съ алчностью читаю
предисловія. Маршелли доказываетъ, что его

спихи точно такъ должны отъзываться въ ушахъ Испальянцевъ, какъ Александрины у Французовъ!“

Онъ сильно ошибся и вы разсудите сами. Вашъ мужескій спихъ имѣеть двѣнадцать слоговъ, а женскій шринадцать. Всѣ спихи Марпелли изъ четырнадцати, исключая только кончащихся длиннымъ слогомъ, копорый какъ извѣстно, на концѣ всегда идетъ за два. Теперь замѣните, что Марпелли въ первой строкѣ имѣеть всегда семь слоговъ, между тѣмъ какъ Александрины Французовъ содержатъ только по шести. Слѣдовательно вашъ пріятель Марпелли или былъ глухъ, или слышалъ фальшиво.

„Такъ вы соблюли въ своемъ Александрійскомъ спихѣ всѣ наши правила?“

Всѣ, хотя это споишь намъ большаго пруда, потому, что очень рѣдкое слово не оканчивается у насъ коронскимъ слогомъ.

„Каково же подѣйствовало новое ваше спихосложеніе?“ —

Не понравилось, потому, что никто не умѣлъ читать въ слухъ спиховъ моихъ. Однако, когда я самъ въ нѣкоторыхъ общесствахъ читалъ ихъ, то не лишали меня моего шріумфа.

„Помните ли вы сколько нибудь изъ вашего Радамисна.“

Сколько вамъ угодно.

Тутъ я прочиталъ ему иго самое мѣсто, которое за десять лѣтъ передъ тѣмъ въ бѣлыхъ стихахъ читалъ Кребильону, и мнѣ показалось, что они сдѣлали на него впечатлѣніе. „Не замѣтно, сказалъ онъ, принужденія“—а это самая большая похвала, какую только онъ могъ сдѣлать. Тутъ прочиталъ и онъ мнѣ одно мѣсто изъ своего Танкреда, который иогда еще не былъ извѣстенъ въ публикѣ. Справедливо признанъ онъ въ послѣдствіи мастерскимъ произведеніемъ.

Мы бы хорошо разошлись другъ съ другомъ, если бѣ, къ несчастію, не сослался я въ похвалу ему же, на одно мѣсто изъ Горация. Это привело его къ замѣчанію, что Гораций великій учитель въ драматической поэзіи, и что его ученіе никогда не соспартвѣнся.

Только одно изъ его правилъ нарушаете вы, но вы дѣлаете это какъ прилично великому человѣку.

„Какое же?“

Вы пишете не такъ, чтобъ бытъ *contentus paucis lectoribus* (*).

.....

Желая переменить разговоръ, Вольтеръ спросилъ меня, откуда я пріѣхалъ.

Изъ Рохеса, отвѣчалъ я. Оставить Швейцарію, не выдавъ знамениаго Галлера—эпо-

(*) Довольно немногими читателями.

го я бы никогда не проспиль себѣ. Для меня наслажденіе привѣтствовать великіе умы настоящаго времени и вы меня къ тому заохопили.

„Г. Галлеръ вѣрно вамъ понравился.“

Я провелъ у него три пріятнѣйшіе дня.

„Поздравляю. Онъ человекъ, передъ копорымъ надобно благоговѣть.“

Я то же думаю. Вы отдасте ему должную справедливость. Жалю, что онъ вамъ не дастъ настоящей цѣны.

„Ха! Ха! можешь быть мы ошибаемся оба.“

Всѣ рукоплескали сему описанью. Онъ былъ сказанъ вдругъ, безъ замедленія и только потому, что нибудь значилъ.

Тутъ кончился разговоръ о литературѣ. Я оспавался нѣмъ, пока Вольперъ занимался общесствомъ. Пошомъ откланялся я Г-жѣ Денисъ, спросилъ у ней о порученіяхъ въ Римъ и пошелъ поговинься къ отъѣзду, не безъ самочувствія отъ послѣдняго моего спора съ симъ аплетомъ. Эпошъ же споръ оставилъ во мнѣ однако какое-то суровое чувство, копорое на десять лѣтъ сдѣлало меня спрогимъ судьей всего того, что читалъ я стараго и новаго изъ-подъ пера сего великаго человека.

Съ НѢМЕЦ. К.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

П о э т ъ.

Спроси меня, молодая дѣва,
 Къпо явился подъ пвой балконъ,
 И шумомъ сладкаго напѣва
 Встревожишь пвой прекрасный сонъ! —
 — Не бойся, дѣва! онъ пророкъ,
 Онъ выпилъ чашу опкровенья,
 А къ дивнымъ спрунамъ вдохновенья
 Не прикасается порокъ.
 Не бойся, дѣва! онъ придетъ
 Не какъ лукавый обольститель,
 Но какъ Небесъ Благовѣститель,
 Какъ добродѣтель, какъ поэтъ!
 Безплодно онъ тебя обниметъ,
 Какъ нѣжный ароматъ цвѣтовъ
 И снова арфу въ руки приметъ
 И загремитъ пвоя любви!

К * * *.

Т р и с л е з ы.

Когда, разлукой упомлещный,
 Другъ вѣрный друга обойметъ
 И нѣжной лаской оживлещный,
 Слезу на грудь его прольетъ —
 Слезу *восторга*, упоенья! —
 То какъ она тепла, ясна,
 Какъ радость въ душу льетъ она —
 Какъ духъ исполненья восхищенья! —

Когда жь оппиметь грозный рокъ
 Все сердцу милое, родное,
 И въ грудь вопьсися горе злое,
 Когда, какъ сорванный листокъ,
 Спрадалецъ бѣдный изсыхаеть,
 Тогда слеза въ очахъ блиспаеть
 Слеза *тоски*; — но ахъ! она
 Какъ лдь убійственна — хладна!

Когда же върой укрѣпленный
 Несчастный все перенесеть —
 И при моливѣ умиленной
 Слеза *души* въ очахъ блеснеть —
 Тогда, какъ рѣдкій перлъ воспока,
 Капнися чистая она,
 И грудь спрадальца, — жершвы рока
 Небесной радости полна!

А. Грековъ.

С М Ъ С Ь.

А Н Е К Д О Т Ь.

„Скупость не глупость!“, говорятъ въ свѣтѣ; —
 многіе держатся этой пословицы, за то и многихъ
 доводишь она до глупости: — какой-то дѣлецъ, ка-
 кого-то присуственаго мѣста, имѣя впрочемъ по-
 рядочный досташокъ, любилъ поѣсть, попить на чу-
 жой счетъ; оно вѣдь и не бѣда! Но товарищи прия-
 шеля рѣшились въ свою очередь *надуть*, или нака-

затѣ его: — они приглашаютъ почтеннѣйшаго въ Энгельгардтской маскерадѣ, для иностранцевъ, во вторникъ на первой недѣлѣ Великаго Поста. Почтеннѣйшій охотно принимаетъ это приглашеніе, и ируетъ съ Нѣмцами Французами и т. д. — Но Нѣмцы, Французы и т. д. — угощая почтеннѣйшаго, шепнули, между шѣмъ, кому о шомъ вѣдать надлежитъ, что ихъ гость Греко-Россіянинъ. . . . На другой, или претій день, почтеннѣйшій является въ присутствіе — и ему предъявляютъ шребованіе Начальства о взысканіи съ него 25 ру. штрафа, — за пирушку съ Нѣмцами. Къ довершенію горя, — чиновники собираютъ между собою на сей предметъ подписку, — [а почтеннѣйшій былъ богаче многихъ изъ этихъ чиновниковъ!] — и онъ восклицаетъ въ досадѣ: „чертъ возьми! . . или никогда, впередъ, не буду имѣть дѣла съ Нѣмцами, — или, чпобъ не плащитъ штрафа, самъ пойду въ Нѣмцы!“

Probatum est.

Н О В О С Т И.

Въ Парижѣ, въ Collège de France учреждены три новыя каедры: Археологін, Государственнаго хозяйства и сравнительной, философической исторіи всѣхъ законодательствъ;—эти каедры занимаютъ нынѣ Гг. Шампольонъ, Жанъ-Баптистъ Сей и Шерминье.

Въ одномъ Парижскомъ журналѣ напечатано: «кпо 9 Марша былъ въ залѣ большой оперы, потъ думаетъ теперь только о Паганини, бредить во снѣ о Паганини, не видить и не слышать ничего, кромѣ Паганини! . . . Министерство, Испалія, Испанія, все, все, забыто совершенно! Если бы Паганини могъ играть, на своей скрипкѣ, въ такомъ мѣстѣ, откуда слышала бы его цѣлая Франція, то о полниикѣ не было бь болѣе ни полслова. Если бы онъ могъ играть такъ, чтобъ его слышала вся Европа, то никому бы не пришло и въ голову ни о войнѣ, ни объ мирѣ!

»Одинъ изъ Парижскихъ упренныхъ листковъ рассказываетъ, въ шутку, слѣдующее: *»Байлотъ* разбилъ спачама свою скрипку, а потомъ разбился самъ; *Лафонъ* повѣсилъ скрипку и повѣсился возлѣ нее; *Бервотъ* бросилъ свою скрипку въ Сену и прыгнулъ самъ туда же,—по не за тѣмъ, чтобы спасти ее!»

О первомъ концертѣ Паганини напечатана въ *Journal des Débats*, подробная рецензія, извѣстнаго музыкальнаго сочинителя *Кастилля Блаза*, начинающаяся слѣдующею, какъ наши читатели увидятъ сами, весьма пельною музыкальною фразою: «болѣе всего достойнѣйшее удивленія, рѣдчайшее, поразительнѣйшее, чрезвычайнѣйшее, чудеснѣйшее, невѣроятнѣйшее, неслыханнѣйшее, неожиданнѣйшее, непостижимѣйшее, неподражаемѣйшее стой! мнѣ кажется что шевелился Г-жа Севиньи! . . Но что мнѣ за дѣло? . чѣмъ виноватъ я, что ей дано было преиму-

щество жить 150 годами прежде меня на свѣтѣ, и что она, такъ сказать, схватила у меня подъ носомъ фразу, безъ которой мнѣ не возможно объяснить того, что я видѣлъ и слышалъ? « Въ заключеніе своей рецензій, рецензентъ даетъ благой совѣтъ неимущимъ любителямъ музыки: продать или заложить все, что только продать или заложить можно, лишь бы имѣть случай слышать Паганини.

7 Марта скончался въ Алленбургѣ Капцлеръ *Габеленцъ*. Кончину этого добраго, почтеннаго спарца оплакиваютъ все, отъ Герцога и до послѣдняго поденщика.

Въ одномъ Нью-Йоркѣ издается на нынѣшній годъ 51 журналъ. Для напечатанія ихъ пошребно 33,000 стоиъ бумаги, которыхъ стоиютъ 133,000 долларовъ.

Англійскому Королю поднесли недавно экземпляръ *Новаго Заветъа*, который почитается чудомъ Типографскаго искусства: онъ напечатанъ золотыми буквами на фарфоровой бумагѣ. Доселѣ не было примѣра, чтобы печатали такимъ образомъ на обѣ стороны. Печатаніе продолжалось равно два года.

Въ Англіи и Валлисѣ считается цынь 13,348 Адвокатовъ.

СОДЕРЖАНІЕ No. XXXIV.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза:* Казанова у Вольпера. *Стихотворенія:* Поэзія; соч. К. Три слезы; соч. А. Грекова. СМѢСЬ. Анекдоты. **НОВОСТИ.**

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдельнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 28 Апрѣля 1831 года.

Ценсоръ П. Гаевскій.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

Н О В О Б Р А Н Е Ц Ъ.

(П о в ѣ с т ь.)

Лучшее общество города Карантаня, посѣщавшее Графиню Де , собралось у ней по обыкновенію своему, въ одинъ изъ Ноябрьскихъ вечеровъ 1793 года. По нѣкоторымъ обстоятельствомъ, важнымъ только для небольшого городка, сіе условленное собраніе возбудило, именно, въ эпоху вечеръ, живѣйшее любопытство посѣпителей.

За два дни Графиня Де не принимала никого, и еще наканунѣ, жалуясь на сильную болѣзнь, отказывалась отъ своего круга.

Въ обыкновенное время, эти два приключенія, сдѣлали бы на Карантань такое же впечатлѣніе, какое дѣлаеть на Парижъ закрытіе шамонскихъ театровъ. Жители могли бы назвать свое существованіе несовершеннымъ. Но въ 1793 году, поступки Графини Де могли имѣть самое пагубное вліяніе на ея будущность; ибо тогда малѣйшее смѣлое

предпріятіе, почти всегда влекло за собою вопросы, о жизни или смерти одного изъ дворянъ.

Впрочемъ, чтобы лучше разгадать любопытство и хитрость, оживлявшія **Вормандскія** фізіономіи посѣпителей того вечера, въ особенности же, чтобы лучше раздѣлишь тайное смятеніе Графини Де . . . , необходимо объяснить роль, какую занимала она въ Карантанъ. Положеніе ея въ эту минуцу было споль же зашруднительно, какъ и многихъ другихъ во время революціи; можешъ быть участіе не одного чипашеля, дополнишь рассказъ нашъ.

Графиня Де была вдова заслуженнаго Генераль-Лейпенапта, оставившаго Дворъ вмѣстѣ съ прочими Эмигрантами. Она удалась въ свои богатыя помѣстья, въ окрестностяхъ Карантаня, надѣясь укрыться тамъ отъ ужасовъ революціи. Такое предположеніе основывалось на точномъ познаніи мѣстности; ибо грозная лава, опустошившая почти всю Францію, едва лишь коснулась тогда Нормандіи.

Прежде, пріѣзжая осматривать свои владѣнія, Графиня Де знакомилась только съ значнѣйшими обитателями той страны; — шеперь, для вида, она принимала у себя главныхъ гражданъ города и новыхъ посѣпителей; заставляла ихъ гордиться своимъ знакомст-

вомъ, не возбуждая однако же въ нихъ низависпни, ни ненависпни. Графиня соединяла въ себѣ тонкое знаніе свѣта съ необыкновенною душевною доброшою, и была одарена пою невыразимою любезностью, копорая невольно нравишя каждому, пою провинциальностью, съ помощію коей она умѣла удовлетворять всѣмъ пребованіямъ смѣшаннаго общеспва, не унижая гордостп эмггранпки.

Ей было около придцати восьми лѣтъ; она не имѣла уже полноты и свѣжестп жещинѣ Нижней Нормандіи, но сохранила еще ту миловидность и красоту, копорья можно назвать аристокрапическими. Когда начинала она говорить, блѣдное лице ея свѣтлѣло и оживлялось, большіе, черные глаза исполнялись добродушія, но ихъ спокойное, религиозное выраженіе высказывало ясно, что въ Графинѣ не было главной жизненной основы . . .

Де . . . вышла замужъ, въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ, за стараго, ревниваго война; странность ея положенія, среди блестящаго, изнѣженнаго Двора, не мало способствовала пому, что подъ покровомъ важной меланхоліи, скрывался образъ, въ коемъ нѣкогда должныспвовали бы опсвѣчиванься вся предеспь, и весь огонь любви. Въ попь возрастѣ, когда женщина способна полько чувствования,

не размышляя, Графиня принуждена была итти свое живое чистосердечіе, и спрасить дѣвствовала въ ея неопытномъ сердцѣ . . . Искренностію молодости она привлекала къ себѣ всѣхъ; въ ея обращеніи, въ ея голосѣ всегда было что-то похожее на льстивое привѣтствіе молодой дѣвушки; — самый нечувствительный человекъ не могъ оставашься при ней равнодушнымъ; но и самый пылкій не могъ перейти предѣловъ робкой почтительности; ибо и въ самой упонченной вѣжливости Графини, выказывалась душа, окрѣпнувшая въ жестокой борьбѣ превращенной, вознесшаяся ошъ всего обыкновеннаго, и пребующая сильной, возвышенной спраси. Всѣ вѣжныя чувствованія Графини Де . . . слились, казалось, въ одно чувство, — и это чувство было — маперинская любовь . . . Бывъ лишена радостей и наслажденій женщины, она находила все въ одной чрезмѣрной любви къ своему сыну. Любовь сія была выше обыкновенной чистой, глубокой привязанности маперы; въ этой любви была замѣтна спраснь любовницы и даже ревность супруги. Безъ сына Графиня считала себя несчастною; она не могла имъ налюбовашься, она жила имъ, и жила только для него!

Чтобы яснѣе понять всю силу такого чувства, должно прибавить, что этотъ сынъ былъ не только единственный сынъ Графи-

ни Де но и послѣдняя отрасль фамилин покойнаго опца, единое существо, на которомъ основывались ея надежды и радости въ жизни.

Все способствовало къ развитію въ сердцѣ Графини чувства, и безъ того уже сильнаго въ сердцѣ женщины. Ей спойло многого воспитаніе сына: шѣмъ болѣе былъ онъ для нее дорогъ! Не разъ Доктора предсказывали ему скорую кончину; но вѣруя въ свои предчувствія, въ надежды матери, она, съ невыразимою радостію, на зло всѣмъ приговорамъ Факультета, видѣла какъ счастливо сынъ ея миновалъ опасности дѣлшва, развивался постепенно, укрѣплялся предъ ея глазами, и наконецъ въ двадцать лѣтъ прослылъ красивѣйшимъ юношею среди молодежи цѣлаго Версаля . . . Графиня была обожаема своимъ сыномъ, а это не есть общій удѣлъ матерей. Они, пакъ сказать, мѣнялись сочувствіемъ брапской любви, и если бы не соединяли ихъ даже узы природы, и тогда они породнились бы взаимною дружбою, столь рѣдкою между людьми! . . . На семнадцатомъ году рода, молодой Графъ былъ Подпоручикомъ Драгунскаго полка; покорный священному глазу чести, онъ послѣдовалъ за Принцами—Эмигрантами. Бывъ матерью знашнаго и богатаго изгнанника, Графиня Де вполне постигала всю опасность своего положенія.

Только желаніе, сохраниль богашее наследство сыну, препяшествовало ей быль съ нимъ вмѣстѣ. Чипая строгіе законы, по коимъ республика ежедневно опшнмала имущество у Эмиграншовъ, находившихся въ Карантанѣ; она радовалась побѣдѣ, одержанной ею надъ собою: сохраненіе богатства для сына могло споить ей жизни. По слухамъ, Графиня знала о жеспокихъ приговорахъ Конвенша, но она засыпала спокойно, въ поѣ увѣренности, что единственное богатство ея было въ опасости, далеко опъ гильшинъ и эшафоповъ она охотно вѣрила самой себѣ, что избрала лучшее средство для спасенія сына и его имущества.

Принося эшой сокровенной мысли всѣ возможные жерщвы, какихъ пребовали погдашнїя несчастныя обстоятельствова, но не измѣняла ни своему достоинству, ни образу мыслей, Графиня облекала страданія свои холодною, непроницаемою тайною . . . Она хорошо понимала свое затруднительное положеніе въ Карантанѣ. Занимать тамъ первое мѣсто, не значило ли ежедневно ожидать эшафона? . . . Но поддерживаемая бодростію, свойственною однѣмъ только машерямъ, она умѣла привязать къ себѣ всѣхъ бѣдныхъ, помогая имъ въ ихъ нуждахъ, и сдѣлалась необходимымъ въ обществѣ богашыхъ.

У Графини бывали: Прокуроръ, Меръ, Мар-

шалъ, Спряпчій, и даже Судьи революціоннаго Трибунала. Первые изъ чепырехъ посѣщителей—люди холоспые, имѣли въ виду женишьбу, для доспихенія коей, они или спращали Графиню; или предлагали ей свое кровисельство. Спряпчій, бывшій нѣкогда Прокуроромъ въ Каенѣ и повѣреннымъ по дѣламъ Графини, думалъ своимъ поведеніемъ, исполненнымъ благородства и преданности, внушить ей чувства любви; опасная понкоспъ!—Этотъ искапель былъ страшнѣе всѣхъ. Онъ зналъ въ подробности огромное состояніе своей прежней Каіеншки, и сласть его, основанная на алчной скупости, и на неограниченной власти дѣлалъ приговоры къ жизни и смерти, увеличилась примѣшно. Онъ былъ молодъ, и поступки его казались столь благородны, что Графиня Де не могла еще рѣшишельно судить о немъ. Пренебрегая опасностями боролся съ инокоснію Нормандцевъ, она противопоставила имъ изобрѣшательный умъ и хитроспъ, коими природа надѣлила женщинъ.

Между тѣмъ, выигрывая время, она ожидала благополучнаго конца общаго смашенія, ибо тогда роялисты льстили уже себя надеждою: со дня на день видѣшь окончаніе революціи; и эша надежда была причиною гибели многихъ!

Не смотря на всѣ затрудненія, Графиня

умѣла сохранить свою независимость до самаго того дня, когда вздумалось ей по какому-то непонятному капризу опказать гос-пнямъ. Всѣ принимали живѣйшее участіе въ ея положеніи, и съѣхавшіеся къ ней на вечеръ посѣшители были не мало встревожены, узнавъ, что она не расположена принять ихъ.—Съ чистосердечіемъ и любопытствомъ провинціаловъ, они освѣдомлялись о несчастіи, или болѣзни постигшей хозяйку дома; но на всѣ разспросы, старая служанка Бригидна отвѣчала только, что госпожа ея заперлась и не допускаетъ къ себѣ даже своихъ домашнихъ.

Жители небольшого городка, привыкши къ образу жизни, почти затворническому, обыкновенно анализируютъ, и по своему исполковываютъ дѣйствія и поступки другихъ. Пожалѣвъ о Графинѣ Де, но не зная, несчастна ли она, или только огорчена, каждый принялся изыскивать причины ея внезапнаго уединенія.

Если бы она захворала, сказалъ первый изъ любопытствующихъ, то послала бы за Докторомъ, а онъ цѣлый день просидѣлъ у меня за шахматомъ, и говорилъ смѣясь, что для лежачаго времени, только одна болѣзнь но и та неизлѣчима.

Эта смѣлая шушка, произвела удачное дѣйствіе.

Женщины, мужчины, спарики и дѣвицы пуспились въ обширное поле догадокъ. Всѣ предполагали какую-то шайну, занимавшую воображеніе каждаго. На другой день подозрѣнія сдѣлались болѣе язвительны. Образъ жизни на виду въ маленькомъ городкѣ: женщины первыя встрѣпили Бригиду на рынкѣ съ большимъ количествомъ запасовъ, нежели сколько покупалось оныхъ обыкновенно, и что всего удивительнѣе, она купила оспальнаго зайца! Весь городъ зналъ, что Графиня Де не любила дичи. Заяць послужилъ къ новымъ безконечнымъ предположеніямъ. Спарики, прохаживаясь по обыкновенію своему, замѣпили въ домѣ Графини какую-то суешу, которую при всѣхъ предосторожностяхъ не могли скрыть слуги; въ саду выбивали коверъ. День назадъ, никто бы не обратилъ на это вниманія; но теперь коверъ сдѣлался основою новаго романа,—а у каждаго былъ свой.

На другой день, когда узнали, что Графиня Де сказала нездоровою, главнѣйшія особы Караншаня собрались на вечеръ, къ брашу Мера, старому женашному негціаншу, человеку честному, уважаемому всѣми и въ особенності Графинею. Туда явились и всѣ искашели руки богашой вдовы, съ запасомъ басень, болѣе или менѣе правдоподобныхъ.—Каждый изъ нихъ шолковалъ въ

свою пользу тайное обстоятельство, побудившее Графиню къ такому странному поступку. Стряпчій составилъ цѣлую драму, чтобы ночью ввести въ домъ Графини ея сына. Меръ подозрѣвалъ у нее госпія, какого нибудь Священника изъ Ванде, не присягнувшаго на гражданство; но купленный заяцъ и, къ тому же, пляшица проотиворѣчили его догадкамъ. Маршалъ увѣрялъ, что Графиня кровопильствуешъ какому нибудь преслѣдуемому предводителю приверженцевъ Короля. Другимъ опять казалось, что они видѣли дворянина, ускользнувшаго изъ Парижской пемницы. Словомъ, всѣ подозрѣвали Графиню въ одномъ изъ великодушныхъ поступковъ, или преступленій, ведущихъ по тогдашнимъ законамъ, къ эшафоту. Впрочемъ, Стряпчій говорилъ кое-кому на ухо, что должно молчать, а между тѣмъ постараться извлечь погибающую изъ пропасти. „Если вы разгласите это дѣло . . . прибавилъ онъ то я по неволѣ вмѣшаюсь, сдѣлаю осмотръ . . . и тогда! . . .“

Искренніе друзья Графини до того были встревожены, что на предвѣе утро, Прокуроръ заставилъ свою жену написать къ ней, и посовѣтовать: принявъ, по обыкновенію у себя гостей.

Старый негодіаншъ былъ смѣлѣе другихъ; онъ пришелъ по утру къ Графинѣ Де

и увѣренный въ важности своей услуги, хотѣлъ непременно ее видѣть. Спарикъ осполбенѣлъ отъ удивленія, найдя Графиню въ саду. Она срѣзывала на грядахъ оспальные цвѣтны, для украшенія комнатныхъ вазъ.

Вѣрно здѣсь скрывается ея любовникъ! подумалъ Негоціантъ, принимая полное участіе въ судьбѣ прекрасной женщины. Спранное выраженіе лица Графини, какъ бы, подтвердило его догадки. Чувствительный къ эпой безмолвной довѣренности, споль еспешвенной въ прелестномъ полѣ, и споль прогательной для насъ, (кому не леспно знать, какъ женщина жершвуепъ собою мужчинъ!) Негоціантъ разсказалъ Графинѣ всѣ городскіе толки и опасность, ей угрожавшую!

Если и еспъ, „такъ заключилъ онъ рѣчь:“ между нашими чиновниками люди, кошорые охотно проспнятъ вамъ героизмъ, имѣющій предметомъ Священника, за то никпо не спанепъ сожалѣшь объ васъ, когда узнаютъ, что вы жершвуепе собою ради сердечной связи.

При сихъ словахъ Графиня Де взглянула на спарика съ видомъ помѣшательсшва и безумія. Онъ задрожалъ

Пожалуйше сюда, сказала она, взявъ его за руку.

Графиня ввела спарика въ свою комнату. „Чшайше!“ вскричала она, подавая ему письмо,

которое было спрячано у груди ея;—и почти замертво упала въ кресла.

Пока старый Негоціантъ доставалъ очки, и протиралъ въ нихъ стекла, Графиня пришла въ себя и вперивъ на него свои взоры, разсмапривала его въ первый разъ съ любопытствомъ; попомъ, тихо и дрожащимъ голосомъ проговорила: Я ввѣрю себя вамъ! . . .

— Развѣ я не для того и пришелъ, чтобъ раздѣлишь съ вами ваше преступленіе? . . . ошвѣчалъ добродушный старикъ. Она вздрогнула. Въ этомъ маленькомъ городкѣ, ея высокая душа впервые сближалась съ другою душою.

Старикъ узналъ причину изнеможенія и радости Графини. Сынъ ея участвовалъ въ Грандвильскомъ походѣ, былъ взятъ въ плѣнъ, и писалъ къ ней изъ мѣста своего заключенія, обнадеживая и вмѣстѣ опечаливая. Не сомнѣваясь въ средствахъ къ побѣгу, онъ увѣдомлялъ, что по истеченіи трехъ сутокъ придетъ къ ней переодѣтымъ. Рокое письмо оканчивалось мучительнымъ прощаніемъ, если онъ въ вечеру претяго дня не будетъ въ Карантанъ. Еще просилъ онъ мать, щедро наградишь подашеля письма, который отважился идти къ ней среди тысячи опасностей.

Бумага дрожала въ рукахъ старика.

— И вошь третій день! . . . вскричала

Графиня Де вставая, взяла письмо, и начала ходить скорыми шагами по комнатѣ.

— Вы поступили неоспорочно! сказалъ Негоціантъ. Къ чему было пакъ много закупать? . . .

— Но онъ, придешь, можешь быть усталый, умирая съ голоду и Она не могла договорить.

— Я увѣренъ въ моемъ братѣ сказалъ шарикъ, я сообщу ему ваше положеніе

Тогда Негоціантъ, съ обыкновенною ему нѣкогда тонкосцію въ дѣлахъ, далъ ей нѣсколько благоразумныхъ и прозорливыхъ наставленій. Условясь какъ поступать, шарикъ, подъ искусно выдуманнми предлогами, заходилъ въ лучшіе дома Каранпаня, и объявилъ шамъ, что видѣлъ Графиню, и что она, не смотря на свою болѣзнь, намѣрена вечеромъ принять у себя гостей.—Онъ съ большимъ затрудненіемъ могъ отвѣчать на всѣ вопросы, касавельно болѣзни Графини; наконецъ успѣлъ переувѣрить особъ, коихъ пакъ много занимало это таинственное приключеніе. — Первое его посѣщеніе надѣлало чудесь. Онъ рассказывалъ въ присутствіи одной спарушки, спрадавшей подагрою, что Графиня едва было не умерла отъ этой же болѣзни. Знаменишый Тронхинъ предписалъ ей прикладывать къ груди кожу, содранную съ живаго зайца, и

лежать въ постелѣ безъ малѣйшаго движенія; слѣдую такому странному образу леченія Г-на Тропхина, Графиня, бывшая два дни назадъ при смерти, теперь ей почувствовала облегченіе, и можетъ принять гостей. Этотъ разсказъ имѣлъ удивительный успѣхъ, тѣмъ болѣе, что Докторъ Караншаня, тайный роялистъ, увеличилъ вѣроятіе онаго своимъ безприсраснымъ сужденіемъ о ученомъ, но странномъ врачеваніи.

Не смотря на сіе, въ головахъ нѣсколькихъ упрямыхъ философовъ подозрѣнія слишкомъ глубоко пустили свои корни, и не могли быть совершенно уничтожены, такъ что знакомые Графини собрались къ ней на вечеръ, ранѣе обыкновеннаго: нѣкоторые для того, чтобы наблюдать за нею, другіе изъ дружбы, а большая часть изъ удивленія ея чудесному выздоровленію.

Графиня, по обыкновенію своему, сидѣла въ залѣ у большаго камина. Комната была также просто убрана какъ вообще въ Карантанѣ; ибо, чтобы не оскорбить малодушія гостей, она отказала себѣ въ наслажденіяхъ роскоши, къ которымъ привыкла, и потому все оспавалось по старому. Полъ въ гостиной даже не былъ наощенъ, обои и мебели почернѣли, а на столахъ стояли свѣчи.

Слѣдуя городскимъ модамъ, она вмѣстѣ придерживалась и образа жизни провинціа-

ловъ. Давая великолѣпные обѣды, Графиня Де ничего не щадила для угощенія, зная чпо въ глазахъ посѣтителей. такого рода роскошь не предосудительна. Она припворялась даже скупой, чптобы нравилсья эшимъ расчепливымъ умамъ, и какъ будшо вынуждаемая къ нѣкопоруому роду роскоши, умѣла быть любезною хозяйкою.

(Окончаніе въ слѣдующемъ No.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

С К О Т И Н И Н Ъ и С В И Н Ъ Я .

Б л а с н я .

Скопипипу одипъ знакомый говорилъ,

Чшо опъ напрасно

Такъ спрашно

Свиней любилъ,

Чшо даже и опасно

Бываетъ опъ свиней.

»Ну пакъ, вѣдь ты, братъ, всѣхъ умный!

Чего свиней мнѣ опасаться?

Опъ меня и любящъ и боляся.

А безъ свиней, ей, ей тебѣ не лгу,

И жить я не могу:

Я выросъ со свиньями.

Какъ ты межъ умными людьми,

И знаю, сказано тебѣ будь не во гнѣвъ,

Получше, нежели вы всѣ, свиной мой хлѣвъ.

Не думай, чшобъ меня Хавронья укусила:
 Велико слово, говорю,
 Разчепверю, разпяперю,
 Повѣшу на чердакъ окорока безъ рыла.
 Безграмошный Тарась,
 Вѣрь право, не глушій всѣхъ грамошбевъ васъ.«—
 Въ пезоименипесство свое, иль имениніи,
 Скопипинитъ вздумалъ сдѣлать пиръ,
 Сказатъ шакъ, на весь міръ,
 Сосѣдей пригласилъ, родныхъ всѣхъ Проспаковыхъ,
 Надѣлъ съ голушникомъ капральскій свой мундиръ,
 И воптъ въ сапожкахъ новыхъ
 Идетъ опъ съ важностью на задній, скопный дворъ,
 Свиной, свиной въ гризи его шамъ шцептъ взоръ.
 »Аксюпушки! гдѣ вы? На смопиръ передо мною!«
 И воптъ одна бѣжишь къ нему свинья свиныею (*),
 Обрадовалась шакъ, чшо мигомъ сшибла съ ногъ.
 Скопипинишъ, хоптъ Капраль, но устояишь не могъ,
 Въ обноткѣ поскользнулся
 И замерпиво упалъ—кой какъ чрезъ часъ очнулся
 И видиптъ, чшо мундиръ, копорый шакъ берѣтъ,
 Испачканъ, изорванъ!—и дядя Мипротана
 Оспался безъ кафпана,
 Да съ мѣсяць охал, на лавкѣ пролежалъ,
 Другой попомъ хромалъ
 И все Аксюпку проклиналъ.
 * * *
 Чемъ при свиньяхъ всегда осперегаишья,
 Не лучше ли опъ нихъ, коль можно, удаляишья,
 Чшобы не замараишья?

15 Января 1831.

А. Измайловъ.

(*) Украдено изъ Басни И. А. Крылова. *Прим. Соч.*

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

33) *Петръ Ивановичъ Выжигинъ*, право-описательный историческій романъ XIX вѣка. Соч. Фаддея Булгарина. 4 части, С. п. б. 1851 года, въ типографіи Плюшара. — Живость разсказа, занимательность происшествій, вѣрно и рѣзко оштѣпенные характеры,—припомъ чистота и правильность языка, (съ копорою не слишкомъ часто встрѣчаемся мы во многихъ Русскихъ книгахъ,) вопъ опличительныя свойства новаго романа Г. Булгарина.—Романъ сей напечатанъ на хорошей любской бумагѣ, украшенъ тремя превосходно гравированными картинками, и продается въ книжныхъ лавкахъ издателя онаго, здѣшняго книгопродавца И. И. Заикина. — Цѣна 15 руб. съ пересылкою въ другіе города 18 руб. ,

Ф Р А Н Ц У З С К І Й Т Е А Т Р Ъ.

Женитба для денегъ (mariage d'argent) новая ком. въ 5 дѣйств.; *утро и вечеръ, или певъста и залуженія*, водевилъ въ 2 дѣйств. (на мал. п. 25 Апрѣля.)

Содержаніе первой пьесы слѣдующее:

Дорбеваль, Полинъ и Оливье были некогда школьными шоварищами.—Первый изъ нихъ, съ ограниченнымъ умомъ, но съ деньгами, сдѣлался банкиромъ и женился на бѣдной за то прекрасной, воспитанной дѣвушкѣ; впорой, образованный, пылкій юноша, из-

бралъ военное званіе; а третій, не одаренный богатствомъ, но одаренный познаніями и талантами, равно пламенною, благородною душою, посвятилъ себя искусивамъ—и, при покровительствѣ стараго Генерала де Бриеннъ, сталъ опличнымъ живописцемъ.

Полнныя вступился, однажды, въ общество за Дорбеваль и дрался на поединкѣ; Дорбеваль, цѣня такое дружеское пожертвованіе, какъ банкиръ, по своему курсу, хотѣлъ бытъ благодарнымъ, и вызвался купить для Полнныя выгодное мѣсто Agent de change; мѣсто, на кошпоромъ, какъ говорилъ онъ, можно было нажить огромное состояніе! Но для такой покупки требовалась и огромная сумма денегъ; а у Полнныя всего навсего было 200,000 франковъ; благодарный, услужливый Дорбеваль предлагаетъ ему руку своей племянницы Германсъ, съ 500,000 франковъ приданаго. Полнныя нѣсколько лѣтъ уже любилъ страстно милую, добродѣтельную дѣвицу и былъ взаимно любимъ ею; но эта дѣвица пожертвовала своею страстію дочерней любви; отецъ ея впалъ въ несчастіе; старый другъ его Генераль де Бриеннъ, (покровитель Оливье) могъ и желалъ помочь ему; но родители Амаліи не хотѣли принять помощи ни отъ кого, кромѣ своего зятя, — и та, которую любилъ Полнныя, отдавъ свою руку старому Генералу, уѣхала съ нимъ въ Россію. Между тѣмъ, Полнныя, привыкшій къ роскоши, и имѣвшій только 12,000 франковъ годоваго дохода, не имѣлъ средствъ удовольствовать многими сво-

имъ прихотямъ; въ это время, когда все еще любимая имъ Амалія болѣе прехъ лѣтъ находилась въ отсутствіи, ему предлагають богатую невесту и средства нажить огромное состояніе.—Кого не поколебало бы такое предложеніе?—Оно поколебало и нашего Полнши,—онъ согласился

Въ самый попятъ день возвращается изъ Россіи Г-жа де Бриеннъ и останавливается въ домъ Дорбевала, жена котораго была искреннею ея пріятельницею. Взаимная опкровенность подругъ, открываетъ зрителямъ, что Амалія уже вдова, и что по прежнему любимъ Полнши;—что въ Элизъ Дорбеваль видятъ они жертву корыстолюбія ея родственниковъ, которые прельсаясь богатствомъ банкира, выдали ее за мужъ, какъ говорится у насъ на святой Руси, за постымага! . . Крошкая Элиза повиновалась безмолвно; но скоро сердце ея впервые узнало любовь; предметомъ этой любви былъ влюбленный въ нее, пѣклю—молодой Нанжисъ.—Приходъ Дорбевала прерываетъ опкровенный разговоръ двухъ пріятельницъ; Дорбеваль знакомится съ Г-жею де Бриеннъ, о которой слышался прежде отъ жены своей, и опасается, чтобы неожиданный пріѣздъ ея не разрушилъ его плановъ, на счетъ женитьбы Полнши. — Узнавъ же, что Г-жа де Бриеннъ осталась вдовою, съ весьма ограниченнымъ состояніемъ, онъ важнымъ попомъ богача, обѣщаетъ ей свое покровительство.

Вырешная Германсъ вбѣгаетъ къ Элизъ, и вмѣсто

разказа о видѣнной ею, за пѣсколько предѣ пѣмъ минути, картинѣ Ольвие, изображающей прелестную Еврейку въ Ивангое, она съ восторгомъ рассказываетъ о нарядахъ дамъ, любовавшихся вмѣстѣ съ нею масперскимъ произведеніемъ художника. Г-жа Дорбеваль укрощаетъ эпотъ восторгъ и представляетъ ей свою подругу . . . Гернансъ упиверждаетъ, что хотя она никогда не видала Амаліи, но черты лица ея знакомы ей, и напоследокъ вспоминаетъ, что Еврейка въ картинѣ Ольвие, есть живое изображеніе Г-жи де Бриеннѣ.

Полинья узнаетъ о возвращеніи Г-жи де Бриеннѣ, узнаетъ что она свободна, видится съ нею, и узнаетъ опъ нее самой, что она все еще любитъ его, — онъ въ восторгѣ! . . Но въ эту минути Дорбеваль увѣдомляетъ его съ биржи запискою, что мѣсто *agent de change* куплено для него за 600,000 франковъ.—Полинья въ отчаяніи: онъ спѣшитъ уничтожить, если возможно, эту поупку, а съ нею, и препятствіе къ союзу съ милою, обожаемою имъ женщиною.—Во время его отсуствія, влюбленный Нанжисъ умоляетъ въ письмѣ Г-жу Дорбеваль назначить ему свиданіе; добродѣтельная Элиза читаетъ это письмо своей подругѣ; входитъ холодный, но ревнивый Дорбеваль, вырываетъ письмо изъ рукъ своей сунруги, пробѣгаетъ въ немъ слова: „*La plus aimable et la plus adorable de femmes!* Великодушная Амалія говоритъ, что это письмо писано къ

ней и что она просила только свою подругу отвѣчать за нее Нанжису . . . Дорбеваль смѣется, и самъ диктуетъ Элизѣ отвѣтъ.

Возвращаясь Полиньи, и говоритъ Дорбевало, что продавецъ мѣста пребудетъ 100,000 неустойки Дорбеваль, это ледяное существо, подшучиваетъ надъ спрастію своего друга, и, чтобы не плашиться, совѣтуетъ ему бѣжать въ Бельгію.—Потомъ рассказываетъ Полиньи о письмѣ Нанжиса, съ которымъ, по словамъ его, Амалія имѣла связь въ Россіи.—Полиньи пораженъ этимъ извѣстіемъ;—онъ спрашиваетъ Амалію при Элизѣ и Дорбеваль, она подтверждаетъ сказанное ею прежде и узнаетъ, что въ числѣ пріѣхавшихъ къ Дорбевало на вечеръ гостей былъ Нанжисъ, сѣвши съ нимъ видѣться; Полиньи старается удержать ее; по шестію: Амалія съ благородною гордостію отвѣчаетъ ему: *Je vous plains, mais je dois lui parler.*

Оскорбившійся этимъ Полиньи, предлагаетъ свою руку Гернансъ, и получаетъ ея согласіе Добрая Элиза открываетъ ему тайну письма,—онъ опять въ отчаяніи, опять желаетъ видѣть Амалію и испросить у нее прощеніе въ томъ, что смѣлъ подозрѣвать ее Элиза сѣвши къ своей пріятельницѣ, а Полиньи, между тѣмъ, наединѣ думаетъ и гадаетъ: что дѣлать ему съ Гернансъ. Отказавшись отъ нее казалось для него невозможнымъ . . . Входитъ Амалія, и Полиньи, вмѣсто того, чтобы про-

сить у нее прощенья, признается ей, что онъ влюбленъ въ Гернансъ

Амадія, пораженная такою неожиданностію и еще болѣе шѣмъ, что Полинья, какъ узнала она попомъ, жерпвуептъ се и собою единственною для денегъ, предлагаетъ ему достающіеся ей, послѣ покойнаго мужа 800,000 франковъ, свою дружбу—и рѣшается напоследокъ выдти за добраго, скромнаго Оливье, кошорый уже давно любилъ ее, и давно искалъ руки ея.

Блоспапешельный талантъ Г-жи *Virginie Bourbier* доставилъ непниное наслажденіе зриптелямъ. Сцена, въ которой Г-жа де Бриеннъ говоришь Дорбсвалю, что письмо Нанжиса писано къ пей, была отчетливо выдержана. Амадія видиптъ, что мужъ Элизы начавъ уже чинишь письмо, можетъ узнать, что оно писано къ его женѣ; желаніе спасти друга и собственное пожертвовање казалось боролше въ душѣ ея, но сила дружбы взяла верхъ. Твердое признаніе въ томъ же предъ Полинья, минуша, когда она видиптъ, что идя объяснишь се Нанжисомъ, чтобы спасти Элизу, будешь роковою минушою для ея счастья, что это помрачиптъ ее въ глазахъ Полинья, и будетъ поводомъ къ разрыву съ нимъ, была неподражаема. Но верхъ совершенства таланна Г-жи *Bourbier*, было явленіе въ которомъ неожиданно для нее признается Полинья въ любви своей къ Гернансъ. Сначала удивленіе, потомъ немая гореснь, прогающая душу разлвлась въ ея прекрасныхъ чертахъ. Не кривляемтъ, ни вскрикиваніемъ (которыя въ подобныхъ случаяхъ мы кое гдѣ видали), изобразила она свое отчаяніе; пѣптъ мимика ея прогала душу зриптелей. Словомъ омпъ начала пьесы до конца, Г-жа *Virginie Bourbier* по обыкновенію выдержала роль свою превосходно.

Г. *Genies* игрою своею въ роль Полинья соопвѣп-

ствовавъ игрѣ Г-жи Bourbier.

Г-жа Adèle, [Герпансъ] была очень мила, ловка и въпирена, какъ сама Герпанса.

Въ Г. Алфонсъ Априюксь, (Дорбсваль), мы видѣли богача, считающаго все счастье въ деньгахъ и соединенной съ ними роскошью, при помѣ человека недалежнаго ума, что такъ часто удастся видѣть въ богачахъ.

О Г-жѣ Люцъ, въ роль Элизы и Г. Поль, въ роль Оливье, сказала одна прекрасная дама, *Ils ne sont pas faits pour les rôles à sentiment*, и мы съ нею согласны.

Что касается до водевиля: *Утро и вечеръ*; то онъ принадлежишь къ числу тѣхъ пьесъ, для которыхъ жаль терять вечеръ въ писаниѣ, и написать утро чтобы писать о нихъ журнальную свашейку. Г. Монталанъ, какъ необходимая принадлежность водевилей, явился и въ этомъ полусуточномъ водевилѣ на сцену; и какъ человекъ характерный, игралъ такъ же дурно, какъ и всегда. . . . О немъ можно сказать: *Comme Chacun a son talent à soi, M. Montalan a son talent à lui: le talent d'ennyuer son monde.*

Э.

С М Ъ С Б.

ИЗЪ АЛЬБОМА ОДНОЙ ДАМЫ.

Располагая сердце наше къ любви, Богъ приуготовляетъ его къ горестямъ.

Нѣтъ ничего ужаснѣе мысли, что предметъ любви нашей счастливъ съ другою, что другая горитъ отъ его поцѣлуевъ!

Я и не думала, чтобъ онъ любилъ меня. Не люби онъ другой—и я, безъ ропота спану вѣчно молишься за него.

Что можетъ быть сладостиѣ мысли о томъ мгновѣннѣи, когда прахъ мой соединится съ прахомъ родныхъ, любезныхъ моему сердцу, съ прахомъ подругъ моей юности!

Есть слезы для счастливыхъ, есть слезы и для несчастныхъ,—все слезы! И такъ, велика разница между любовью и грустью, когда пла и другая источникъ слезъ? . .

Раскаившаяся грѣшница, по смерти, присоединяется къ лику святыхъ дѣвъ: она невѣста Христа Спасителя. Вотъ торжество Христіанской религіи!

Сердце наше непосижиимо, какъ непосижиимо все, происходящее отъ Бога!

Никто столько не сострадаетъ въ несчастіи ближнему своему, какъ молодая дѣвица, впервые влюбленная.

СО Д Е Р Ж А Н І Е №. XXXV.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза:* Новобранецъ. Повесть. *Стихотворенія:* Скопининъ и Свинья; соч. А. Измайлова. **БИБЛЮГРАФІЯ.** Пётръ Ивановичъ Выжигинъ, **ТЕАТРЪ.** Женитьба для денегъ. Утро и вечеръ, или невѣста и замужняя. **СМѢСЬ.** Изъ Альбома одной дамы.

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 30 Апрѣля 1831 года.

Ценсоръ П. Гаевскій.

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

Н О В О Б Р А Н Е Ц Ъ.

(П о в ѣ с т ь.)

(Окончаніе.)

И такъ, около семи часовъ вечера, лучшее общество Каранцана собралось къ Графинѣ, и расположилось на шипыхъ спулбяхъ у камина большимъ полукругомъ. Хозяйка дома, поддерживаемая, въ своемъ несчастіи, соспрадапельными взглядами спараго Негоціанта, съ удивительною бодростію отвѣчала на всѣ ничтожные вопросы и безсмысленныя разсужденія. При каждомъ спукѣ у дверей или, послышавъ шаги идущаго по улицѣ, она обращалась къ кому нибудь изъ госней съ вопросомъ о благосостояніи Государства, спрараясь скрыть шѣмъ свое волненіе. Графиня, нарочно завела шумный, веселый разговоръ о составленіи какаго-шо разнороднаго напитка и, съ помощію понимавшаго се спарика, успѣла отклонить всѣ подозрѣнія. Но спралчій, и одинъ изъ судей революціоннаго трибунала безмолспвовали, разсматривая со вни-

маніємъ малѣйшія измѣненія ея лица, и сквозь шумный говоръ прислушивались ко всему поспороннему въ домѣ; они нѣсколько разъ предлагали Графинѣ затруднительные вопросы, на которые она отвѣчала, однако же, съ удивительнымъ пренебреженіемъ духа. Усадивъ шариковъ за бошонъ, вистъ и реверси, Графиня разговаривала еще нѣсколько минутъ съ молодежью, соглашалась во всемъ съ нею; словомъ, она играла роль свою со всемъ искусствомъ опытной актрисы; напоследокъ, спросила лопно и, какъ бы желая отыскать его скорѣе, вышла изъ залы.

„Я задыхаюсь! моя добрая Бригитта! . . . вкричала она, упирая слезы, брызнувшія изъ глазъ ея, я задыхаюсь отъ страха, горести и испуга Онъ идетъ, продолжала Графиня, осматривая комнату, въ которую вошла Здѣсь я обитаю и дышу свободнѣе! Еще нѣсколько минутъ, и онъ будетъ со мною! онъ живъ! меня увѣраешь въ томъ мое сердце.— Не слышишь ли ты чего, Бригитта? . . . О, я спала бы половину жизни, лишь бы знать, въ темницѣ ли онъ, или идетъ уже сюда! . . . Я хотѣла бы не думать! . . . Графиня снова принялась осматривать, все ли на мѣстѣ въ комнатѣ. Большой огонь пылалъ въ каминѣ, ставни были тщательно заворены, и вычищенная мебель блестѣла. Роскошь постели доказывала, что

Графиня вмѣстѣ съ Бригиттою, входили въ малѣйшія подробности; убранство комнатъ являло надежды и нѣжную заботливостъ хозяйки. Благоуханіе цвѣтовъ дышало всею упоенною нѣжностію и ласкательствомъ любви. Одна мать могла такъ хорошо предвидѣть всѣ желанія сына-воина и вполне удовлетворить имъ. Славный ужинъ, оппорный вина, бѣлье, словомъ все необходимое и пріятное для путешественника было соединено здѣсь; ни въ чемъ не было недостатка.

„Бригитта? . сказала Графиня пронзительнымъ голосомъ, придвинувъ кресла къ столу, какъ бы желая тѣмъ придать видъ дѣйствительности своимъ ожиданіямъ и увеличить могущество мечтаній.

— „Ахъ! сударыня, онъ придетъ! . . . Онъ уже недалеко Я не сомнѣваюсь что онъ живъ и въ дорогѣ . . . подхватила Бригитта, потому что я положила ключъ въ Библию, и держала его на пальцѣ не поворачивая; а между тѣмъ Коцень читалъ Евангеліе Св. Іоанна . . .

„Но вѣрно ли это? . . . спросила Графиня.

— „О, сударыня, оно извѣстно всякому . . . Я гошова прозакладываю все, что онъ живъ . . . Богъ не ошибется

„Не сморя на опасность, которая здѣсь угрожаетъ ему, мнѣ хотѣлось бы видѣть его!

„Но вопъ, на колокольнѣ часы бьютъ—восемь! вскричала испуганная Графиня.

Она вздрогнула, вспомнивъ, что, можетъ быть, слишкомъ долго пробыла въ той комнатѣ, гдѣ все такъ сильно говорило ей о ея сынѣ: Графиня вышла; но прежде, нежели вошла въ залу, она остановилась на крыльцѣ, и вслушивалась, не пробуждается ли молчаливое эхо города какимъ нибудь шумомъ... Мужъ Бригитты шоялъ на спорожъ; зрѣніе его почти пригнулось опъ напряженнаго вниманія къ малѣйшему на площади ночному шороху. Она улыбнулась спарику. Вездѣ и во всемъ ей видѣлся сынъ . . .

Принявъ веселый видъ, Графиня вошла въ залу, и сѣла за лопо съ маленькими дѣвницами. Изрѣдка она жаловалась на свою болѣзнь и пошому пересѣла снова въ кресла у камина.

Въ такомъ-то расположеніи были умы и дѣла въ домѣ Графини Де тогда, какъ по дорогъ опъ Парижа къ Шербургу шель молодой человекъ прямо на Караншанъ. На немъ была темнаго цвѣта одежда гражданина, гошоваго сразишься и умереть за отечество.

При началѣ наборовъ, военная дисциплина почти не существовала. Республика не успѣвала на мѣснѣ обмундировывать солдатъ, и потому не рѣдко дороги были усяны новоб-

ранцами въ ихъ собственныя платья; всѣ они шлепались къ сборному мѣсту, отставая или опереживая свои команды, имъ предоставлено было право располагаться труднымъ и утомительнымъ походомъ.

Молодой пушникъ, о которомъ здѣсь говорится, оставилъ довольно далеко за собою колонну новобранцевъ, шедшихъ въ Шербургъ. Меръ Караншаня ожидалъ съ минуты на минуту защитниковъ опечесства, для размѣщенія ихъ по квартирамъ. Молодой человѣкъ шелъ успалымъ, но еще твердымъ шагомъ; судя по его походкѣ онъ уже освоился съ трудами военной жизни. Хотя луна и освѣщала окрестности Караншаня, но пушникъ замѣтилъ бѣлыя, снѣжныя облака. Спрахъ быль заспигнутымъ непогодой въ открытомъ полѣ, придавалъ скороснь его ногамъ, и безъ того уже успалымъ опъ дневнаго перехода.

За спиной у него висѣла копомка, а въ рукахъ была буковая палка, вырѣзанная въ одномъ изъ огромныхъ лѣсовъ, облегающихъ Нижнюю Нормандію.

Вопъ показались одинокому пушнику верхи башень, освѣщенные причудливымъ свѣтомъ луны, и онъ всцупилъ въ Караншань. Шаги его пробудили эхо молчаливыхъ улицъ; не встрѣчая никого, онъ принужденъ былъ зайти къ одному еще работавшему пикачу, чшо-

бы узнать, гдѣ живешь Меръ. По счастью домъ этого чиновника находился близко;—и новобранецъ, въ ожиданіи испрашиваемаго имъ кварширнаго билета, успѣлъ опдохнуть на каменной скамьѣ подъ мирнымъ кровомъ почтеннаго человѣка.

Меръ позвалъ къ себѣ путника; онъ вошелъ въ залу и сдѣлаелъ предметомъ спростаго испытанія.

Молодой человѣкъ имѣлъ красивую наружность и казалось, принадлежалъ къ хорошей фамиліи. Въ немъ отражалось нѣкотораго рода благородство, и въ умныхъ чертахъ лица его освѣчивалось воспитаніе. Увѣрившись, что они только вдвоемъ, Меръ усиремилъ на своего гостя непышующіе и полные участія взоры.

„Какъ тебя зовутъ? . . спросилъ онъ.

— „Юліанъ Жюсье . . . отвѣчалъ новобранецъ.

Меръ недовѣрчиво улыбнулся.

„А отъ куда ты идешь?

— „Изъ Парижа.

„Твои товарищи ушли далеко! сказалъ спарикъ насмѣшливо.

— „Я прѣмя милями опередилъ баталіонъ.

„Вѣрно, что нибудь особенное привлекаетъ тебя въ Караншанъ, гражданинъ-новобранецъ? . . продолжалъ Меръ Хорошо! прибавилъ онъ, давая молодому человѣку, хо-

тѣвшему говорить, знакъ замолчать. Хорошо! . . . мы знаемъ, къ кому помѣстишь себя . . . Возьми *гражданинъ Жюлье!* вонъ твоя билетъ на кватиру.

Въ послѣднихъ словахъ Мера замѣненъ былъ легкій опшѣнокъ ироніи и доброжелательства. На билетѣ былъ означенъ домъ Графини Де

Молодой человекъ съ любопытствомъ прочелъ адресъ.

Когда вышелъ повобранецъ, Меръ сказалъ самому себѣ: онъ знаетъ, что ему недалеко идти . . . и скоро пробѣжитъ площадь . . . Какъ онъ ловокъ Да сонунспивуетъ ему Всевышній! На все есть у него опшѣны Но если бы я потребовалъ бумагу!

Въ это время всѣ часы Карантиннаго пробилидесять съ половиною, и передняя Графини Де освѣтилась. Слуги подавали своимъ господамъ плащи, салоны и прочія принадлежности, а игроки, разсчитавшись и слѣдуя обыкновенію маленькихъ городковъ собирались выдти вмѣстѣ.

— „Каженея Спранчій хочетъ остаться! сказала одна дама, замѣтивъ, что это важное лицо опдѣлилось онъ обществу тогда, какъ другіе разходились по домамъ, наговоривъ другъ другу всѣ возможныя формы прощанія . . .

Дѣйствительно этотъ ужасный чиновникъ Магиспраша осмался одинъ съ Графи-

ней, копорая съ нешерпѣніемъ желала выпроводить и этого госпя . . .

Наконецъ послѣ продолжительнаго и вмѣстѣ шагоспнаго молчанія, онъ сказалъ: „гражданка! я здѣсь для того, чптобы блюсти законы республики.

Графиня вздрогнула.

— „Не опшроешь ли ты мнѣ чего? . . .

„Ничего . . . отвѣчала она, съ удивленіемъ . . .

— Сударыня, вскричалъ Спрятчій, придвинувъ къ ней свой стулъ, и перемѣнивъ тонъ, извините меня Но въ эту минуту одно неоспорожное слово можешь взвести насъ обѣихъ на эшафотъ. Я слишкомъ хорошо постигаю вашъ характеръ, вашу душу, ваши свойства; меня прудно ввести въ заблужденіе; я знаю все: вы ожидаете къ себѣ вашего сына, я увѣренъ въ этомъ! Графиня сдѣлала отрицательный знакъ; но поблѣднѣла; необходимость принять видъ ложной пвердоспи, измѣнила черпы ея лица; неумолимый Спрятчій успремилъ на нее проницашельные взоры,

— Хорошо! примите его сказалъ членъ революціоннаго трибунала: но пусть онъ пробудетъ у васъ не долѣе семи часовъ упра; завтра, по донесенію, копорое мнѣ сдѣлаютъ съ моего же приказанія, я приду къ вамъ

Въ эту минуту лице Графини разжалобило бы и шигра.

— Я докажу спрогимъ осмопромъ, продолжалъ онъ, смягчивъ голосъ, неправильность обвиненія, и вы въ силу моего рапорта избавитесь онъ всѣхъ дальнѣйшихъ подозрѣній. Я стану говорить о вашихъ пожертвованіяхъ опечесиву, о вашемъ папріотизмъ; вы, я,—мы всѣ будемъ спасены!

Спрашась коварства, Графиня оспавалась неподвижною; но лице ея пылало, усна оледенѣли . . .

Вдругъ раздался спукъ у воропъ.

— Ахъ! . . вскрикнула испуганная мать, и упала на колѣни . . .

„Спаси его! . . . спаси! . . .“

— „Да . . . спасемъ его! сказалъ Спряпчій, бросивъ на нее спраспный взглядъ; спасемъ, если бы это спойло намъ даже жизни! . . .“

„Я погибла! . . продолжала она; между пѣмъ Спряпчій въжливо приподнялъ ее.

— „Сударыня, опвѣчалъ онъ, принявъ видъ краснорѣчиваго орапора: все зависптъ теперь опъ васъ самихъ, наградите меня вашею рукою.

— „Онъ здѣсь, онъ здѣсь сударыня! вскричала вбѣжавшая Бригитта, полагая что ея госпожа одна.

При видѣ Спряпчаго, старая служанка, покраснѣвшая было опъ радости, вдругъ поблѣднѣла и ошолбенѣла.

„Кто, Бригитта? . . спросилъ чиповникъ внятно, но съ видомъ доброшы.

— „Новобранецъ; Меръ назначилъ ему у насъ квартиру? . . ошвѣчала старушка, показывая билетъ.

— „Правда! сказалъ Стряпчій пробѣжавъ бумагу. Къ намъ долженъ придти сегодня баталіонъ! . .

Стряпчій удалился . . Въ эту минуту Графиня не могла сомѣваться въ чистосердечіи своего стараго адвоката.

Тренещущая, едва дыша, она взбѣжала по лестницѣ, съ спѣшеннымъ сердцемъ, отворила дверь комнаты, увидѣла сына, и полумертвая бросилась къ нему на грудь.

„О! сынъ мой, дитя мое!“ . . вскричала она всхлипывая, и осыпала его поцѣлуями.

„Сударыня сказалъ незнакомецъ.

„Боже! это не онъ! . .“ вскричала Графиня, ошкочивъ назадъ, и вперила въ новобранца мушкетерскій неподвижный взоръ свой.

„Какое сходство? . сказала Бригитта.

Въ эту минуту молчанія, незнакомецъ вздрогнулъ, взглянувъ на Графиню Де

„Милосшвйй государь . . . сказала она, опершись на руку мужа Бригитты—и вполне постигалъ горестъ, которая едва не убила ее въ первую минуту. — Я не могу долѣ васъ видѣть Позвольте людямъ моимъ замѣнить меня и заняться вами . .

Она вышла, поддерживаемая Бригиттою и ея мужемъ.

„Какъ же, сударыня, сказала старушка своей госпожѣ:—развѣ эноиго челоувѣкъ лажень въ пощель господина Авгуена, надѣнешь его плашье и скушасишь пирога, пригошвленьный для Г. Авгуена! . . . Ахъ! если бы меня вздумали на гильонину, то я

„Бригитина! . . . вкрикнула Графиня . . . Бригитта замолчала.

— Перестань, болтунья, сказала ей тихо мужъ. Развѣ ты госпожу убить хочешь?

Въ эту минушу новобранецъ заснулъ въ своей комнашѣ, садясь къ столу.

— Нѣтъ! я здѣсь не останусь!“ сказала Графиня: уйду въ навильонъ; ошинуда будешь мнѣ все слышать!

Она колебалась еще между страхомъ лишиться сына и надеждою его увидѣшь.

Всю ночь царствовало глубокое молчаніе. Когда баталіонъ новобранцевъ пришелъ въ городъ, и каждый изъ нихъ ошыскивалъ назначенную ему квартиру, но эно время было мучительнѣйшимъ временемъ для Графини

Къ ушру она должна была возвратишь въ свою комнашу. Бригитина входишь шуда— и видишь Графиню меривою!

— „Боже! вкрикнула Бригитта: вѣрно она слышала, какъ новобранецъ расхаживалъ по

комнатъ Г. Августа, и напѣвалъ пѣсню. — Это ее убило! . . . Должно полагать, что чувство гораздо важнѣйше или какое нибудь ужасное видѣніе, были причиною смерти Графини Въ тою самую часъ, когда она умирала въ Карантанъ, сына ея разспрѣляли въ Морбиганъ. Мы можемъ присовокупить это печальное произшествіе ко всѣмъ явленіямъ симпатіи, неподчиненной законамъ просвѣщенія. Такіе факты, собираемые съ ученымъ любопытствомъ нѣкоторыми удивившимися мыслителями, послужатъ нѣкогда основаніемъ новой науки, для которой, до сѣхъ поръ, не доставало Доктора Галля.

Съ Франц. Л. Савицкій.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

О ж и д а н і е.

(Изъ Каз. Деламина.)

Tutto con te mi piace,
Sia colle, o selva, o prato.

Метастасіо.

(Все мнѣ нравится съ тобою:
Скалы, рощи и луга.)

Заря прогнала бури,
И чистый сводъ рядишь
Одеждою лазури;
Спруга свѣтъ блещишь.

Муравка зеленѣе
 Подъ жемчугомъ росы;
 Шипокъ у розъ краснѣе,
 Скорѣй бѣгутъ часы.

Зефиръ пѣжливый лобзаетъ
 Влюбленныхъ птицъ, рѣзвясь,
 И лоза обнимаетъ
 Умильный скромный вязъ.

Вы чужды всѣмъ печали,
 Надеждой все цвѣшаетъ:
 Скажите, вы ли знали,
 Когда она придетъ? . .

И. Новицкій.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

34) *Басни Алексѣя Зилова.* Москва, 1831 года. Въ типографіи Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ. 57 стран. въ малую 8 д. л. — Въспъ первый опытъ Г. Зилова на литературномъ поприщѣ; помѣщенные въ этой книжечкѣ 23 басни имѣютъ свое неопъямлемое достоинство: прекрасныя, иногда новыя мысли, выражены чистыми, плавными, иногда звучными стихами. Въ доказательство сказаннаго нами, выпишемъ 21-ю басню:

Д Ы М Ъ.

Въ часъ упренній, какъ спалъ еще зефиръ съ цвѣтами,
 И было все окроплено росой,

Изъ кухонной трубы вѣяя дымъ клубами

По воздуху плынула полосой.

»Смотрите, сдѣлаюсь я скоро облаками!»

Дымъ горькой говорилъ сидящимъ журавлямъ:

»Сопруся въ шучу, и громами

Въ васъ гряну, какъ громовержець самъ!»

Но въперокъ вспорхнули, и попянули опъ юга

(Добро бы сѣверная вьюга),

И дымъ нашъ спѣлъ рѣдѣшь,

Товѣшь,

Развѣялся, и глѣдь — лишь небеса сипѣли.

Благополучно журавли

Приподнялись съ земли,

И полетѣли.

Книжка сія напечатана хорошо, на велевовой бумагѣ, и продается въ книжныхъ магазинахъ: А. Ф. Смирдина и Н. В. Слеснива, по 3 руб. экземпляръ.

С М Ъ С Ъ.

М О И Н А Б Л Ю Д Е Н І Я.

О Т Р Ы В О К Ъ.

..... Есть множество людей, которые не хотятъ казаться шѣмъ, чѣмъ они сунъ. Но всѣхъ досадитъ невѣжда, который per fas et nefas — хочещь прослыть анператоромъ. Для положенія основнаго камня своей извѣстности, онъ употребляетъ всѣ старанія, чпобы хотя *шапогно* познакомиться

ся съ писателями, пользующимися общимъ уваженіемъ публики; случилось ли ему встрѣниться одинъ разъ съ копорымъ изъ нихъ у Амбіэля: онъ уже считалъ его хорошимъ себѣ знакомымъ; доведется ли ему сидѣть съ нимъ рядомъ въ театрѣ: они уже пріятели; а если сойдутся обѣдать у Дюмэ, тогда конечно—они друзья. Это я называю: *дружба incognito*. Всякій издатель журнала уже по праву входитъ въ категорію многочисленнаго его знакомства, и можетъ быть увѣренъ, что вмѣстѣ съ полученіемъ отъ Ценсурнаго Комитета дозволенія издавать свой журналъ, онъ—не зная не вѣдая — пріобрѣтаетъ друга. Этого человѣка съ чувствомъ истинной радости видятъ переводную свою пусную снаниейку преданною тишенію и занимающую полетолбца въ полустеновой газетѣ; но онъ скромный: онъ не выславляетъ всего своего имени, а подписывается только начальную онаго букву, за нею первую литеру своей фамиліи, а вслѣдъ за симъ *тире* и *—вг*; всѣ однако же знаютъ, что это снаниейка *такого-то*: онъ по секрету—расскажетъ объ этомъ каждому изъ своихъ знакомыхъ! Вѣрхъ его блаженства впереться въ *сюрдидики*: допуститъ его къ переводу для вашего журнала снанией о модахъ изъ *Petit courrier des dames*, и онъ—какъ говорилъ пословица—снаниейка неизмѣннымъ вашимъ конькомъ и вездѣ будетъ превозносить васъ. Заговоритъ о чемъ хотитъ, — онъ все знаетъ, все читалъ, обо всемъ судитъ. Правда,

онъ судитъ и вкривъ и вкось, но за то говоритъ громко, ушвердительно, самонадѣянно; человекъ образованный не входитъ въ бесполезный споръ съ невѣждой—самохваломъ, а другіе невѣжды всегда на споръ того, кто перекричитъ другаго. Вотъ все права на званіе императора одного молодого человека, съ которымъ свела меня судьба

Рифмовитъ.

Н О В О С Т И.

По сравненіи Германскихъ каталоговъ съ библиографическимъ Французскимъ журналомъ, выведено слѣдующее изчисленіе явившихся въ свѣтъ, съ 1814 по 1827 годъ, новыхъ книгъ:

Въ году:	Во Франціи:	Въ Германіи:
1814	979	2529
1815	1711	2750
1816	1851	3184
1817	2126	3533
1818	2431	3781
1819	2441	3916
1820	2465	3958
1821	2617	3997
1822	3114	4283
1823	3687	4309
1824	3336	4510
1825	3569	4856
1826	4357	4704
Всего:	34,784.	50,290.

По этому расчету, въ Германіи, въ теченіи 15 лѣтъ вышло 15,506 книгъ, болѣе, нежели во Франціи.—Предположивъ, что кому нибудь изъ смертныхъ захопѣлось бы прочитавъ всѣ эти вышедшія вновь книги, и опредѣливъ на прочтеніе каждой изъ нихъ одинъ только день,—мы увидимъ, что шакому читателю надлежало бы прожить на свѣтѣ не менѣе 190 лѣтъ.

Парижскіе журналы испожились уже въ гиперболическихъ похвалахъ знаменитому Паганини: они называютъ его теперь Трубадуромъ, *душа коего перешла въ его романсы*; — Королемъ арписстовъ, Геніемъ Оссіана и т. д. —

Какому-то богатому купцу до того нравилось Французское слово *charmant*, что оно почти безпрестанно вертѣлось у него на языкѣ. — Однажды входилъ къ нему въ кабинетъ слуга и увѣдомляетъ о внезапной кончинѣ его супруги: «*charmant! charmant!*» вскричалъ купецъ, заливаясь слезами.

Въ кабинетѣ Лорда Байрона находилось деревянное кресло; сидя на немъ онъ написалъ почти всѣ свои стихотворенія.—Это кресло составлено изъ двѣнадцати кресель знаменитыхъ Англійскихъ поэтовъ прежняго времени, и, какъ говорятъ, Байронъ сѣвши въ него, возпламенялся всегда духомъ поэзіи. — Нынѣ кресло сіе принадлежитъ Валмеръ-Скоттшу.

Наконецъ Аполлонъ и Дирекція Императорскихъ театровъ сжалились надъ бѣдною Нѣмецкою публичною въ С. Петербургѣ: блистательный паланинъ Г-жи *Каролины Бауеръ* упроченъ, на нѣкоторое время, для здѣшней сцены,—которая красуется теперь и двумя прекрасными *гостьями*: Г-жею *Герштель* изъ Москвы (*), и Г-жею *Лангенгаузенъ* изъ Риги. — Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ мы сообщимъ нашимъ читателямъ краткій отчетъ о спектакляхъ, рѣдкихъ въ лѣтописяхъ здѣшней Нѣмецкой труппы, прелестью игрою сихъ прехъ артистокъ.

(*) Въ афишахъ о первомъ дебютѣ Г-жи *Герштель*, прибывшей сюда изъ Москвы, было напечатано, что она пріѣхала aus Hamburg! . . *Влѣкъ живи, влѣкъ угись!* говоритъ Русская пословица: мы по своему крайнему разумію, думали о сию пору, что Гамбургъ городъ Нѣмецкій, — а это, на повѣрку вышла, наша матушка Москва! . .

СО Д Е Р Ж А Н І Е No. XXXVI.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза*: Новобраецъ. Повѣсть. *Стихотворенія*: Ожиданіе; *И. Новицкаго*. БИБЛИОГРАФІЯ. Басни Алексѣя Зилова. СМѢСЬ. Мои наблюденія. **НОВОСТИ. НОТЫ.**

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдельнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 5 Мая 1831 года.

Ценсоръ *И. Гавескій.*

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

С Ы Н Ъ К Р О М В Е Л Я.

Вестминстерскій колоколъ бьетъ шесть часовъ, и вошь фамилія Оливьера Кромвеля собирается въ большую Вишегальскую галерею. Каждый членъ сего Пуританскаго семейства всѣхъ явится въ назначенное мѣсто, для принесенія мольбы Предвѣчному. Стѣны галереи покрыты рѣзбою изъ дубоваго дерева, темнаго цвѣта, кошорая отъ времени сдѣлалась еще мрачнѣе; возвышенныя окна, въ широкихъ углубленіяхъ стѣнъ, кажется только по неволѣ пропускаютъ свѣтъ. Гопическія деревянныя кресла разспавлены по правиламъ симметріи, въ разныхъ мѣстахъ; одно изъ нихъ, оплечающееся отъ прочихъ большею величиною, находится въ срединѣ; передъ этимъ кресломъ огромный столъ поддерживается нагой, на кошоромъ положена Библія. Никакое другое убранство не украшаетъ сего святилища; такъ угодно Кромвелю: въ его жилищѣ все должно носить на себѣ оппечалѣнокъ проснопны и спро-

гости; онъ изгналъ отъ себя пышность и удовольствія; вопль почему убъжище его никогда не оглашалось кликами радости, даже самой невинной, и никогда слухъ его не казался чувствительнымъ къ прелестнымъ музыкамъ, даже самой важной. Чтеніе Священнаго Писанія и молитвы занимають основнокъ времени, котораго не успѣетъ похитить незасынимое его честолюбіе. Онъ вешунаетъ въ сіе мѣсто вспрѣчи; походка у него гордая, а холодный и надменный видъ придаетъ чертамъ его выраженіе суровости, почти нестерпимой для зрѣнія. Онъ закутанъ въ длинный плащъ, голова покрыта коническою шляпою, съ широкими опущенными полями, отъ которыхъ нѣтъ падаетъ на самые глаза, такъ что трудно замѣнить въ которую сторону устремлены его взоры. Рука объ руку съ нимъ идетъ супругъ его, Елизавета; нарядъ ея не блистаетъ драгоценными камнями, столь часто обременяющими пышныя одѣянія царственныхъ особъ; но широкая красота ея возвышается прелестію цѣломудрія. За нею слѣдуетъ все ихъ семейство, въ сопровожденіи служившей и офицеровъ, принадлежащихъ къ дому Протектора. Кромвель садится передъ палатомъ, на гонимомъ креслѣ; всѣ прочіе посѣдители размѣщаются вокругъ него, каждый смотря по своему званію. Въ слѣдъ за симъ начинаются

моливъ приношенія, послѣ чего попеременно, или читается нѣсколько главъ изъ Священной Библии, или поются разные божественныя гимны. Самое глубокое молчаніе царствуетъ въ собраніи, и присутствующіе, кажется, погружены въ благоговѣнное размышленіе. По окончаніи молитвы все удаляется въ томъ же порядкѣ, въ какомъ пришла, и пошесть расходится.

Мучимый тайнымъ безпокойствомъ, Кромвель, стараясь подъ личиною равнодушія скрыть досаду, которую причиняетъ ему невозможность схватить бѣлаго Карла II, уходитъ въ опдаленныя комнаты дворца съ любимцемъ своимъ Полковникомъ Тюрлоемъ, чтобы изыскивать новыя средства къ открытію убѣжища несчастнаго Государя, котораго смерть починать онъ необходимою для усстраненія послѣдняго преніишенія на пупи своемъ къ трону. Оттуда идетъ онъ присупсцовашъ въ совѣтъ; супруга же его между тѣмъ направляетъ шаги свои къ уединенному павильону, занимаемому сыномъ ея Ричардомъ. Длинная аллея сполвѣнныхъ тополей ведетъ къ сему убѣжищу; душистая жимолость и зеленый плющъ обвиваютъ корни сихъ прекрасныхъ деревьевъ и, кажется, непрерывно усупремляющія къ ихъ вершинамъ, подъ конми тысячи птицъ оглашаютъ воздухъ сладкозвучнымъ пѣніемъ. Въ это вре-

мя солнце сіяеть во всемъ своемъ блескѣ, на небѣ Великобританіи, и яркими лучами разсѣваетъ густые туманы, покрывающіе оную въ оспальное время года. Все прекрасно въ природѣ, все въ очаровательной гармоніи, и Елизавета, коей врожденная чувствительность какъ бы оледѣнилась отъ суровости ея супруга, находясь одна, съ восхищеніемъ уживается тайною прелестію такой минуты; но вспомнивъ тотчасъ Пурипанскую строгость и опасаясь, чтобы такая чувствованія не сдѣлали ее пресупною въ глазахъ послѣдователей одной съ нею секты, принимаетъ на себя мало по малу видъ прищипанной холодноспи, и продолжаетъ путь къ павильону.

У самой двери стоить Рахиль, — Рахиль, ея старая кормилица, которая не переставая любить ее, съ такою же нѣжностію заботится и о юномъ Ричардѣ, съ каковою нѣкогда пеклась о его матери. При семъ видѣ на устахъ Елизаветы, какъ во времена ея дѣтства, блуждаетъ улыбка удовольствія; она лстивъ на встрѣчу къ своей любезной кормилицѣ и ласково подаетъ ей руку; но добрая старушка, вмѣсто того, чтобы на сей знакъ дружбы отвѣчать обычными изъявленіями нѣжности, безпрестанно повсюряетъ слова, двадцать разъ прерываемыя ею отъ страха: „Поспѣши сюда, дочь моя, пос-

„пѣши! . . . неумолимый Гедеонъ гошовъ
 „проклясть нашего Ричарда . . . увы! . . .
 „бѣдное дитя! . . . Богъ простишь ему . . .
 „онъ провинился по добротѣ своей . . . пакъ,
 „истинно пакъ шопѣ, кто наградилъ
 „благочестіе Нееміи и возвратилъ блуднаго
 „сына подъ опеческій кровъ, можетъ ли на-
 „казывать за подобный проступокъ? Но пос-
 „пѣши да присуствіе твое укро-
 „пишь гнѣвъ Гедеона!“— Въ чемъ провинил-
 ся сынъ мой? спрашиваетъ Елизавета, входя
 въ залу, гдѣ находились Ричардъ и его надзи-
 ратель. — Онъ учинилъ страшное, ужасное
 преступленіе! ошвѣчаетъ Гедеонъ громкимъ
 голосомъ, копорый, безъ сомнѣнія, испугаль
 бы супругу Кромвеля, еслибъ она уже не
 привыкла къ столь смѣшнымъ выходкамъ.
 Занявши мѣсто, она подзываетъ къ себѣ сы-
 на, и спрашиваетъ у надзирателя о причинѣ
 его столь сильнаго негодованія. Изъ почте-
 нія къ Елизаветѣ, наславникъ укрощаетъ
 гнѣвъ свой и менѣе возвышеннымъ тономъ
 говоритъ ей: „счастливы дѣти, копорымъ
 „Небо даровало мудрыхъ родителей, но еще
 „счастливѣе тѣ, коими умные и предусмо-
 „припельные наславники управляютъ не
 „только въ ученіи, но и на тернистомъ пу-
 „ти сей жизни. Подобно доброму пастырю,
 „возвращающему въ сѣнадо заблудшую овцу,
 „благоразумный руководитель заславляетъ

„ихъ гзойтъ на прямую стезю, озаря ихъ
 „помраченный разумокъ справедливыми вы-
 „говорами и спасительными наказаніями.“ По
 окончаніи споль прекраснаго вешупленія, онъ
 умолкаешъ; легкая улыбка появляется на ус-
 тахъ Елизавешы; онъ принимаетъ ее за знакъ
 одобренія и продолжаетъ такимъ образомъ:

„Посль упренней молишвы, я, по обыкно-
 „венію, пошелъ съ Ричардомъ прогуляться въ
 „отдаленнѣйшую часть Свѣтъ-Джемскаго пар-
 „ка, дѣлая ему дорогою поученія о должнос-
 „стяхъ Нуришанина и доказывая, сколь необ-
 „ходимо нужно набѣгать всякихъ мірекихъ
 „удовольствій, отверзающихъ двери ада. Въ
 „эпо самое время онъ меня оспавляетъ и
 „изъ всѣхъ силъ бѣжншь къ окончанію ал-
 „леи, въ коей мы прогуливались. Тщешно я
 „зову его, онъ не внемлетъ моему гласу; пог-
 „да, ускоривъ шаги свои, я наконецъ настпи-
 „гаю его у маленькой двери парка. Но, о
 „сшды! . . чпо было со мною, когда я уви-
 „дѣлъ его разговаривающаго съ сыномъ одно-
 „го изъ *касалеровъ*, которые въ насѣшку на-
 „зываютъ насъ *круслоголовыми!* я осполбе-
 „нѣлъ и голосъ замеръ на устахъ моихъ.
 „Увидѣвъ меня, Моавишанинъ скрылся, а Ри-
 „чардъ провожалъ его глазами. Несчастнѣй!
 „вскричалъ я, чпо ты сдѣлалъ? . . . Знаешъ
 „ли, чпо эпо проклятое племя ненавидншь
 „наше и чпо мы всячески должны спарашь-

„ся истреблять оное? Онъ съ усмѣшкою оп-
 „вѣчаетъ на споль мудрое предостереженіе.
 „Раздраженный такимъ ко мнѣ неуваженіемъ,
 „я привелъ его въ сей павильонъ, куда и вы
 „предсшали, спусти нѣсколько минутъ.“ —
 Какъ, сынъ мой, говоритъ Елизавета, ты не
 слушаешься того, кому отецъ твой поручилъ
 нести о твоёмъ воспитаніи! . . . Та-
 кое поведеніе неизвинительно; я должна на-
 казать тебя за это, и даже сей часъ . . .

„Машушка! прерываетъ съ живостію Ри-
 „чардъ, не обвиняйте меня, не выслушавши.
 „Правда, что мальчикъ, съ конюрымъ я го-
 „ворилъ, сынъ кавалера, но кавалера, благо-
 „дѣяніями Карла извлеченнаго изъ нищеты;
 „долгъ признательности заставилъ его при-
 „нять сторону своего благодѣлителя, ког-
 „да шопъ подвергся гоненію; защищая своего
 „Государя кавалеръ умеръ на полѣ сраженія
 „и по смерти оставилъ одного сына, коню-
 „рый по молодости своей еще не въ состоя-
 „ніи удовлетворять нуждамъ своей бѣдной
 „манери. Когда надзиратель замѣнилъ сего
 „мальчика, онъ благодарилъ меня за неболь-
 „шую сумму денегъ, конюрую я ему пода-
 „рилъ; какъ онъ радовался, что вручилъ се
 „своей манери! Я думалъ, что Богъ повелѣ-
 „ваетъ помогать подобнымъ намъ. Машушка,
 „не уже ли Нурипаче должны быть безчув-
 „ственны? Увы! сердце мое не могло остано-

„ся жестокииъ къ участи сего несчастнаго: „если это преступленіе, накажите меня.“ При сихъ словахъ онъ умолкаетъ, съ горестію ожидая наказанія, которому долженъ подвергнуться; но Елизавета, отъ споль невиннаго разсказа не въ состояніи будучи удержатъ слезъ умиленія, простираетъ руки къ своему возлюбленному сыну; онъ устремляется въ ся объятія и оба вкушаютъ неизяснимое блаженство двухъ сердець, испытующихъ одно и то же чувство. Рахиль, перейдя отъ страха къ тихой радости, съ насмѣшливымъ видомъ посматриваетъ на обманувшагося въ своемъ ожиданіи Гедеона, который въ смяненіи бѣжитъ въ садъ, чтобы тамъ скрыть свою досаду. Говорящъ, что спустя нѣсколько времени узналъ о происшествіи сень Кромвель, однако же не рѣшился сказать объ немъ свое мнѣніе; ибо по ненависти къ приверженцамъ Спураршовъ, онъ желалъ бы употребить сирогоспъ, но имѣя разсудительный умъ, боялся несправедливымъ наказаніемъ ожесточить сердце своего сына, и поному счелъ лучшимъ молчать; вопъ почему съ сего времени важный Гедеонъ предсказалъ, что никогда Ричардъ не наследуетъ Кромвелю!

Съ Французскаго А. З.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Куплеты изъ Водевилья: Духъ времени (*).

No. 1. Ш Т Р И МЪ - Ш Т Р О МЪ. (Учитель.)

Спало доброе здѣсь рже —
 И не пошъ ужъ кряжъ земли!
 Только дочки Еввы шѣ же —
 Всѣ по мапушкѣ пошли!
 Знашь, Создапель гибель Еввы
 Предсказалъ ей на роду:
 Ошъ пого и падки дѣвы
 Къ запрещенному плоду!

No. 3. Ш Т Р И МЪ.

Помилуйте, слыхаль я шакъ:
 Женѣ шо подѣ руку, шо мило,
 Чшо мужъ дуракъ, чшо мужъ проспакъ,
 Чшобъ легче умничашъ ей было.
 Ввелся обычай, знашь, шакой:
 Жена здѣсь мужа за носѣ воднишь;
 Ее заводитъ другъ, другой —
 А мужъ по свѣшу съ носомъ ходнишь!

No. 4. К А С П А Р Ъ.

Я слыхаль, чшо здѣсь не худо
 Со скошамн живъ въ ладу!
 Съ этой мыслию, не чудо,
 Чшо далеко я уйду!
 Впрочемъ, вопъ вамъ мысль другая,
 Пусть се смѣшной пайдущъ,

(*) Въ концѣ нынѣшняго мѣсяца, водевиль сей будетъ представлень, въ первый разъ, на С Пешербургскомъ театрѣ.

Здѣсь, скопоть не замѣчая,
Люди добрые живутъ!

Но. 5. Ш Т Р Ц М Ъ.

Вы эпаго видали ль духа?
То спустился онъ паукомъ,
То въеся неопвязной мухой,
То вдругъ, на палочкѣ верхомъ,
Лешиниъ крылапою спарухой,
То вдругъ безкрылымъ спарикомъ!
Духъ времени, наряднымъ плупомъ,
Лспасеть по земнымъ полямъ:
По, берегнись, эшимъ шупомъ
Шуниши совѣща я не дамъ!
Не по какъ разъ волшебнымъ прупомъ
Онъ опсепегаетъ по ушамъ!

Но. 7. Д О К Т О Р Ъ Ш Е Л Л Е. *(считасный за
духа времени.)*

Я великой гастропомъ
И любно обѣдать плошно,
И за роскошнымъ споломъ
За двоихъ емъ, пыю охотно.
О Создатель, мнѣ внимай!
Ни богачествомъ, ни разсудкомъ,
Ты меня не надѣлай,
Награди двойнымъ желудкомъ!

Но. 8. О П Ъ Ж Е.

Ахъ Боже мой, бѣда какая,
Здѣсь всюду глухо и шемно!
Повсюду чаща прегустая,
Иль мшкешный пень, или бреево!

Ну, долго ли сломашь здесь погн,
Или попаснешь звырю въ рошъ!
Я не найду никакъ дороги,
А дикой звырь меня найденъ.

№. 9. Онъ же.

Пиллелей, пластыремъ, микспурой,
Вонъ чымъ сражаюсь въ мѣрь я,
И смершь, курносая фигура,
Бьжншь, какъ заяць онъ меня.
По какъ судьба уграсшь мною
На этомъ жизненномъ нупи,
Я самъ успешнѣе радъ спрьлою,
Лишь бы онъ смерши мнѣ уйши.

№. 11. БЕРТА.

Пускай спрашна его услуга,
Онъ простъ, я знаю шо сама;
Но я должна искашь въ немъ друга,
А не должна искашь ума!

Р о з н а.

Я противъ зшаго ни слова,
Нашла сокровище; къ тому жъ
Я всюду повпоряпъ гошова:
Жесть находка глупый мужъ.

№. 12. Р о з н а.

Мнѣ мудрено вамъ буденъ обьяснить,
Чшо есть еще любовь со всемъ другая:
Привыкли вы опца и мапъ любить;
Но это, безъ зангъй, любовь простая!
Я вамъ скажу, чшо, ровно черезъ годъ,
Любовь придежъ къ шакой, какъ вы, красокъ:

А уж когда запыница придётъ,
Узнаете вы сами по походкѣ!

№. 13. Она же.

Я помню бабушкины рѣчи,
Она бывало все швердитъ:
Съ мужчинами опасны вспрѣчи,
И взоръ ихъ очень ядовитъ!
Я бабушкѣ не довѣрляла,
Хоть и любима безъ ума!
Она тогда учить насъ стала,
Какъ разучилась сама!

№. 14. К а с п а р ь (*ученикъ*.)

Послушай ты, букварь живой,
Совѣтую не горчиться!
Какъ разъ управлюсь я съ побой

Ш т р и м ь.

Вы смѣете еще брашиться!

К а с п а р ь.

Тебѣ я говорю, любя,
Что праздновать не спану прусу,
И въ руки приберу тебя —
По духу времени и вкусу.

№. 16. Ш е л л е. (*въ тюрьмѣ*.)

Лишь бы уйши, себя счастливей
Я не видалъ бы въ жизни сей:
Пусть обожгуся весь въ крапивѣ,
Да только бь спряпанься мнѣ въ ней!
Я въ огонь и въ воду попадался,
Но не понуль и не сгаралъ!
Я такъ здѣсь часто обжигался,
Что числомъ выжигую спалъ!

№. 19. Ш Е Л Л Е.

Признашься должень, виновашь,
 Духъ времени пому причиной,
 Чшо по Французски говорашь
 Всѣ и въ передней и въ гостиниой
 Иной, пустая голова,
 Трехъ словъ порядочно не свяжешь;
 А по Французки важно скажешь:
 »Mon cher, Monsieur! comment vous va?»

№. 22. А Л П Е Н Б Е Р Г Ъ.

Такъ, планы всѣ мои ничпожны,
 Я Бершу долго берегалъ,
 Какъ берегалъ лишь было можно
 Опъ волокипъ, опъ поддипалъ!
 И я заранъ восхищался:
 Какъ вдругъ ко мнѣ во весь карьеръ
 Съ своей любовію примчался
 Кавалерійскій Офицеръ.

№. 24. Ш Е Л Л Е.

Я проклиная гошовъ судьбу!
 Меня давно ужъ мучипъ голодъ
 Въ проклятомъ эпомъ погребу
 Я испыталъ, чшо значипъ холодъ.
 Согрѣшься бы хотѣлось мнѣ,
 И я давно шакой ужъ вѣры:
 Чшо жизни теплова въ вишь,
 А жизнь въ спаканъ Дрей-мадеры!

Ротчевъ.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я .

35) *Приказъ Короля*, историческая комедія въ чешырехъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ Нѣмецкаго А. Н. С. Пешербургъ, 1851. Въ типографіи Ивана Глазунова, 120 страницъ въ 8 д. л. — Одно изъ многихъ добрыхъ дѣлъ, Фридриха II, Короля Прусскаго, послужило основою этой исторической комедіи. Мудрый Монархъ, герой въ войнѣ, политикъ въ мирѣ, и судія строгій — но правосудный, — среди безчисленныхъ заботъ о благѣ подданныхъ, находилъ время обращать свое вниманіе и на семейный ихъ бытъ. — Это вниманіе открыло глаза ослѣпленному шцеславіемъ Барону Венделю, который едва было не погубилъ дочерей своихъ, выдавая ихъ насильно за мужъ за промотавшихся Французскихъ Графовъ; — оно осчастливило чешырехъ влюбленныхъ! Въ Русской *передѣлкѣ* комедія сія была представлена нѣсколько разъ на здѣшнемъ театрѣ и всегда правилась публикѣ. — Комедія: *Приказъ Короля* продается во всѣхъ книжныхъ лавкахъ по 3 рубл. экземпляръ.

С М Ъ С Б .

В ъ п ч а н і е П е т р а р к и .

То было высочайшее торжество поэма въ средніе вѣка! Вы, поэмы нашихъ дней, слушайте! подобнаго вы не видали — и вѣроятно не увидите! . . .

Въ Римѣ, 22 Мая 1541 года была опытная боль-

шая обѣдня, а попомъ данъ былъ праздникъ, на которомъ прилежствовали все шогданніе несапеліи: Церемоніймейстеръ возложилъ на еполя сочиненія Пешрарки; несаь рѣши о достоинствѣхъ сего поэта было рѣшено, что ему принадлежить вънецъ—и все занялось пригошовленіемъ къ шоржеству.

Съ Пешрарки сняли одѣжду, надѣли на правую ногу красную кошуру, обувь древней шрагедіи, а на лѣвую фіолетовый сапогъ, эмблему древней комедіи, — накиннули на плечи красную погу—которая покрывала бранжевый нагрудникъ; края поги были обложены золотою каймою, означавшею, что что епихи Пешрарки были чисты какъ золото; алмазная цѣпь служила поясомъ, что показывало яркій блескъ мыслей поэта. Мантія блага ашаса, эмблема невинности, означала чистоту души его, никого неоскорблявшей.

На головѣ поэта была шрапидальная шапка — увѣшанная въиками; острый конецъ оной означалъ возвышенность духа его; ожерелье было въ видѣ лиры, и состояло изъ маленькихъ перевитыхъ змѣекъ, для показанія гибкости ума его, который умѣлъ слить мысли съ гармоніею поэзіи. —

Не менѣе шаниственныя перчатки покрывали руки его: они были изъ кожи хищнаго звѣря, ошлечающагося проворствомъ своимъ; эмблема воровства, позволительнаго иногда поэтамъ. —

Дѣва, съ распущенными волосами, босая—покрывала

пигровую кожей, несла хвостъ его поги: пужно ли говорить, что она означала воспоргъ — ибо въ рукахъ ея былъ пылающій свѣточъ.

Въ этой одеждѣ вышелъ онъ изъ торжественной залы — и былъ возведенъ на колесницу, устроенную въ видѣ Парнасса, на которой былъ Аполлонъ и девять музъ: баснословныя божества начерченныя на колесницѣ, означали, что мифологія была тогда еще душею поэзіи. —

Тропъ въ колесницѣ поддерживаемъ былъ львомъ, тигромъ, леопардомъ и барсомъ, что значить, что поэты, какъ Орфей, могли усмирять чудовищъ; на колесницѣ при полунагія граціи—были его спутницами;—мечтаніе въ образѣ дѣвушки, увѣнчанной звѣздами, находилось у ногъ поэта.

Два хора музыкантовъ въ два ряда, сопровождали колесницу, вокругъ коей плясали фавны и сапиры: — ибо музыка и пляска находятся въ обладаніи поэзіи; во славу Петрарки музыканты пѣли Латинскіе и Италіянскіе стихи; женщины сыпали повсюду цвѣты и разливали благовопія.

Достигнувъ Капиполи, поэтъ сказалъ рѣчь. Сепаторъ, долженствовавшій увѣнчать его, возложилъ на Петрарку плющевый вѣнецъ, за дифирамбическую поэзію, лавровый за героическую и миртовый за лирическую. Четыре дѣвцы знаменитаго происхожденія, поднесли ему свои работы, въ знакъ благодарности, за стихи, коими пѣвецъ Лауры прославилъ пѣжный полъ.

Изъ Капитолия тихо проезжалъ онъ городъ, раздавая народу деньги, въ подражаніе древнимъ. Это значило, что поэмы раздаются обильно мѣломъ, чувствованія и удовольствія, собирая въ награду одиъ рукописсканія. —

Достигнувъ до Ватикана, онъ сошелъ съ колесницы, вступилъ въ церковь святаго Петра, благодарилъ Теорца за торжество сіе — и повѣсилъ при вѣнцѣ на гробъ господень: что свидѣтельствовало, что безсмертная слава не могла принадлежать поэму безбожному. — Громкія восклицанія народа сопровождали его въ нуніи; знаменитѣйшія женщины Рима прикасались къ рукѣ его.

(Изъ Journal des Dames et des Modes.)

Одинъ любитель псапра былъ въ спектаклѣ, когда давали *Сороку-воровку*, музыка коей написана знаменитымъ Россини. Одна арія чрезвычайно восхитила нашего любителя, и онъ завязалъ на платкѣ узелокъ для того, чпобы, какъ говорилъ онъ своимъ пріятелямъ, не забыть этой аріи.

Мать. Чего ты хочешь, мой милый? . . можешь быть, кушать? . .

Дитя. Нѣтъ.

Мать. Или пить?

Дитя. Нѣтъ.

Машь. Такъ, спать?

Дашь. Нѣтъ.

Машь. Ну, чего же ты хочешь? скажи мнѣ.

Дашь. Кричать!

Вотъ истинный образъ либеральной оппозиціи.

СО Д Е Р Ж А Н І Е №. XXXVII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза:* Сынъ Кромвелля.
Стихотворенія: Куплены изъ Бодвилля; Духъ времени;
Романа. БИБЛИОГРАФІЯ. Приказъ Короля. СМѢСЬ.

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдельнаго Корпуса
 Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 8 Мая 1851 года.

Ценсоръ П. Гавескій.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

АЗАКІЯ и ЦЕЛАРІО.

П о в ъ с т ь.

(П. П. А—Г—у.)

Не подалеку отъ мѣста, гдѣ Миссури мутныя воды свои роднищъ съ кристальною струею Миссисипи, обиааетъ народъ, какъ своимъ происхожденіемъ, такъ равно и обычаями привлекающій вниманіе. Французы положили основаніе осѣдлости сего племени дикихъ. Умѣренное трудолюбіе доспапочно для земли еще неиспощенной, лежащей въ климатѣ не слишкомъ суровомъ и не чрезмѣрно знойномъ. Ея обиапатели дѣятельны, какъ орды степныя; миролюбивы, какъ семейство орашаевъ, и, подобно племенамъ паспушескимъ, исполнены простоты и честности. Малое число старѣйшинъ, безпристрастно избираемыхъ въ правители, обязано имѣть ревностное попеченіе о непрерывномъ сохраненіи благоденственнаго порядка между ихъ

одноземцами, надъ которыми власивують добрые нравы.

Среди сего-то народа, въ сѣмъ-по мѣспѣ, природою щедро во всѣхъ отношеніяхъ одаренномъ, родился Целаріо. Уже текла двадцатая весна его дней; краса юности цвѣла на челѣ его и припоминала собою прелесни женщины, даровавшей ему жизнь; но выразительность лица его являла въ немъ силу, а взоры юноши были свѣплы и пронизательны, какъ лучъ солнца, горящаго на синевѣ небесной.

Рожденный для подвиговъ рыцарскихъ, Целаріо пренебрегалъ сладостию жизни покойной и даже чарующею любовію. Едва всступилъ онъ на богатырское поприще, какъ первый на ономъ шагъ его, возпламенилъ зависпъ въ груди храбрѣйшихъ одноземцевъ. Въ свѣплой душѣ Целаріо были соединены благородство и смѣлостъ, но онъ былъ такъ же чрезъ мѣру вспыльчивъ, какъ и большая часть удалыхъ юношей. Льстивая удача забросила въ пылокое сердце его непреклонное, решивое желаніе первенства: никого надъ собою, едва равныхъ себѣ, могъ терпѣть онъ. Малѣйшее пропировѣчіе взволновавъ душу Целаріо, распалило его гнѣвомъ, а гнѣвъ дѣлалъ его еще болѣе неукротимымъ.

Однажды, на разборотвенныхъ играхъ случайная побѣда вѣнчала слабосильнаго его

противника, который оскорбительными насмѣшками до того раздражилъ Целаріо, что сей, воспламенясь мщеніемъ, вызвалъ дерзкаго хвастуна на роковой поединокъ. Образованные обитатели Европы! вы и въ пѣ дикія еще страны Америки, какъ бы, пересадили эмпоръ ужасный обычай опмщенія обиды! Пагубныя понятія о чести, передаваемыя опцомъ сыну, вкоренились и тамъ, равно какъ въ Европѣ, и содѣлались основою бѣдственной нравственности и господства непозволительнаго права.

За вызовомъ безъотказнымъ, мстительное ратоборство скоро испыало силы оскорбленнаго и побѣдителя. Целаріо сломилъ врага и закрылъ ему глаза—смертію.

Бодрствующій законъ страны преслѣдовалъ самоуправнаго убійцу: спасеніе крылось въ одномъ безъотсрочномъ побѣгѣ. Долго колеблемый страхомъ въ выборѣ безопаснаго убѣжища, Целаріо желалъ однако жъ сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно ли надлежало ему избѣгать законныхъ поисковъ. Такъ, погруженный въ мысляхъ грустнаго недоумѣнія, бродилъ онъ въ чащѣ лѣса, примыкавшаго къ мирному его жилищу; и, едва только на третій день, когда зарею освѣтился лазурный небосклонъ, Целаріо рѣшился покинуть любимую имъ родину и, бросивъ прощальный

взглядъ на свою хижину, пустился въ непреддуманный, безвѣстный путь.

Душа Целаріо не могла долго жертвовать собою изнуренію опчаянія. Опважнось пробудила въ немъ чувство жизни, которое у нѣкоторыхъ людей подавляется низкою смѣлосцію. Одѣтый въ броню, юный и богатый запасомъ перпѣія,—онъ не могъ изгладить изъ памяти имъ утраченнаго; но вѣрно взвѣсилъ и строго оцѣнилъ то, что было сохранено имъ. Совершенная свобода, подобная той, какою пользуется могучій орелъ, разсѣкающій широкими крылами воздухъ поднебесный, усаждала грусть его. Цѣлый свѣтъ являлся для него поприщемъ, а неисповѣдимый рокъ—вожакомъ.

Еще поминпельная усталость не коснулась силъ Целаріо, когда зеленѣющіе берега шихоструйнаго Миссисипи представились его искливому взору. Съ заселеніями его единоплеменниковъ, у сей рѣки основанными, разные сосѣдніе народы вели значительный торгъ. Это хорошо зналъ Целаріо, ихъ обыкновенія и языкъ также не были для него чужды; но наклонность его сердца, боя ми разправленнаго, повелѣвала ему искать приспанища только у того племени изъ сихъ народовъ, которое рапнымъ искусствомъ спяжало себѣ всемѣстную славу.

Онъ шелъ. Заходящее солнце бросало на

обширный свѣпокрай прощальные лучи: когда Целаріо приближился къ темному, и среди бѣлаго дня, лѣсу, пронзительный, зловѣщій вопль поразилъ слухъ его. Управляемый догадкою—онъ лепишь. Скоро взору его предспаешъ жестокій дикарь съ подъятымъ мечемъ, надъ робкою и безсильною женщиною. Какъ въ грозную ночь извивистая молнія разсѣкаетъ свинцовыя тучи, съ такою быстротою, бросился на дикаря Целаріо и увѣсиснымъ мечемъ пригвоздилъ смерть къ тому, кто грозилъ убійствомъ беззащитной слабости. Когда Целаріо покоилъ спасенную жертву и мгновенно окидывалъ се огненными взорами изъ-подъ черныхъ ресницъ своихъ, то въ шопъ же мигъ искра чувства для него безвѣснаго заплмилась въ его сердць. „Тебѣ обязана я жизнию и славою!“ сказала спасенная своему избавителю, изумленному ея красошою; во мнѣ ты видишь супругу великаго Оваби, вождя Иллинейцовъ. Я сопуществовала ему въ дѣлѣ кровавомъ прошиву Гуроновъ, опъ незауамяшныхъ временъ, непремиримыхъ враговъ нашихъ. Несчастныя толпы ихъ нахлынули на насъ въ глубокую ночь, когда беспечный сонъ шягошилъ наши вѣжды; превозмогающему числу ихъ мы тщешно пропивились. Мое плѣненіе было вѣнцемъ ихъ побѣды. Врученная оберегапельству трехъ спражей вражескаго шана, я безъукорно,

прошиву моей совѣспи, содѣлалась гибельною причиною и невольнымъ свидѣтелемъ яростной драки, пролившей кровь ихъ. Два моихъ спиража пали подъ тяжкими ударами претрпѣлаго, опть звѣрской жестокости коего ты спасъ дни мои! Могу ли узнать, кому обязана я нѣжнѣйшею благодарностію за столь важную для меня услугу? Ты кажешься обипателемъ чуждой мнѣ земли. Броня, чело твое и одѣяніе необманчиво кажутъ въ тебѣ Европейца; но ты имѣешь всю оипагу Американца. Откройся мнѣ, юноша! и ежели, о! да не будетъ обманчива моя надежда! супругъ мой избѣгъ смертельнаго удара; по солнце вразумитъ насъ достойно возблагодаришь шебя.

„Прелестная незнакомка! отвѣчалъ ей возторженный Целаріо, я родился въ Америкѣ, но опть крови иноземной. Имѣлъ опечесиво и увы! самъ себя лишилъ его! . Я почишалъ себя обреченнымъ злополучію и мое сердце чуждо было упованья свѣтлыхъ дней; но благодатное спасеніе безцѣнной твоеей жизни провикло лучемъ надежды мою душу Я чувствую это, и съ той блаженной минутой, какъ увидѣлъ свѣтъ очей твоихъ, считаю себя неизмѣнно принадлежащимъ твоему народу. Располагай жизнью моею, упошребни силы мои противъ лютыхъ враговъ

своихъ; ратоборствуя за себя, я буду неодолимъ.

И вопль, очаровательная Индіанка ведетъ юношу-спасителя на урочное мѣсто, гдѣ разбитые Иллинейцы должны спивовали собраться въ нестройныхъ полкахъ. Темнои ночи, благопріятная робкимъ сердцамъ любовниковъ, сильно превожила нашихъ путешниковъ. Целаріо спасъ жизнь Азакіи, подъ его же добровольною спражею, она шла по излучиспой пропинкѣ, робкою стопою. Но честь и чувство непорочности, благороднымъ подвигомъ пробужденныя въ груди Целаріевой, служили знаменипой Индіанкѣ щипомъ-хранишелемъ.

Среди пѣней стародавняго лѣса, въ чащу котораго съ вѣковаго свода небесъ едва можетъ прокраснѣть лучъ солнечный, тамъ,— между мшистыми скалами, находишся въ ущелин пещера, вѣшвыстыми верхами высокихъ, пѣниспыхъ деревь закрытая. Тайное положеніе оной и ведущая къ ней узкая, змѣвидная тропа, извѣстны однимъ только спарожилымъ Иллинейцамъ. Въ эпомъ мѣспѣ собравшіесе выпязи, послѣ бѣдспвенной бипвы, съ повикшими головами опъ испомы душевной, числили и оплакивали утрапу поварницей и затмѣніе славы. Обаби, давній ихъ вождь, спарець-лѣшамн, юноша-духомъ, сидя на мраморномъ обломкѣ, раздувалъ въ сердцахъ ихъ кровавоє мщеніе врагамъ. Какъ дубъ

сполъпній, зеленъющій еще свѣжестью и вознесенный надъ прочими древами лѣса, — шакимъ казался випязь сей, среди поварищей брани. Ему, какъ спаръйшему и наиболѣе въ школѣ опыта бывшему, общимъ согласіемъ народа было ввѣрено копье силы и воли надъ рапниками. Довѣренность же, снисканная имъ опъ единоплеменниковъ, замѣняла собою возможные награды его заслугамъ.

Пушеводимый красивою Азакією, Целаріо смѣло приблизился къ сему мрачному мѣспу, гдѣ оспорожный Оваби ловилъ быспропечный покой. При появленіи незнакомца списнули успа випязи побѣжденные. Азакія, представивъ Целаріо своему супругу, опдала должную похвалу благородству и мужеству приведеннаго ей удалца.

„Юноша! сказалъ ему спарець, ты спасъ подругу дней моихъ и опнынѣ я зову тебя моимъ сыномъ. Ты станешь въ рядъ поборниковъ земли нашей, и сдва знойное свѣтило дня закинешъ лучи свои за эту высокую гору, мы грянемъ на враговъ нашихъ грозною тучею, дабы кровь павшихъ въ бою соповарищей успокоишь ужаснымъ мщеніемъ. Приблизься, и осуши эту чашу; ты подкрѣпишь ею силы свои, чшобы потомъ оружіемъ *блльыхъ*, которое замѣчаю на тебѣ, могъ храбро громить враговъ нашихъ. Одна спасительная минуша жизни Азакіи,—перывиспо

оповѣчалъ великодушный Целаріо на рѣчь сшарца, — уже вознесла меня на верхъ счаснія! Управляй мною въ бою, предрѣкаемомъ побою и ты будешь свидѣтелемъ моихъ подвиговъ. Сін рамена, узброенныя по гласу Азакіи, не могутъ быть безсильными. Сказавъ это, онъ кинулъ пылкій взглядъ на юную подругу Оваби, споявшую въ шомной задумчивости. Между рапоборцами быстро разлился, малый, одобришельный шумъ въ похвалу иноземца; сама Азакія казалась всепревощенною мечшашельнымъ чувствомъ, которое родилось въ дѣвственной ея душѣ, отъ льстивой мысли о будущемъ поржесствѣ ея спасителя.

Наступившій день былъ опредѣленъ для разузнанія, гдѣ раскинуты шашры непріятельскіе? Наконецъ, справа враговъ открыта и число ея сочпено. Знакъ къ нападенію поданъ. Въ часъ ночной темноты облегли безпечныхъ Гуруновъ, со всѣхъ споронъ. Одни изъ нихъ, которые въ тихонъ снѣ ловили неуловимые дары сновидѣній—уснули на вѣки, другіе пробужденные дикими криками боеваго смяшенія, не могли долго пропнвустоять превозмогающему напнску. Смертный шрепетъ объялъ спавъ всепревощенныхъ Гуруновъ. Робко спскались они къ своему повелителю и окрестнть его готовились на безбоязненную встрѣчу смерти. Невозможность

снискавъ спасеніе въ побѣгѣ, заставила ихъ промѣнять мужество на звѣрскую ярость. Иллинейцы; удивленные нечаяннымъ оппоромъ соединенныхъ враговъ — невольно поддаются. Но вопль въ средину сѣчи врѣзывается Целаріо. Убийственное оружіе сверкаетъ огнь быспрыхъ движеній жилистыхъ рукъ, и поощрительный голосъ его разгоняетъ страхъ, обуявшій его поварищей. Валаются Гуроны подъ тяжкими его ударами, а Иллинейцы, озаренные надеждою побѣды, и одушевляемые примѣромъ юнаго героя, также напираютъ на враговъ. Наконецъ, непріятель, принужденный къ гибельному отступленію, оставляетъ въ добычу сильнѣйшимъ огромный свой обозъ.

Въ эпоху ужасной сѣчи, Целаріо былъ раненъ. Въ то время, когда мужеспвенный Оваби съ сонмомъ знаменнѣйшихъ виписей, шѣсниль другой опрядъ войскъ непріятельскихъ, шѣ изъ Иллинейцевъ, которымъ поручено было опданіе по опечеспвеннымъ обрядамъ послѣдняго долга, шѣламъ, ушправившихъ жизнь на мѣстѣ битвы, принесли ослабѣвшаго Целаріо, на сплешенныхъ вѣшвахъ гибкаго кустарника, въ главное мѣсто ихъ поселенія. Благородный Оваби поручилъ нѣжной своей сунругѣ попеченіе о возстановленіи здоровья усышовленнаго имъ юноши. Она са-

ма перевязывала его раны, сама подавала ему вкусную пищу, бодрствовала надъ нимъ, когда сладоспный сонъ смыкалъ его вѣжды и первая, по пробужденіи Целаріо, встрѣчала свѣпмый взоръ его.

(*Окоптаніе въ слѣдующемъ No.*)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

М о т ы л ё к ъ .

Пришла весна — и вновь зефиръ
 Какъ ароматъ струишь эфиръ;
 И солнце въ небѣ голубомъ
 Горитъ живительнымъ огнёмъ; —
 Среди садовъ, среди полей
 Блесплящъ цвѣтны, — и соловей
 Въ шпни дубравъ поетъ любовь; —
 И дышетъ все опрадой вновь.

Красой волшебною блистая,
 Разкрыла роза свой листокъ;
 И вопшь съ *цвѣтка на цвѣтъ порхалъ*
 Къ ней подлешаетъ мошылѣкъ
 И свѣши пѣетъ сокъ ароматной; —
 Но вдругъ какой-то голосъ влптной
 Мнѣ говоритъ: — цвѣшочикъ сей
 Эмблема участи швоей. —
 И въ плонъ же мигъ, багровы шуми
 Покрыли небо — грянулъ громъ,
 И свиснувъ вѣтръ на прахъ зыбучій

Кидаетъ розу съ мопылькомъ; —
 Онъ въпрепелувшись умираетъ, —
 А съ нимъ осыпанный пескомъ
 И пышный розанъ увядаетъ!

 Но мигъ еще — что жъ вижу я?

Милѣ прежняго блеспл,
 Взмахнулъ крылами мопылѣкъ—
 И нежный шихій въперокъ
 Несетъ, съ увядшаго цвѣшка,
 Съ собой подъ небо мопылька

Когда смерть грозная срываесть
 И съ насъ сей временный покровъ
 Нашъ духъ не такъ ли воспаряетъ
 Къ Творцу безчисленныхъ міровъ!

Съ Франц. *А. Грековъ.*

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ.

4 МАЯ БЕНЕФИСЪ Г. VERNET.

L'ecole du Scandale, ком. въ 3 дѣйств. Это вѣрный сколокъ съ извѣстной комедіи Шеридана *школа злословія*. Считаая излишнимъ разпроспраяться здѣсь о ея содержаніи, скажемъ нѣсколько словъ объ игрѣ актеровъ: роль Миледи Тизме, занимала Г-жа Virginie Bourbier.

Говорить объ эпюй актриссѣ, значить хвалить ее. Г-жѣ Bourbiere не привыкать спать къ похваламъ, равно какъ и намъ: отдавать ей должную справедливость; и въ эпюй небольшой роль былъ виденъ блескъ таланта. Какъ превосходно выразила Г-жа Bourbiere чувство оскорбленной женщины, услышавъ неожиданно объясненіе въ любви лицомъра; какъ краснорѣчива была ея нѣмая сцена, когда мужъ находить ее за ширмами у своего пипомца; какую жизньъ былъ согрѣтъ разсказъ ея мужу! . .

Должно отдать справедливость Г. Paul: роль племянника-мота была сыграна имъ прокрасно; въ эпюй роль онъ явился достойнымъ соперникомъ нашего несравненнаго Сосницкаго.— Вообще ком. была разыграна хорошо, и Г. Montalan не испортилъ своей роли; а это, право, не бездѣлица!

Les manteaux et les voleurs, ou le tailleur dans l'embarras; Водевиль сей также извѣстенъ нашимъ чипателямъ, по Русскому переводу, подъ названіемъ: *Тринадцатаго плаща*; слѣдовательно, говорить о содержаніи его, значить повторять старое.

Г. Mairet, въ роль Саксонскаго солдата былъ не подражаемъ; Французско-Нѣмецкій выговоръ его и ксати употребляемое восклицаніе: der Teufel! завлаждали зрителей смѣяться отъ души.

Бенефициантъ, въ роль портнаго Блума, былъ очень забавенъ; особливо отвѣтомъ своей любезной, упрекавшей его въ вѣтренности: moi volage! leger!—un allemand!

Въ заключеніе спектакля давали водевиль: *Monsieur Croquemitaine ou le don Quichotte de Noisy-le-sec.*

Фарсъ, содержаніе коего взято изъ извѣстнаго Лесажева романа.

Крокмишенъ (*Mr. Vernet*) и его оруженосецъ (*Mr. Mairet*) пустились докишотесничать. Рыцарь передувивъ спядо мериносовъ, оспанавливается въ деревенской гостиницѣ, принимая ее за замокъ, практирщика за рыцаря, а дочь его, простую поселянку, за красавицу, удерживаемую чародѣсмъ насильно въ заколдованномъ замкѣ. Хозяинъ Мериносовъ, которому не поправилась внезапная кончина его животныхъ, и который выведенъ на сцену такимъ же безумцемъ, какъ и Крокмишенъ, вызывается сего послѣдняго на единоборство.

Раздается магическій свистъ машиниста, и кулисы пришли въ движеніе; но о, горе! тогда какъ сѣи послѣдніе представляли лѣсъ, задній занавѣсъ опустился только до половины и по криво; зрители видящъ: опрокинутые столы, скамейки, лежація на полу кусты, валяющуюся воду и проч. и проч. Громолаено раздавалась команда режисера: *baissez, baissez la toile! au diable le maladroit*; нѣсколько закулисныхъ приспавовъ выбѣгаютъ на сцену, забывъ, что передній занавѣсъ открытъ и зрители на лице; актеры смѣшались; прошивникъ Крокмитена видя, что суматоха увеличивается болѣе и болѣе, забываетъ свое рыцарство и сказавъ гнѣвно: *joue qui*

voudra. уходитъ со сцены. Бенефициантъ, Mr. Verpet извинился предъ публикою въ такой псудачь и рассказавъ развязку водевиля, оканчиваетъ его куплетомъ.

Не безпокойтесь, почтенные чипапели! Безпорядокъ сей, по волю автора, составляетъ развязку водевиля, и выполненъ, какъ и вся пьеса, прекрасно.

Э.

С М Ъ С Б.

П О Г О В О Р К И.

Поговорки многихъ людей, игравшихъ и играющихъ важныя роли въ свѣтѣ, служащъ иногда основою ихъ правилъ, и ключемъ къ инымъ, часно загадочнымъ ихъ дѣйствіямъ.

Извѣстный честолюбецъ времянь Людовика XIV, Фуке говаривалъ всегда: Quo non ascendam? Эта поговорка способствовала его паденію.

Генрихъ IV, Король Французскій, избралъ себѣ девизомъ слова: *in via virtuti nulla est via*. Поговорка, достойная Великаго Государя!

На Пепровскомъ или Руссовскомъ островѣ Билерскаго озера, въ жилищѣ Руссо, изпещрены почти всѣ стѣны безчисленными именами путешественниковъ всѣхъ странъ Европы. Между прочими, тамъ найдшся имя и *В. Питта*, съ слѣдующимъ девизомъ:

Vaincre — n'importe comment! Если бы первый Министръ не написалъ самъ этихъ прехъ словъ, то трудно было бы выразишь короче и удачнѣе политическій его характеръ.

Aut Caesar aut nihil! поговорка высокопарныхъ юношей. Мелкія души говорящъ напоследокъ: aut Caesar aut aliquid!

В Е С Ъ В Ъ О Т Ц А .

Въ 1813 году, когда побѣдоносная Русская армія, проводивъ за границу незваныхъ гостей, очищала Германію опъ ожесточенныхъ воиновъ Наполеона, — въ одномъ городѣ, по случаю полученной вповъ реляціи, приносимо было Господу Богу благодарственное молебствіе . . . Когда, читая реляцію, Дьяконъ произнесъ слова: »Генераль-Маіоръ NN. разбивъ Французовъ, *занялъ* съ своимъ опрядомъ укрѣпленный городъ N.«—Отецъ этого Генерала, бывший шакже въ церкви, вскричалъ: »весь въ опца! . . по моему, *все занимаетъ!*«

Покойный Р , не работѣспвуя модѣ, любилъ старину, и въ нашъ, если не просвѣщенный, то, по крайней мѣрѣ, причудливо-упонченный вѣкъ, не хотѣлъ расстаться съ пуклями и косою.—Возвращаясь однажды изъ лѣшняго сада, дряхлый Р . . . присѣлъ опдохнуть на набережной Фонпанки. — »Кню шамъ

сидишь?» спросилъ гость, стоявшій съ хозяиномъ дома на балконѣ.—»Помилуйте, не уже ли вы не видите? . . . Это просто,—нашла коса на камень!« отвѣчаетъ хозяинъ.

Н О В О С Т И.

Въ Мадридѣ, *Д. Б. Вигуера* издалъ нынѣ въ свѣтъ прилцатильтшій трудъ свой, подъ названіемъ: *La fisiologia y patologia de la muger.*

Раунахъ написалъ новую трагедію: *Король Фридрихъ.* Въ непродолжительномъ времени она будетъ представлена на Берлинскомъ Королевскомъ театрѣ.

Одинъ мореходецъ рассказываетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ, какъ житель острова Шамиссо—продавалъ кожи Европейскому мапросу. Мапрось давалъ хорошую цѣну, дикарь былъ почти согласенъ, но, чтобы узнать выгоденъ ли для него этотъ торгъ, онъ поймалъ маленькаго жука и, посадивъ его къ себѣ на ладонь, съ чрезвычайнымъ вниманіемъ, наблюдалъ всѣ движенія паськомаго . . . Наконецъ, жукъ повернулся головою къ дикарю, — изъ чего продавецъ заключилъ, что торгъ для него не выгоденъ — и оставилъ у себя кожи.

Знаменитѣйшій, неизощримѣйшій и неустранимѣйшій Московскій романистъ *А. Орловъ* грозитъ намъ вдругъ двумя своими сличеніями: въ 30-мъ Но. Московскихъ вѣдомостей книгопродавецъ *Василій Логиновъ* объявляетъ, что у него принимается подписка на вновь издаваемыя книги: 1) *Смерть Ивана Выжигина, съ портретомъ Автора*, и 2) *Крестный отецъ Петра Выжигина, или два кула Ивана Ивановича Выжигина*

Умилосердитесь *А. Орловъ!*

СОДЕРЖАНІЕ No. XXXVIII.

ИЗЯЦНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза:* Азакія и Целаріо. Повѣсть. *Стихотворенія:* Мошылѣкъ; *А. Грекова.*
 ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ. СМѢСЬ. Поговорки. Весь въ опца. НОВОСТИ. НОТЫ.

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса
 Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 13 Мая 1831 года.

Ценсоръ *П. Гаевскій.*

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

А. ЗАКІЯ и ЦЕЛАРІО.

П О В Ъ С Т Ъ .

(Окончаніе.)

По мѣрѣ того, какъ силы Целаріо возобновлялись, онъ чувствовалъ счастливоспъ своего положенія; но неспокойное бѣеніе сердца оправляло минуны его блаженства. Чувство, подобное ѣдкостію своею ржавчинѣ, снѣдающей металлъ, заплѣлось въ темныхъ изгибахъ его души. Какъ? Эпа душа поскользнулась на шо, чшобы измѣною заплапипъ за гостепрїимство? Осмѣлилась дышать любовію къ сострадательной подругѣ его благошворителя, и за нѣжную заботливоспъ о возстановленіи его здоровья, грозипъ повергнуть ее въ юдоль плачевную? Въ опсуществіи Азакіи честь и разсудокъ превозмогали такой черной замыселъ души недужнаго; Целаріо рѣшался погасипъ пламя пожравшей

его страсти но, вся память о сихъ добрыхъ мысляхъ исчезала, какъ тѣнь, при появленіи прелестной Индіанки.

Въ такіе мучительные часы, когда душа Целаріо была занята споль порочными думами, вождь Иллинейцевъ возвращался въ свое постоянное мѣстопробываніе, покрытый славою, послѣдуемый плѣнниками, и отягченный добычею. Рокъ боевой, въ это время, кровопильствовалъ ему неизмѣнно, и обезсиленные толпы Гуроновъ радостно приняли мирную вѣшвь отъ побѣдителя.

Возвращъ Оваби былъ поводомъ къ приуготовленію великаго торжества: оно должно было бытъ днемъ празднества введенія плѣнныхъ въ права народа ихъ побѣдившаго и днемъ смерти. У дикихъ, но воинствующихъ народовъ, не скоро вознаграждались бы пошери, въ бояхъ понесенныя, еслибы забранцы чуждаго племени не замѣщали собою павшихъ въ битвѣ. Обычай сей одинаково соблюдаемый почти всеми дикарями, равномерно почитается у нихъ священнымъ, какъ и та мнимая необходимость, чѣобы нѣсколькихъ плѣнныхъ враговъ приносить въ жертву тѣнямъ соотечественныхъ вѣщезей, павшихъ въ бою. Каждый изъ захваченныхъ обязанъ носить бранный нарядъ въ рядахъ своихъ побѣдителей и дѣйствовать онымъ по ихъ волю, или обречь себя, подобно слав-

ному Регулу, на казнь и муки, взорами однихъ дикарей переносимыя. Изъ числа забранцевъ племени Гуруновъ для подобнаго шоржества назначены были: отецъ и два его сына.

Прелестная Азакія, пользуясь правомъ знаменитости своего супруга, удалилась опъ наводившаго ей шрепешъ шоржешва, не взирая на то, что ея же супругъ долженъ швовагъ распоряжать онымъ. Опъ природы кропкая душою и пѣжная сердцемъ, она шрепешала, какъ вѣшній листъ опъ шиховѣйнаго вѣшра, при одной мысли о споль звѣрскомъ зрѣлищѣ; и бывъ увѣрена, что одинаковыя чувства къ сему обряду опклоняли Целаріо опъ присутствіа при ономъ, она рѣшилась удалиться на шопъ день вмѣстѣ съ своимъ шисшелемъ въ богатѣйшее ненагядными видами мѣсто, находившееся въ значительномъ разшояніи опъ главнаго поселенія ея одноземцевъ.

Свѣшило дня еще не внеслось на высочайшую точку лазуреваго свода. Насладительный запахъ, обильно разсѣянныхъ природою цвѣповъ, наполнялъ воздухъ. Едва примѣпный шуманъ, покрывавшій красующіеся луга, дѣлалъ картину окрешностей еще приманчивѣе: взорамъ пупниковъ казалось, что съ эшимъ шуманомъ соединены были всѣ очаровательности природы. Съ долины, какъ

бы особенно любимой Флорою, Азакіа и Целаріо жадно созерцали живописные виды, со всѣхъ сторонъ оспанавливавшіе ихъ на нѣсколько пріятныхъ минутъ. Никогда зрѣлище природы не производило столь сильнаго впечатлѣнія на пылкія чувства и бѣглую мысль Целаріо. Онъ кинулъ взоръ на Азакію и вздохъ искренній, какъ отголосокъ сердца, вылетѣлъ изъ его дебетой груди. Никогда Индіанка сія не казалась ему столь прелестною, какъ въ эту минуту. Красивый вѣнокъ, изъ цвѣтовъ и разноцвѣтныхъ развѣвавшихся перьевъ, величался на черныхъ блестящихъ волосахъ ея, копорые въ двойныхъ сплешеніяхъ упали на ея лилейныя плечи и на ясное, какъ майскій день, лице. Небрежно накинутый бѣлый плащъ, сомкнутый на ея груди, покрывалъ волнистыми своими изгибами богатый нарядъ. Легкій колчанъ висѣлъ за ея плечами, на изгибистый же лукъ она слегка опиралась. Розы цвѣли на устахъ ея, огонь молодости блисталъ въ ея взорахъ.

Опдохнемъ, другъ мой, подъ симъ развѣсистымъ деревомъ, сказала Азакіа своему спутнику. Я расскажу тебѣ то, что заспавило меня дасть Оваби кляпву на супружескую вѣрность. Тебѣ небезъизвѣстно, что опецъ мой славился между храбрецами нашего племени. Съ Оваби дѣлалъ онъ всегда пруды

времени браннаго и лишь мирныхъ. Дружба, самая искренняя, ихъ соединяла. Въ одну бѣдственную минушу, родитель мой, бывъ раненъ убійственною стрѣлою, изъ вражьяго снапа Гуроновъ пушеною, перья свѣтъ жизни, поручилъ меня, единственную дочь свою—попеченіямъ своего друга. Въ лицѣ Оваби я наследовала другаго опца. Чувство моей благодарности привязывало меня къ сему благодѣтелю. Я не осмѣлилась опвергнуть предложенія бытъ женою человѣка, котораго душу украшаютъ и доброта, и храбрость, и благоразуміе. Еще немного лунъ появлялось на сводѣ небесномъ съ шой минушы, какъ брачный обрядъ соединилъ насъ. Я нашла въ Оваби истиннаго друга и навсегда сохраню къ нему вѣрность. Чувствую себя счастливою въ семъ соединеніи и наиболѣе съ того времени, когда увидѣла тебя и когда Оваби мнѣ сказалъ: „будь привязана къ нему,“ хотя и безъ сего, какъ спасителя жизни моей, обязана тебя любить. Изъ благодарній оказываемыхъ мнѣ супругомъ моимъ, я почишаю величайшимъ шю, что онъ къ тебѣ милосердивъ и ласковъ.

Азакія! не шюи груди своей увѣреніями въ нѣжной швоей ко мнѣ дружбѣ. Твой голосъ всегда былъ для меня сладчайшею опрадою; но, въ это время неясныя слова швой вливаютъ въ мою опрошѣвшую душу мучи-

шельную оправу. Долго я наслаждался, безмолвно взирая на тебя, и давно умѣю цѣнить твои радушныя милости, щедро мнѣ оказываемыя. Ежели бы ты изъ одного сопраданія имѣла попеченіе о моемъ выздоровленіи, я былъ бы можетъ быть исполненъ къ тебѣ одною только благодарностію; но твоя пламенная ко мнѣ привязанность издавна раздувала огонь, скрыто меня пожирающій. Кипю жъ изъ смерсныхъ, получаю отъ тебя столько доказательствъ твоей сердечной склонности, не былъ бы объятъ симъ пламенемъ? Ты же Азакія, не уже ли превыше женщинъ? Не уже ли природа, сопротививъ тебя, отказала тебѣ даже до послѣдней искры въ томъ неземномъ огнѣ, которій счастливитъ дни всѣхъ чувствительныхъ существъ.

Несправедливый другъ! напрасно укоряешь ты меня за невольное признаніе въ числѣ къ тебѣ дружбѣ. Ты хочешь самъ лишитъ меня неизъяснимаго удовольствія открытъ тебѣ душу мою и сказать: люблю тебя. Когда я бодрствовала у твоего болѣзненнаго одра, когда мы сливали наши пламенныя чувства въ неясныхъ рѣчахъ — я была счастливою и наслаждалась спокойствіемъ. Ахъ! если бы ты Целаріо былъ въ моемъ положеніи. О, какъ драгоценна и усладительна свобода невинности! Ты знаешь, кому клялась я

въ супружеской вѣрности, и пакъ, покинь пагубную мысль содѣлашь меня вѣроломною. До сихъ поръ я смѣла на шебя смотрѣть покойно и пресупный страхъ не стягопилъ моего неробкаго сердца; но теперь, когда ты объяснилъ мнѣ волненіе груди твоей, когда ты смѣло говоришь мнѣ о любви пресупной — я вижу передъ собою супруга — онъ спойишь между тобою и мною, и образъ его скрываетъ шебя ошь мѣхъ искливыхъ взоровъ.

И пакъ все рѣшено! Я удаляюсь отъ шебя Азакія и—навѣки! Не буду болѣе нарушать священнаго покоя твоей невинности. Въ дальнія земли пойду искашь забвенія несчастій, меня крушащихъ. Но, куда бы безиріюпная спона моя не занеслась, куда бы не завело меня слѣпое опчаяніе, всегда и вездѣ я буду помнишь твои благодѣянія. Я приведу себѣ на память, что меня изгнаннаго и всѣми оставленнаго, Азакія радушно приняла къ себѣ и любила, какъ однокровнаго брата; живила мои раны и спокрашно вливала въ мою опчаянную душу бальзамъ успокоенія. Была пакъ привлекательна и прелестна, что я не могъ не любить ее, со всею горячностію спраспи, но она клялась уже другому, и оппалась вѣрною. Мнѣ должно было ошь нее удалиться!

Ахъ! если ты покинешь насъ, Целаріо, по-

кинеть и счастье нѣжнаго пвого друга! Изнурипельное безпокойство и черная тревога по тебѣ, будущь отправлять дни мои тдкою печалію. Мерпвое воспоминаніе о тебѣ будешь преслѣдовать меня и въ кратковременномъ снѣ. Ахъ, оспанься другъ мой! Опложи пвое ужасное для меня намѣреніе, не далье, какъ на при заката солнца. Эпного требуешь опъ тебя несчастная Азакія.

Едва умолкнулъ прогашельный голосъ Азакіи, какъ перловыя слезы покапились изъ очей ея — и она подала руку своему другу. Целаріо съ живоспію схватилъ оную, желалъ прижать Азакію къ груди своей, утѣшить се; но сердце его замирало опъ воспорта—и опъ оцепенѣлъ. Другъ мой! сказала Азакія, прерывая пишину обоюднаго забвенія, я должна съ побою разлучиться, иду къ моему супругу: его образъ заппился въ моемъ сердцѣ и совѣсть упрекаетъ меня въ эпомъ!

Сказавъ сіе, Азакія, въ трепешномъ безмолвіи пошла по тропикѣ, ведущей къ заселенію. Мысли ея носились въ прошедшемъ и ей слышались слова юноши, копорого она оставила въ какомъ-то недоумѣніи. Целаріо пошупивъ взоры, неволью слѣдовалъ за нею.

Въ это время споустая молва разнесла между Иллинейцами бѣдспвенную вѣспь: многочисленный опрядъ Гуроновъ съ ихъ союзниками, першедь рѣку, жадно искалъ случая

сдѣлавъ нападеніе на мѣспопребываніе Оваби. Прозорливый вождь сей немедленно далъ знакъ собиранья ратоборцамъ. Уже толпа воиновъ его раздѣлена на три отряда: два изъ нихъ должны были преслѣдовать враговъ, преръему поручена была защита и оберегательство жилищъ. Однимъ изъ первыхъ отрядовъ предводительствовалъ Целаріо.

Но непріатели усиленнымъ переходомъ столь неожиданно приблизились къ жилищамъ Иллинейцевъ, какъ не предполагалъ того Оваби. Однако жъ онъ быстро двинулъ свое ополченіе, напалъ на враговъ и въ эпошь бѣдспвенный разъ уступилъ силъ. По долгомъ сопротивленіи, оказавъ чудеса храбрости, Оваби впалъ въ руки непріателей. Подобная участь постигла и многихъ его товарищей.

Радостные клики раздавались въ станъ Гуроновъ: обогащенные значною добычею и гордясь плѣненіемъ непріательскаго вождя — они сходили съ боеваго мѣста, пуская послѣднія стрѣлы. Толпа плѣнниковъ украшала ихъ возвратный путь, и они рѣшились посвятивъ одну ночь обычному обряду опмщснїя.

Посреди необозримой пустыни, прилегающей къ пологимъ берегамъ тихоспруйной Миссенсини, находится обширная равнина: раздруженныя между собою деревья, ни совер-

шенно обнаженные, скалы покрытыя густымъ мхомъ и грозящія паденіемъ, казалось, обвиняли жестокость всепожирающаго времени. . Одинъ пронзительный вой дикихъ звѣрей и журчаніе кристальнаго ручейка нарушали мертвую тишину сего безжизненнаго мѣста. Въ сію-то ужасную равнину, куда развѣ быспрая кабарга изрѣдка заманиваетъ преслѣдующаго ея охотника, Гуроны привели жершвы, обреченныя для успокоенія тѣней убитыхъ своихъ собратій.

Окованный пяжками цѣпами, мужеспвенный вождь Иллинейцевъ безъ смущенія смопрѣлъ на угрожавшія ему мученія; возвышенный душою и въ минуны злополучія, онъ величеспвеннымъ взоромъ показывалъ пренебреженіе къ ярости своихъ побѣдипелей. Уже пожирающее пламя съ шрескомъ вносило въ извивиспымъ столпомъ до дымообразныхъ облаковъ, и ужасающею яркостію освѣщало одичалое мѣсто. Унывшіе опъ смертнаго страха, осужденные забранцы приближались къ костру. Никто не дерзалъ нарушить гибельнаго безмолвія: ожидали одного роковаго знака для начашія кроваваго торжеспва.

Еще длилась трепетная тишина. Вдругъ послышался раздавшійся голосъ. Трикрапы повторило его неизмѣнное эхо. Невольный страхъ объялъ сердца ликовавшихъ Гуроновъ.

Они кидаются къ оружію; но уже смяшеніе и безпорядокъ предвозвѣстили ихъ пораженіе.

Быстрый, какъ молнія, спаситель Иллинейцевъ ударилъ на смутившихся враговъ. По звучному голосу, по мѣлкимъ ударамъ и дивной храбрости, плѣнные Иллинейцы узнали Целаріо; свѣпшая надежда заискрѣлась въ ихъ сердцахъ; храбрѣйшіе изъ Гуроновъ, при появленіи сего юноши, разсѣвались, какъ облетѣвшіе листья дерева опъ уносящаго ихъ вѣтра.

Оваби, шумомъ изторгнумый изъ самозабвенія, такъ же узналъ своего друга. Кровь въ жилахъ спарца запылала благородною ревностію; онъ видѣлъ себя превзойденнымъ въ отважности. Ко мнѣ, сынъ мой, возопилъ онъ, ко мнѣ! Разорви эти гнусныя узы; вооружи мои рамена, я завидую твоей славѣ и хочу еще разъ, вмѣстѣ съ тобою, разить враговъ нашихъ.

„Опонецъ мой, другъ и благодѣтель! воскликнулъ Целаріо, освобождая Оваби отъ цѣпей. Слава солнцу! Мнѣ удалось спасти жизнь твою! . . . Но не завидуй моей славѣ, для одного только меня драгоценной. Я исполнилъ обязанность къ тебѣ и народу, поручившему мнѣ власшь надъ собою, на это горестное время.

Увы! освобожденный Оваби не могъ уже опвѣщивованъ своему спасителю: обезси-

ленный поперею крови, пропивуборствомъ гореспи, внезапно слившейся съ воспорженною мыслию о свободѣ, вождь сей, издавна наводившій страхъ на своихъ непріятелей, казался уже близкимъ къ послѣднимъ минушамъ жизни. Всѣ знанія одноземцевъ его и всѣ ихъ спаранія были употреблены къ тому, чтобы подкрѣпить его силы, и когда одни изъ нихъ ломали длинныя копья въ груди слабопротивившихся Гуруновъ, Целаріо съ нѣсколькими сподвижниками перенесъ, на широкомъ плащѣ, омершвѣвшаго спарца въ его жилище.

Заботливья попеченія разпроганной Азакіи, соединенныя со спараніемъ привязаннаго къ Оваби чувствительнаго народа, который лишался въ немъ опца и богатыря земли своей, не могли удалитъ прикоснувшейся уже къ нему смерти. Оваби пренебрегалъ ею среди многочисленныхъ боевъ; но въ это время, лежа на одрѣ, не имѣлъ силъ онъ ее спастись. Смертный недугъ приковывалъ уже главу его къ болѣзненному одру. Дыханіе его было прерывисто; но собравъ оспальныя свои силы, онъ обращается къ Азакіи и Целаріо, и угасающимъ голосомъ говоритъ имъ:

„Всевышній Брама, располагающій жизнию людей, не удостоилъ меня почестной смерти на полѣ славы; но онъ не лишаетъ меня вѣчнаго въ своемъ лонѣ успокоенія. Храбрѣйшіе

изъ выпязей завидовали когда ты, Азакія, отдала мнѣ свою руку; въ нашей землѣ нѣтъ соперницы красотѣ твоей. Ты была мнѣ утѣшительницею и вѣрнымъ другомъ; я оставляю себя безъ упрека; но весна жизни твоей еще въ полуднѣ, ты должна имѣть сузруга, достойнаго нѣжности твоего сердца. Целаріо! ты не былъ нечувствительнымъ къ предеспямъ Азакін; ты свято сохранилъ права признапельной благодарности и чести! Тупъ спарець умолкъ и глаза его сомкнулись. Азакія, Целаріо и всѣ предстоявшіе рыданіемъ своимъ, какъ бы, хотѣли снова пробудить его. И дѣйствительно, не весь духъ и не всѣ еще силы излетѣли изъ тѣла Оваби. Онъ очнулся, скрѣнился и еще могъ сказать: Дѣти мои! уже исчезаетъ преграда васъ раздѣлявшая соединитесь надъ моимъ прахомъ; на чего пролейте слезы доброй памяти: это будетъ для меня пріимчивѣйшимъ приношеніемъ вашей ко мнѣ дружбы.

Последній день жизни сего спарца уже догоралъ, когда эти прощальныя слова вылетѣли изъ поблѣднѣвшихъ устъ его, вмѣстѣ съ жизнію. Еще въ зеницахъ спарца плыла какой-то тусклый свѣтъ и взоры его казалось, искали чего-то; но вдругъ они стали неподвижны, свѣтъ ихъ угасалъ поспешно и—угасъ на вѣки.

Не стало храброго Оваби. Тѣнь его оплелъ
въ безвѣстныхъ спраны-выси небесной;
здѣсь—на землѣ, осталась счастливая чеша.

Съ Польскаго, *Л. Крствицъ.*

С. УПЛАТНОЕ.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

КУПЛЕТЫ ИЗЪ ВОДЕВИЛЯ: ДУХЪ ВРЕМЕНИ.

А Л П Е Н Б Е Р Г Ъ.

Я думалъ свашьбу эту сладить,
И глупости швердилъ имъ вслухъ: —
Но все усилъ какъ разъ изгадить —
Духъ времени — проклятый духъ! —
Мнѣ спала Берша непокорна —
И вопъ шеперь примѣръ живой:
Духъ времени—поршпой проворной —
Ее скроилъ на свой покрой!

Ш Т Р И М Ъ.

Какъ въ свѣтъ все идетъ красиво
И какъ впередъ подался свѣтъ!
Толкашья спало неучливо,
Сполкнушь же съ мѣста нужды пѣшь!
Такъ прежде не было въ народѣ —
Но спалъ народъ шеперь иной:
Духъ времени насъ всѣхъ по модѣ
Перекроилъ на свой покрой!

Ш Е Л Л Е.

Давно ли былъ я въ чащѣ лѣса
 Не знаю какъ оспался цѣль!
 Меня сей взбалмашный повѣса
 Повѣситъ на сучкѣ хопѣль! —
 Тогда я пихъ былъ какъ ягненокъ —
 А спань я полковапъ съ побой,
 Меня какъ разъ, — болвапъ-ребенокъ
 Скроилъ бы, пы, на свой покрой!

Б Е Р Т А (къ публикѣ.)

Коль мы васъ, господа, смѣшили
 И позабавили игрой!
 Такъ не забудьте, что скроили
 Мы водевилъ на вашъ покрой.

Ромцевъ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ.

Что сказать нашимъ чиншателямъ о *новомъ го-*
дѣ Русскаго театра? [годъ сей начинается не съ 1
 Марта, какъ утверждалъ кто-то, въ какомъ-то аль-
 манахѣ, а съ открытія Русскихъ спектаклей, послѣ
 великаго поета.]—Мы желали бы отдѣлаться предъ
 публикою извѣстною всѣмъ поговоркою: *»старое по*
старому, вновь ничего!« или затверженнымъ рапор-
 томъ фельдфебеля рошному командиру: *»ваше благородіе,*
все обстоитъ благополучно!« Но, къ сожалѣнію, не
 можемъ шеперь сказать ни того, ни другаго: не все
 по старому, не все благополучно на нашей сценѣ!..

Продолжающаяся, по сіе время, бользнь Г-жи Карапыгиной б.—вопъ неблагополучіе Русскаго театра; *Женни* [*], повалъ большаго опера въ 5 д. переведенная съ Французскаго [только не на Русскій языкъ], Р. М. Зотовымъ, и два дебюта Г. Рославскаго, вопъ новостн этого театра! . .

Считая излишнимъ говорить о томъ, какъ много потеряли въ представленіи: *Горе отъ ума*, *Юанъ—Герцогъ Финляндскій* и другія пьесы, въ которыхъ участвовала прежде, или могла бы нынѣ участвовать Г-жа Карапыгина б., мы скажемъ нѣсколько откровенныхъ и безпристрастныхъ словъ о новой оперѣ *Женни*, и о двухъ дебютахъ новаго артиста нашего, Г. Рославскаго:—мы видѣли два раза эту *Женни*, и ни разу не можемъ рассказать нашимъ читателямъ ея содержанія; дѣйствующія лица не Русскіе, говорили и пѣли не по Русски! Впрочемъ, если кто либо изъ зрителей, посмѣливше насъ, успѣлъ разгадать труднѣйшую *Сфинксову* загадку, [содержаніе въ Русскемъ переводѣ оперы *Женни*], то мы покорнѣе просимъ сообщить оное намъ и нашимъ читателямъ. Но вопъ старое по старому: Г-жа *Лебедева*, Гг. *Петровъ* и *Шелмаевъ* м. были хороши и въ этой дурной оперѣ!!!

Теперь, сообщимъ пріятную новость: Г. Рослав-

(*) Мы не говоримъ ничего о новомъ балетѣ: *Павелъ и Виргинія* потому, что балетъ можетъ принадлежать всегда всемъ сценамъ въ Европѣ, Азій, Африкѣ, Америкѣ и Австраліи.

скій дебютировалъ два раза—и въ двухъ различныхъ амплуа: кто не восхищался игрою Г. Сосницкаго, въ роль Посошкова, въ комедіи: *Благородный театръ?* . . . Если Г. Рославскій не только не уронилъ этой роли, но былъ въ ней хорошъ—и очень хорошъ, то это уже много для начинающаго! Публика, не ободрила, а одобрила молодаго артиста единодушнымъ вызовомъ! . . . Жаль, что не можемъ сказать того же о второмъ его дебютѣ, въ извѣстной Капнищевой комедіи: *Ябеда!* — Покойный Бобровъ былъ превосходенъ въ этой пьесѣ; — въ Г. Рославскомъ видѣли мы что-то похожее на Боброва, но вовсе не Боброва! . . . Гдѣ эта простота, гдѣ натура, которыми покойный Бобровъ заставлялъ насъ думать, что мы видимъ его не на сценѣ, а въ домашнемъ быту Предсѣдателя Гражданской Палаты. Впрочемъ, талантъ новаго дебютанта не подверженъ сомнѣнію: съ этимъ талантомъ, съ средствами, какими одарила Г. Рославскаго Природа—и съ пламенною любовію къ своему искусству, мы надѣемся, найтн въ немъ артиста, который, со временемъ, будетъ украшеніемъ нашей комической сцены; новый трудный подвигъ предстоитъ ему: вскорѣ дебютируетъ онъ въ роляхъ: Максима Меркулича [ком. Замужняя невѣста], и въ роль Барона, [вод. Приключеніе на станціи] . . . Первую изъ сихъ ролей занималъ всегда любимецъ Публики, *А. Н. Рамазановъ*; а вторую незабвенный *Е. П. Бобровъ*.

С М Ъ С Ъ.

Р Е В Н И В Ы Й М У Ж Ъ.

Ревнивый супругъ, подозрѣвая жену свою въ сердечной привязанности къ одному изъ домашнихъ друзей, говорилъ ей однажды: »не стыдно ли вамъ, сударыня? . .

— »Чего мнѣ стыдиться?« отвѣчаетъ жена: »я ничего не знаю!«

Оль. Вотъ забавно! . . она ничего не знаетъ! . . точно, хорошаго ничего не знаете вы! . Но, напримѣръ . . .

Она. Я говорю вамъ, что ничего не знаю, и ничего не сдѣлала, чтобы могло огорчить васъ.

Оль. Вѣрю:

Вѣдь дѣломъ называютъ *дѣло!*

А *дѣльнаго* въ просянукѣ нѣтъ;

И такъ, могу сказать вамъ смѣло,

Что ваше дѣло — дѣлать вредъ!

Она. Чѣс—наше? . . я не понимаю васъ!

Оль. Не понимаете? . . странно! . я говорю вообще о женщинахъ! .

Она. Коль о вредѣ вы говорите,

То, право, лучше мнѣ молчать! . .

Иной мужчина

Оль (прерывает ея.) Вы молчите,

А я вамъ спану продолжать:

Души достоинства прямая

Не заключаюся въ красъ:

Не дурны вы, — но скажутъ всѣ;

Но гдѣ въ васъ чувства недурны? . . .

И пусть, на перекоръ судьбъ,
 Меня, досель, вы не любили:
 Чпобъ не вредить хопя себѣ,
 Ужь, лучше бъ, шли вы, да шли! . .

Она, молчала и продолжала свою работу.

Л. Н.

Н О В О С Т И.

Извѣстный артистъ Берлинскаго придворнаго театра Г. Крюгеръ, намѣренъ въ скоромъ времени поѣхать нашъ С. Петербургъ. Милости просимъ!

Обѣрова опера: *Богъ и Бандера*, была представлена въ первый разъ на Берлинскомъ театрѣ 8 минувшаго Апрѣля. Не взирая на прекрасныя декорации и великолѣпную мопшировку сей пьесы, она не понравилась Берлинцамъ.

Во Франціи случилось недавно странное самоубійство. Одинъ молодой человекъ отправился съ своею невѣстою изъ Парижа въ Орлеанъ, съ пѣмъ, чпобъ тамъ умереть вмѣстѣ съ нею. Пріѣхавъ въ Орлеанъ, они пошли прямо на кладбище, гдѣ, сѣвъ на могилу, женихъ зарядилъ пулями пару пистолетовъ. Одинъ изъ нихъ опдалъ онъ своей любезной, другой взялъ самъ. Въ одно и то же мгновеніе выперляли они въ себя. Женихъ палъ мертвъ; а невѣстъ [мя ея Ан-

желика Б] успѣли подашь своевременную по-
мощь. Надѣюсь, что она останется жива.

Въ Туринѣ поспросилъ чрезъ р. Дору мостъ, изъ
Альпійскаго гранита. Мостъ сей имѣеть длины 150
фузовъ, а вышины только 18 фузовъ, и одна поль-
ко арка поддерживаееть его.

Знаменитый *Давидъ* окончиваетъ работою бюстъ
Паганини.

Холера опустошаетъ Индію. Возобновившіяся памъ
дѣйствія сей эпидимической болѣзни превосходящъ
всякое описаніе.

СО Д Е Р Ж А Н І Е No. XXXIX.

ИЗЯЦНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза*: Азакія и Цела-
рію. Повѣсть. *Стихотворенія*: Куплеты изъ Водевилля:
Духъ времени; *Ротгева*. РУССКІЙ ТЕАТРЪ. СМѢСЬ.
Ревнивый мужъ. НОВОСТИ.

К О Н Е Ц Ъ III-го Т О М А.

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдельнаго Корпуса
Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 15 Мая 1831 года.

Ценсоръ *П. Гаевскій*.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА:	<i>Стран.</i>
Органская дѣвушка. (Истинное произшествіе)	3 и 17
Опрывокъ изъ книги: Записки и воспоминаія Французскаго Пера	37
Маіорашъ. Повѣсть	59, 79, 115 и 144
Казанова у Галлера	127
Казанова у Вольпера	154 и 171
Новобранецъ. (Повѣсть.)	191 и 215
Сынъ Кромвеля	233
Азакія и Целаріо. Повѣсть.	251 и 269

СТИХОТВОРЕНІЯ:

На имянины М. Д. Н.	11
Эпиграммы	12 и 13
Сиропка. Романсъ; соч. <i>Н. Ставелова</i>	28
Опрывки изъ Шекспировой трагедіи: жизнь и смерть Ричарда П, Короля Англійскаго	48, 100 и 154
Элсія	74
Взоры Свяпаго	167
Эпиграмма	168
Къ No. 77-му Сѣв. Пчелы	ibid.
Поэпъ	185
Три слезы	ibid.
Скопниинъ и свиная. Басня; соч. <i>А. Е. Измайлова</i>	205
Ожиданіе; <i>И. Новицкаго</i>	226
Куплетъ изъ Водевилья: Духъ времени; <i>А. Г. Ротгева</i>	241 282
Мопылекъ; <i>А. Грекова</i>	261

БИБЛИОГРАФІЯ:*Стр.*

27) Хлышовскія сватьбы Игпата и Сидора, дѣ- тей Ивана Выжигина. — 28) Промонав- шійся купецъ. — 29) Дуничка, Московская междулочка, или узенькій корсепецъ. —	
30) Горькая участь - - - - -	13
31) Уидна, волшебная повѣсть - - - - -	110
32) Наваринская бивва, или Ренегатъ - - - - -	159
33) Пётръ Ивановичъ Выжигинъ - - - - -	207
34) Басни Алексея Зилова - - - - -	227
35] Приказъ Короля Комедіа - - - - -	246

ТЕАТРЪ:

Женитьба для денегъ, ком.—Утро и вечеръ, водев -	207
Бенефисъ М. Veruet - - - - -	262
Женни, опера — и дебюты Г. Рославскаго - - -	283

СМѢСЬ.

Анекдоты - - - - -	14, 15 и 186
День извозчика - - - - -	50
.	76
Нѣсколько замѣчаній о сходствѣ Грузинскихъ и Русскихъ словъ - - - - -	110
Паганини - - - - -	140
Невольный отвѣтъ - - - - -	168
Изъ альбома одной дѣвы - - - - -	213
Мои п.б юденія - - - - -	228
Въчтаніе Пепларки - - - - -	246
.	249

	<i>Стрин.</i>
Поговорки - - - - -	265
Весь въ опца - - - - -	266
.	266
Ревнивый мужъ - - - - -	286

НОВОСТИ - 16, 53, 56, 77, 114, 169, 187, 250 и 267
МУЗЫКА при NN. 28, 30, 32, 33, 36 и 38-мт.

